

ISSN 2411-8753 (Print)
ISSN 2710-3633 (Online)

ISSN 2411-8753 (Print)
ISSN 2710-3633 (Online)

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ
ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР
ЖӘНЕ ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫСЫ

“ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
АЙМАҚТАНУ” СЕРИЯСЫ

ИЗВЕСТИЯ

КАЗАХСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА

СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN

OF KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY OF
INTERNATIONAL RELATIONS AND
WORLD LANGUAGES

SERIES “INTERNATIONAL RELATIONS AND
REGIONAL STUDIES”

2 (48) 2022

АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА
KAZAKH ABLAI KHAN UNIVERSITY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND
WORLD LANGUAGES

2 (48) 2022

ISSN 2411-8753 (Print)

ISSN 2710-3633 (Online)

Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ

ХАБАРШЫСЫ

«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және
АЙМАҚТАНУ» сериясы

ИЗВЕСТИЯ

КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

BULLETIN

of Ablai Khan KazUIRandWL
series “INTERNATIONAL RELATIONS and
REGIONAL STUDIES”

Алматы
«Полилингва» баспасы
2022

© «Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті» Акционерлік қоғамының «Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ Хабаршысы-Известия» ғылыми журналының «Халықаралық қатынастар және аймақтану» сериясы таралымы, Қазақстан Республикасының Инвестициялар мен даму жөніндегі министрліктің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде тіркелген. Алғашқы есепке қою кезіндегі нөмірі мен мерзімі № 674, 18.05.1999 ж. Тіркелу күзлігі 10.04.2015 жылғы № 15196-Ж

Бас редактор

Құнанбаева С.С., филология ғылымдарының докторы, профессор,
ҚР ҰҒА-ның академигі, Алматы, Қазақстан

Жауапты редактор

Шаймарданова З.Д., тарих.ғ.д., доцент, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Редакция алқасы мүшелері

Абсамтаров Г.Р., саяси ғ.к., доцент, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Алез Г., доктор PhD, Әлеуметтік ғылымдар жоғары мектебі,
Париж, Франция

Аренова А.А., Алматы қаласындағы ҚР СІМ өкілдігінің саяси тобының
жетекшісі, Алматы, Қазақстан

Байсұлтанова К.Ш., саяси ғ.к., профессор, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Галиев А.А., т.ғ.д., профессор, профессор, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

Гессе Р., философия докторы, с.ғ.д., хабилиттік профессор,
Фрайбург университеті, Германия

Жабина Ж.Р., с.ғ.д., доцент, Қазақстан Республикасы Тұңғыш
Президенті - Елбасының кітапханасының Халықаралық қатынастар қызметі,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Вайкато Университеті, Жаңа Зеландия / Waikato
University, Hamilton, New Zealand

МакКленнен С. (McClennen S.), PhD, Пенсильвания Университеті,
Филадельфия, АҚШ/ University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-ті, Прага, Чех Республикасы, Charles
University, Prague, Czech Republic

Антонио Алонсо Маркос, PhD, профессор, Сан-Пабло СЕУ университеті,
Мадрид, Испания

Семедов С.А., ф.ғ.д., профессор, басқару және өңірлік даму институты, РФ
Президенті жанындағы РАНХиГС, Мәскеу қ., Ресей

Дронзина Т., хабилиттік доктор, профессор, Әулие Климент Охрид
София университеті, София, Болгария

Шукыжанова А.Н., PhD, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ, Алматы, Қазақстан

Шығарушы редактор

Джекебаева М.А., филос.ғ.к., доцент, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ,
Алматы, Қазақстан

© Научный журнал «Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана, серия «Международные отношения и регионоведение» Акционерного общества «КазУМОиМЯ имени Абылай хана» зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. Номер и дата первичной постановки на учет № 674, 18.05.1999 г. Регистрационное свидетельство № 15196-Ж от 10.04.2015 г.

Главный редактор

Кунанбаева С.С., ректор КазУМОиМЯ им. Абылай хана, академик НАН РК,
доктор филологических наук, Алматы, Казахстан

Ответственный редактор

Шаймарданова З.Д., д.ист.н., доцент, КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Члены редакционной коллегии

Абсаттаров Г.Р., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Аллез Г., доктор PhD, Высшая школа социальных наук, Париж, Франция

Аренова А.А., руководитель политическоей группы Представительства МИД
РК в г. Алматы, Алматы, Казахстан

Байсултанова К.Ш., к.полит.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

<p>Галиев А.А., д.и.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, Алматы, Казахстан</p>
--

Гессе Р., доктор философии, хабилитированный доктор политических наук,
профессор, Фрайбургский университет, Германия

Жабина Ж.Р., д.п.н., доцент, Служба международных связей Библиотеки
Первого Президента Республики Казахстан- Елбасы, Нур-Султан, Казахстан

Зиркер Д. (Zirker D.), PhD, Университет Вайкато, Новая Зеландия / Waikato
University, Hamilton, New Zealand

МакКленнен С. (McClempen S.), PhD, Пенсильванский Университет,
Филадельфия, США/ University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

Хорак С. (Horak S.), PhD, Карлов Ун-т, Прага, Чешская Республика, Charles
University, Prague, Czech Republic

Антонио Алонсо Маркос, PhD, профессор, Сан-Пабло CEU университет,
Мадрид, Испания

Семедов С.А., д.ф.н., профессор, Институт управления и регионального
развития, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

Дронзина Т., хабилитированный доктор, профессор, Софийский университет
Святого Климента Охридского, София, Болгария

Шукужанова А.Н., доктор PhD, КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

Выпускающий редактор

Джекебаева М.А., к.филос.н., доцент, КазУМОиМЯ им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан

© Scientific journal «Bulletin» of Ablai khan KazUIR&WL. Series «International Relations and Regional Studies» of JSC “Ablai khan Kazakh University of International Relations and World Languages” is registered in Communication, Informatization and Information Committee of Ministry for Investment and Development, Republic of Kazakhstan. Number and date of first registration №674, from 18.05.1999. Certificate N 15196 – G, 10.04.2015.

Editor in chief

Kunanbayeva S.S., Doctor of Philology, Professor,
Academician of NAS of the RK, Almaty, Kazakhstan

Executive Editor

Shaymardanova Z.D., d. of hist. sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan

Editorial team members

Absattarov G.R., cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan

Hallez X., PhD, EHESS, Paris, France

Arenova A.A., Chief of political group, Representation of MFA of the RK in Almaty,
Almaty, Kazakhstan

Baysultanova K.Sh., cand.of polit.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan

<p>Galiev A.A., d. of hist.sc., professor, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan</p>
--

Hesse R., Dr. of philosophy, Habilit. Prof. of Pol/ sciences,
Freiburg University, Germany

Zhabina Zh.R., D. of polit.sc., associate professor, International Cooperation
Department, the Library of the First President of the Republic of Kazakhstan - Elbassy,
Nur-Sultan, Kazakhstan

Zirker D., PhD, Waikato University, New Zealand

McClennen S., PhD, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

Horak S., PhD, Charles University, Prague, Czech Republic

Antonio Alonso Marcos, PhD, Professor, Universidad San Pablo CEU,
Madrid, Spain

Semedov S.A., D.of Philosophy, Professor, Institute of Management and Regional
Development, RANEPa under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Dronzina T., Doctor habil, Professor, Sofia University St. Kliment Ohridski,
Sofia, Bulgaria

Shukyzhanova A., PhD, Ablai khan KazUIRandWL, Almaty, Kazakhstan

Commissioning Editor

Jekebayeva M.A., c.philos.sc., ass.professor, Ablai khan KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

I БӨЛІМ. ДҰНИЕЖҰЗІЛІК САЯСАТ ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР

РАЗДЕЛ I. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

I PART. WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Abzhararova L. Zh., Nurliyev N. Ch. The UK's soft power as a geopolitical tool	8-14
Абжапарова Л.Ж., Нұрлиев Н.Ч. Ұлыбританияның жұмсақ күші геополитикалық құралы ретінде	8-14
Абжапарова Л.Ж., Нурлиев Н.Ч. Мягкая сила Великобритании как геополитический инструмент	8-14
Askhat G., Maulenbayeva A.A. Asean and its limitations of security cooperation in Asia Pacific region	15-24
Асхат Г., Мауленбаева А.А. Асеан және оның Азия-Тынық мұхиты аймағындағы қауіпсіздік саласындағы ынтымақтастықтағы шектеулері	15-24
Асхат Г., Мауленбаева А.А. Асеан и ее ограничения в сотрудничестве в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе	15-24
Байсултанова К.Ш., Мусатаева М. Влияние национальной культуры на развитие менеджмента	25-34
Байсултанова К.Ш., Мусатаева М. Ұлттық мәдениетті менеджмент дамытуға әсері	25-34
Baisultanova K., Mussatayeva M. Impact of national culture on the development of management	25-34

II БӨЛІМ. ШЕТЕЛДІК ЗЕРТТЕУЛЕР

РАЗДЕЛ II. ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

II PART. FOREIGN RESEARCHS

Семедов С.А. Геополитика Казахстана	35-44
Семедов С.А. Қазақстанның геосаясаты	35-44
Semedov S. A. Kazakstan geopolitics	35-44

III. БӨЛІМ. ГЕОСАЯСАТ ЖӘНЕ АЙМАҚТАНУ
РАЗДЕЛ III. ГЕОПОЛИТИКА И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
III PART. GEOPOLITICS AND REGIONAL STUDIES

Чукубаев Е.С., Ильясов А.Е. От союзников к «осторожным противникам»: перспективы развития арабо-иранских отношений	45-55
Чукубаев Е.С., Ильясов А.Е. Одақтастардан «сақ қарсыластарға» дейін: Араб-иран қатынастарының даму перспективалары	45-55
Chukubaev E.S., Ilyasov A.E. From allies to «cautious adversaries»: perspectives of the development of Arab-Iranian relations	45-55
Жабина Ж.Р., Сейтнур Ш.А. Тәжікстандағы азаматтық соғыс және ондағы БҰҰ мен Қазақстанның бітімгершілік рөлі	56-65
Жабина Ж. Р., Сейтнур Ш.А. Гражданская война в Таджикистане и миротворческая роль ООН и Казахстана.....	56-65
Zhabina Zh. R., Seitnur Sh.A. The civil war in Tajikistan and the peacekeeping role of the UN and Kazakhstan	56-65
Кузембаева А.Б., Хэ Ли. Влияние языка на международные отношения	66-77
Кузембаева А.Б., Хэ Ли. Тілдің халықаралық қатынастарға әсері	66-77
Kuzembayeva A.B., He Li. The impact of language on international relations	66-77
Мырзабеков М.С., Ло Хуйчжэнь. Тайваньский вопрос в Китайско-Американских отношениях	78-91
Мырзабеков М.С., Ло Хуйчжэнь. Қытай-АҚШ қатынастарындағы тайвань мәселесі	78-91
Myrzabekov M.S., Luo Huizhen. The taiwan question in China-US relations	78-91
Мырзабекова Р.С., Цинь Лу. «Анализ воздействия Covid-19 на международные отношения»	92-101
Мырзабекова Р.С., Цинь Лу. «Covid-19-ның халықаралық қатынастарға әсерін талдау»	92-101
Myrzabekova R.C., Qin Lu. An analysis of the impact of the international relations effect of the covid-19	92-101

Augan M., Guohua M. History of China and Mongolia and its impact on the diplomatic relations	102-112
Ауган М., Гохуа М. История Китая и Монголии и ее влияние на дипломатические отношения	102-112
Ауган М., Гохуа М. Қытай мен Моңғолия тарихы және оның дипломатиялық қатынастарға әсері	102-112

IV. БӨЛІМ. ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

РАЗДЕЛ IV. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

IV PART. INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Исова Л.Т. Нацистік Германияның әскери тұтқындарға қатысты саясатындағы кеңестік қоғамдағы ұлттық қарама-қайшылық мәселесі	113-125
Исова Л.Т. Проблема национального противоречия в советском обществе в политике военнопленных нацистской Германии	113-125
Issova L.T. The problem of national contradiction in the Soviet society in the policy of war-prisoners of Nazi Germany.....	113-125

**І БӨЛІМ.
ДҮНИЕЖҮЗІЛІК САЯСАТ ЖӘНЕ
ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР**

**РАЗДЕЛ I.
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**I PART.
WORLD POLITICS AND
INTERNATIONAL RELATIONS**

**UDC 327
DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.001
IRSTI 325**

THE UK'S SOFT POWER AS A GEOPOLITICAL TOOL

*Abzhaparova L.Zh.¹, Nurliyev N.Ch.²

*¹Doctor PhD, associate professor at the Department of International Relations, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan, e-mail: laura_zh83@mail.ru,

²M.A. International Relations at Kazakh Ablai Khan

University of International Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: nurlievn@gmail.com

Abstract. In the world with great power countries who are focused in achieving military advantages to gain world influence, it is important to study countries that use soft power to attract other countries and gain their influence. And one of these countries with strong cultural and economic power, is the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. UK has many soft power assets worldwide, as the widespread English language, BBC World Service, the British Council, and institutions of higher education and Commonwealth of Nations. Overall, it is evident that modern UK is no match to a former UK, which had global hegemony, in terms of hard and soft power. But, nowadays, it only remained its soft power influence, which is still a great achievement of UK's foreign policy, because it can be converted to a real actions and policies that are beneficial for the post-brexit UK. And this soft power capacity is already being converted to a real action, which can be observed in a new international initiative of the UK

“Global Britain” that is aimed at increasing the influence of UK and its role in geopolitics. Therefore, because of the new stage of a cold war between U.S.A. and Russia – UK needs to re-establish its once power position in International Relations.

Key words: Soft Power, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, geopolitics.

Basic provisions

In the twenty first century, United Kingdom (UK) is seen as a former global power, which had a massive military, economic and cultural influence all over the world. UK often portrayed by political experts and even usual citizens worldwide, as a “client state” of USA. According to the book “Guide to International Relations and Diplomacy” by Michael Graham Fry, “A client state is a state that is economically, politically, or militarily subordinate to another more powerful state in international affairs” (2004). These characteristics visible in UK-US relations, therefore, they believe that UK has no real impact to global politics nowadays. And moreover, it is fair to claim such statements, because of practical examples. One of which, can be observed in the invasion of Iraq in 2003 by the US.

Introduction

UK was the first to enter the military coalition and actively participated in a ground skirmishes, despite the fact that this military invasion violated the international law [1]. In the meantime, other powerful European countries, Germany and France rejected to participate in this military operation.

However, the first sign of the loss of power of UK to USA was during the Suez Canal crisis in 1956, when naval forces of UK, supported by France and Israel, attempted to take control over the Suez Canal, because the government of Egypt decided to build a dam in Suez Canal, which could give them an ability to close the canal and stop shipments. Note that, this event was happening during the deterioration of Egypt’s relation with Western countries, and improving relations with the Soviet Union. In this sense, there was a threat of a new global war. Hence, the American president on that moment, Eisenhower, threatened to destroy the pound on international money markets if UK wouldn’t withdraw its forces [2].

On the other hand, other experts suggest that, the reason for diminishing role of UK in the world is largely self-inflicted. The country has become inward-looking, fretting over whether it’s a country at all.

Overall, considering the above stated facts, it is relevant to assert that UK lost its dominant position. In this regard, it is important to identify the current role of UK in world politics, opportunities and challenges of modern UK, and to analyse the power and capacity of UK’ soft power in the context

of geopolitics, who recently left the European Union and who is: 1. actively promoting its own unions and associations; 2. trying to establish its own rules and orders in international relations nowadays.

Description of materials and methods

Firstly, to understand the UK's goals in geopolitics, it is important to describe the term "soft power". According to the implementer of the term "soft power" Joseph Nye, it is an ability of a great power country to spread its influence through political, military, economic and cultural tools – to push small and medium power states to do something, which will be beneficial for a great power state. Soft power can be conducted in a three ways [3]. The first is to threaten by demonstrating military and economic power, but not to use them. The second is to invest money and resources to make other country dependent. The third is to attract for cooperation by using political values and peaceful foreign policy. And all of these three methods should be conducted along with a cultural reach, political values and military-economic strength. As a result, a great power state will achieve a "client state" who will be, willingly or unwillingly, in a zone of influence of a great power state, which will also protect from other powerful states and provide assistance [4]. Therefore, a cooperation that was built by using soft power can be equally beneficial in most cases.

Furthermore, the government of UK set a new international ambition after the Brexit from EU. The new goal called "Global Britain", as stated in the official report of the UK's government "Global Britain is about reinvesting in our relationships, championing the rules-based international order and demonstrating that the UK is open, outward-looking and confident on the world stage" [5]. The new initiative has an implementation framework, which consists from several plans/steps [6].

Results

1. The first plan "Sustaining strategic advantage through science and technology":

- making the UK a "Science and Technology superpower" until 2030;
- improving the competitiveness of the IT sector of UK worldwide;

2. Second "Shaping the open international order of the future":

- protecting open societies and universal human rights worldwide;
- encouraging for open and adaptable global economy;
- promoting an open international order, that reflects democratic values and interests, to reduce the risk of conflict and limit malign activity

3. Third "Strengthening security and defence at home and overseas":

- combatting external threats, "weapons of mass destruction", "terrorism" etc.;

- fighting regional conflicts;
- addressing challenges in national and international security.

4. Fourth “Building resilience at home and overseas”:

- building national resilience;
- elimination environmental degradation;
- developing healthcare system.

Nowadays, the UK known as a “soft power superpower”, since it had and has massive impact on our world [7]. The English language is the most popular spoken language, it is used as the international communication language by usual civilians and high officials worldwide. Many English scientists and philosophers put their effort in building the world we know. UK had numerous colonial states all across the world by using its, for that moment, strong naval forces, and as a results, its cultural, political and military-economic influence zone became great. But, the main success of the British colonialism, is that London has managed to maintain a good relations with its former colonial states, despite the horrific actions that were done by the British Empire against colonies [8]. The government of UK created a “British Commonwealth of Nations” in 1931. The main purpose of this union is to maintain friendly cooperation and communication between UK and its former colonies, who also have to accept the British monarchy as a symbolic head of the association.

However, the UK didn’t to use this organization as their main and prior zone of influence, instead the British government were focused on the European region, specially EU. It tried to surpass France and Germany, and establish hegemony in Europe. But, after joining EU, the government of UK quickly lost its nationalist ideas, because they couldn’t compete with USA and USSR independently. Therefore, UK’s economic, military and political sectors began deeply integrating with other EU member states [9].

Furthermore, in 2020, the UK exited form the EU after the majority of citizens voted to leave, which was the result of nationalist campaign for independents of UK. This unleashed new challenges, but also, new opportunities [10].

The big challenge was in the fact that, after the exit from EU, the nationalist climate still remained, and citizens of Scotland and Northern Ireland demanded to stay in EU. This brought political dispute and tensions between citizens within the UK [11]. It showed the weak point of the government of UK, who previously swiftly eliminated separatists and didn’t let to address destructive messages targeting to destroy the unity of UK.

The next challenge appeared during the first covid-19 global pandemic.

It revealed the importance of cooperation, yet the UK government were in wicked relations with EU member states. Hence, UK had to deepen the cooperation in healthcare sphere with EU states, specifically in making a vaccine and distributing it, in order to fight the new infectious disease and halt the spread [12]. This fact, reignited debate concerning the brexit.

Discussions

Moreover, as it was stated above, brexit brought new opportunism too. The association of Commonwealth of Nations, which was unfairly disregarded by the British government received its full recognition and importance for the UK. The union, which consists from 54 sovereign states [13], became a primary partner for post-brexit UK's external affairs. The UK uses Commonwealth of Nations to advance its trade agenda, trade agreements and deepen ties with like-minded countries, since they have common history and language. The main aims of this organization are:

- economic development;
- democracy-building;
- free trade promotion;
- poverty reduction;
- health-care programs;
- cultural exchange [14].

Overall, it is noticeable that soft power is significant asset for UK's foreign policy. And it is being used to promote strategic goals of the government of UK. Thus, soft power is being converted into actions in international relations. Other soft power tools of the UK are visible in BBC World Service, the British Council, and institutions of higher education [15].

Finally, with regard to the above stated facts, it is justifiable to claim that UK lost its dominant position in international relations, because of the external reasons, as USA during the Suez Canal crisis and internal reasons, as separatist and nationalist movements, as well as the incompetence and lack of political will of high officials, who led to the decrease of UK's role in global politics.

Conclusion

However, as it has been pointed out, currently, UK is trying to re-establish its dominance on the world stage by using its soft power assets, such as Commonwealth of Nations, BBC World Service, the British Council, and institutions of higher education.

Overall, it is evident that modern UK is no match to a former UK, which had global power, in terms of hard and soft power. But, nowadays, it only remained its soft power influence, which is still a great achievement of UK's foreign policy, because it can be converted to a real actions and

policies that are beneficial for the post-brexite UK. And this soft power capacity is already being converted to a real action, which can be observed in a new international initiative of the UK “Global Britain” that is aimed at increasing the influence of UK and its role in geopolitics.

REFERENCES

- [1] Iraq invasion violated international law, Dutch inquiry finds // Accessed 1.04.2022.
- [2] Suez Crisis. Middle East // <https://www.britannica.com/event/Suez-Crisis>. Accessed 1.04.2022.
- [3] Joseph S. Nye, Jr Soft Power: The Means to Success in World Politics. – PublicAffairs, 2005. – 191 p.
- [4] Nye, Joseph. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. - London: Basic Books, 1990.
- [5] Global Britain: delivering on our international ambition // <https://www.gov.uk/government/collections/global-britain-delivering-on-our-international-ambition>. Accessed 12.04.2022.
- [6] Global Britain in a competitive age // The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. – 2021. - March.
- [7] MacDonald, Alistair. The UK’s soft power challenge. - British Council, 2019.
- [8] British Empire. Historical state // United Kingdom. 2021. - Oct 22.
- [9] 1973: Britain joins the EEC”. - BBC News. – 1973. - 1 January. Archived from the original on 14 January 2019. Retrieved 9 March 2016.
- [10] What is Brexit? // <https://www.government.nl/topics/brexit/question-and-answer/what-is-brexit>. Accessed 28.04.2022.
- [11] Exit plan: how Scotland and Northern Ireland can remain in the EU // LSE BPP. – 2016. - June 27.
- [12] Herszenhorn, David M. UK and EU vow vaccine cooperation but offer no specifics. March 24, 2021. <https://www.politico.eu/country/eu27/page/5/>. Accessed 1.05.2022.
- [13] The Commonwealth // <https://thecommonwealth.org/member-countries>. Accessed 4.05.2022.
- [14] McBride, James. The Commonwealth of Nations: Brexit and the Future of ‘Global Britain // <https://www.cfr.org/background/global-britain-and-commonwealth-nations>
- [15] Rawnsley G. Understanding the UK’s soft power: more than Shakespeare and the Royal Family // <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/soft-power-british-government-actions>. Accessed 2.02.2022.

ҰЛЫБРИТАНИЯНЫҢ ЖҰМСАҚ КҮШІ ГЕОПОЛИТИКАЛЫҚ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

*Абжапарова Л.Ж.¹, Нұрлиев Н.Ч.²

*¹PhD доктор, Абылай хан ат. ҚазХҚжӘТУ-нің халықаралық қатынастар және аймақтану кафедрасының қауымдастырылған профессоры,

Алматы, Қазақстан, e-mail: laura_zh83@mail.ru

²2-курс магистранты, Абылай хан атын. ҚазХҚжӘТУ-нің халықаралық қатынастар ғылыми-педагогикалық бағыты, Алматы, Қазақстан, e-mail: nurlievn@gmail.com

Андатпа. Дамыған елдердің көпшілігінің сыртқы саясаты әлемдік аренадағы ықпалын арттыру. Сондықтан олар әскери күшін дамытуға тырысып жатыр. Алайда, тек жұмсақ күшті қолданатын елдер туралы да айту керек. Осындай елдердің бірі – Ұлыбритания. Ұлыбританияның дүние жүзінде кең таралған ағылшын тілі, ВВС бұқаралық ақпарат құрал қызметі, Британдық Кеңес, сондай-ақ жоғары оқу орындары мен Ұлттар Достастығы сияқты көптеген жұмсақ қуат активтері бар. Жалпы, қазіргі Ұлыбританияның қатты және жұмсақ күші жағынан жаһандық гегемонияға ие болған бұрынғы Ұлыбританиямен салыстыруға келмейтіні анық. Өйткені, қазіргі Ұлыбританияда тек жұмсақ күш қалды, сонда да бұны әлі де британдық сыртқы саясаттың үлкен жетістігі деп санауға болады, өйткені оны Ұлыбритания үшін пайдалы нақты әрекеттерге айналдыруға болады. Сондықтан АҚШ пен Ресей арасындағы қырғи-қабақ соғыстың жаңа кезеңіне байланысты Ұлыбритания халықаралық қатынастардағы бұрынғы берік ұстанымын қалпына келтіруі керек.

Тірек сөздер: жұмсақ күш, Ұлыбритания, геосаясат.

МЯГКАЯ СИЛА ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

*Абжапарова Л.Ж.¹, Нурлиев Н.Ч.²

*¹Доктор PhD, ассоциированный профессор профессиональной кафедры международных отношений КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: laura_zh83@mail.ru

² магистрант 2 года обучения в КазУМОиМЯ имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: nurlievn@gmail.com

Аннотация. В мире где внешняя политика многих лидирующих стран, ориентирована на развитие военной мощи для усиления своего влияния на мировой арене, важно также говорить и о странах, которые

используют только мягкую силу для привлечения других стран в свою зону влияния. И одной из таких стран с сильной культурной и экономической мощью является Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Великобритания обладает многими активами мягкой силы по всему миру, такими как широко распространенный английский язык, Всемирная служба BBC, Британский совет, а также высшие учебные заведения и Содружество Наций. В целом очевидно, что современная Великобритания не может сравниться с бывшей Великобританией, которая имела глобальную гегемонию, с точки зрения жесткой и мягкой силы. Но в настоящее время от у Британии осталась только мягкая сила, что по-прежнему является большим достижением внешней политики Великобритании, поскольку его можно конвертировать в реальные действия, выгодные для Великобритании. И этот потенциал мягкой силы уже трансформируется в реальное действие, что можно наблюдать в новой международной инициативе Великобритании «Глобальная Британия», направленная на усиление влияния Великобритании и ее роли в геополитике. Поэтому из-за нового этапа холодной войны между США и Россией, Великобритании необходимо восстановить свои некогда сильные позиции в международных отношениях.

Ключевые слова: мягкая сила, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, геополитика.

Статья поступила 17.05.2022

UDC 327

DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.002

IRSTI 11

ASEAN AND ITS LIMITATIONS OF SECURITY COOPERATION IN ASIA PACIFIC REGION

*Askhat G.¹, Maulenbayeva A.A.²

¹doctor PhD, associate professor, Ablai khan, KazUIRandWL
Almaty, Kazakhstan, e-mail: askhat.g@ablaikhan.kz

²2nd year master's student, Ablai khan, KazUIRandWL,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: maulenbayeva.aruzhan@mail.ru

Abstract. The reason of ASEAN's rising dominance in the regional order was the fact that the association had been enlarging its institutional activities within the region and expanding new policy areas. However, recent challenge that cast doubt on the association's status of a central player in

the region of Asia-Pacific has come in the form of China's rise. There is no reverse logic to existing cooperation theories that explain the reasons why minor states want to pull together their powers.

In this article, the authors come to a conclusion that the specific form of the association's regionalism not only lacks some degree of capacity but also is a result of the weak countries' cooperation. A number of different studies show that the ASEAN's effectiveness is limited in the context of becoming a security organization. The analysis of the association's actions demonstrates that the powers of a single strong entity can easily push ASEAN to the second place.

Key words: ASEAN, Cooperation, International Security, Regionalism, Integration.

Basic provisions

The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is aiming to become the main economic and security ensuring regional organization of the Southeast Asia, however, it faces a number of challenges and limitations to become one. The realism of weak countries has been analyzed in order to assess the ASEAN's influence in ensuring security in the region. The association's principle of conflict avoidance leads stronger players in the APR to take over the "ruling position" of the regional development.

To assess the association's impact in ensuring security in the region, the realism of a weak states has been reviewed. Next, the paper analyses the limits of the organization's steps in forming a broader multilateral security cooperation. ASEAN's conflict avoiding principle leads stronger players in the Asian Pacific region to take over the "leading seat" of the regional development.

Introduction

The Association of Southeast Asian Nations from the very beginning of its existence has been gradually appearing on the regional scene and gaining strength. The association's "evolution" over last several decades has been approved by both scientific circles and regional political figures. In the 90s, Frost has called the association one of the most successful regional associations among developing countries [1]. Smith, analyzing the region, argued that the Association of Southeast Asian Nations had no analogues among third world countries [2]. However, the Asian Financial Crisis (AFC) that took place at the end of the 20th century has slightly violated this assumption, this in turn, prompted deeper integration of the member states of the organization.

Description of materials and methods

By means of a comparative method, the analysis of scientific sources of foreign authors investigating the security problems of the Asian-Pacific region is carried out, the concepts of "open region", "weak state's

regionalism”, and others were characterized. Conceptual theories of foreign and domestic scientists were also used in the article.

As the main methods among general scientific methods, systemic and structural methods were broadly used.

Results

A very diverse composition of the members of the ASEAN and diverse national interests are the reasons for an unattainability of the deeper integration. Numerous scholars expressed skepticism on the effectiveness of the association’s regional diplomacy. Some of the criticism was focused on the superficial institutionalization of the regional project, and few directly questioned its supposed underlying sense of community [6]. Some of the scholars were questioning the essence of the association itself, and few claimed that the ASEAN really represents the security community. A final understanding of the regionalism driven by the Association of Southeast Asian Nations suggests that a community of weak countries has developed a set of norms that were previously adopted by powerful states, and has transformed states into more inclusive community.

Discussion

Although it is not quite clear whether another organization would represent same “open region” that encompasses almost all of the neighboring countries such as the US, Russia, Canada, New Zealand and Australia. The uncertainty about the geographical scope of the association represents deeper ambivalence of the organization itself, and it could be noticed from the very beginning of the existence of the organization that always had been promoting inclusiveness. It was more than enough for member states to just sign up to peaceful resolution and non-interference norms. Indeed, it remains unclear where the organization’s boundaries end.

Positive assessments of the expanded structure of the organization since the 2000s have welcomed the ASEAN’s initiatives to socialize the region [2]. However, political changes in the face of China’s rise have raised doubts on the association’s real influence in the Asian Pacific region. At the same time, a number of drastic changes were taking place within the framework of the organization. The more the association expanded, the more the problem of deepening integration exacerbated. By now, the association is comprised of Myanmar and Thailand, the military juntas, Laos and Vietnam which are the communist states, Cambodia which is an elected autocracy, Brunei which is an absolute monarchy, Indonesia a consolidating democracy as well as semi-democratic states as Singapore, Philippines and Malaysia. Instead of contributing to deeper integration, very diverse types of political regimes of the member states made the process of integration even more unachievable.

The studies of Southeast Asia’s regional security mechanisms that were made earlier sharply contrast with the recent studies on the prospects of the

Association of Southeast Asian Nations. Scientists, in the middle of the 20th century were already predicting the failure of ASEAN both in its usefulness and scope. However, constructivist, liberal as well as normativist theories of international relations that were prevailing in the 90th of the previous century in academic studies, were confirmed during ASEAN process. The association's exit from confrontations era to dynamic association-forming beginnings simultaneously were deepening the integration processes within the organization, and has built a unique "ASEAN way" and expanded its mechanisms, formed common norms and shared identity [3]. According to Acharya, the association's indemnity to regionalism was perfect and social, and it had deterrent influence on conflicts between states.

ASEAN intended to become a complete organization as proposed at the association's summit in 2003, and the analysts were optimistic about the following years [4]. Annual meetings of the organization were recognized to contribute to deeper integration and strengthen regional identity. Moreover, the heads of association's member states intended to preserve ASEAN's "governing place" in forming regional security [5].

The ASEAN Charter, which is the main document of the organization demands non-interference in the internal affairs of the participating states. Consequently, all the states that submit to the association, recognize the indestructibility of the sovereignty of the members. ASEAN resolves conflicts by conducting peaceful dialogues, negotiations and by giving consultations, therefore the association refrains from using destructive force. Effective dispute resolving mechanisms were settled in all of the areas of cooperation of the association. Nevertheless, the ASEAN Charter has not agreed on a binding basis of its resolutions, and the peaceful settlement of the conflicts depends on the actions of the Chair or the Secretary-General of ASEAN [7].

The above-mentioned norms of peaceful conflict settlement and non-interference are not new. These norms were set by the UN Charter long before the Association of Southeast Asian Nations was formed. These documents reflect the post-colonial values that were formed by the end of the WWII. The distinguishing features of the ASEAN's norms lie in the realization of the norms not in their content. How Acharya says "ASEAN's way is a process that carries out the interactions", thus it needs development of some concrete habits and tendencies, in particular a cautious and informal style of diplomacy [3]. This what makes the association different from other "more formal" organizations of the west [8]. Unlike western institutions that focus on legitimate decision-making processes, ASEAN focuses on increasing "the level of comfort" for its members, which means that it tries to evade direct disputes. Thus, the consolation process was conducted by escaping bilateral conflicts between participating parties or by resolving them in non-binding dialogue form. "What does the association do when

it cannot resolve the dispute? It can hide the problem rather than drawing attention to it. A problem today, may not be a one in the future” – this is how the former Secretary General of ASEAN explains it.

The ASEAN’s “compromise diplomacy” was established to manage relations in the broader Asian Pacific region. The concept document of the organization provided that it would concentrate primarily on confidence-building, then on preventive diplomacy and finally on building conflict resolving mechanisms [9]. ASEAN has developed its own unique interstate framework of both formal and informal meetings of the heads of states since its fourth summit in 1992. There are official meetings every two years and several unofficial meetings in between them.

The meetings and summits are headed by the Secretary-General of the ASEAN and managed by the secretariat. The association’s policy making process was accelerated by the 1997-1998 financial crisis, and the very first milestone was the Bali Agreement II of 2003. Following that, the Kuala Lumpur Declaration was established in 2007, which gave the association the legal entity’s status. In addition, the framework that governs the association’s foreign trade with states like India, Japan and the strategic partnership with China was founded. The association had trade relations with states like South Korea and New Zealand by 2014. However, in the area of economic regionalism removal of trade barriers does not itself mean a deeper integration. On security issues, the association stayed strongly devoted to non-interference and cooperation norms. This means that close interstate relations and the relations between the heads of states and high-ranking statesmen are more important than official rules and bureaucratic procedures. The overall effect of regional process can be explained as “soft” institutionalism.

The association’s accent on non-interference, according to Buzan, represents weak state’s identity, therefore having no internal potential, weak states are anxious about their internal security, at the first place [10]. Consequently, most of the weak countries endure a number of disadvantages. Such disadvantages include: disability of ensuring internal order, disability of maintaining basic social values, and the gap in compliance of citizens. States that face such disadvantages, unable to cope with the issues, become highly dependent on strong powers, even if the main driver of the foreign course are internal.

Internal sources of general powerlessness were recognized as the main source of transborder cooperation both in “west” and “east” regionalism [11]. (Kelly, 2007) Yet, how it was noticed by Ayoob, the particular subordinate realism which is common among weak countries, is oriented to form not a regional identity, but a national one. Roberts claimed that lack of national potential was a major reason for a poor identity of the Association of Southeast Asian Nations (2012).

The theory of community security, heavily focusing on promotion of transborder interdependence, has ignored rational-materialistic and national factors underlying the community agenda of ASEAN. Moreover, it is quite uneasy to understand the inherent ideas of “easy” regionalism, therefore the recognition that the association had from the very beginning was an organization of resolving internal relations, and not a balancer of external threats [12]. As an example the Cambodian War, when the association publicly opposed Vietnam for its actions, its intentions stayed decidedly domestic [13]. Even if the driving forces of the international affairs have not changed, the states of East Asia have gained strength and became louder in expressing their intentions.

The political structure of Southeast Asia is mainly connected with the results of performances, which can be proven by the fact that ASEAN considers its movement towards deeper integration in economic sphere as its main achievement. The members of the association were no longer engaged in region forming, but in nation building. Thus, in order to contribute to these conditions, the inexpensive and safe diplomacy of unofficial meetings and non-binding contracts has worked to ensure quite stable relations within the association. Nevertheless, the essence of weak state regionalism is in the fact that it does not support the real aims and intentions of its participants, namely the strengthening of the national state. In the case of the absence of successful responses to cross-border threats and sustainable ways of solving interstate disputes, the countries become weak not only to internal risks, but additionally to external threats. While submitting to wider integration ASEAN officials argued that they would not give up their sovereignty. This serves as an evident obstacle for the process of association’s gatherings and dialogue in unofficial atmosphere which is also believed to promote trust over time and build common principles and common identity. The mandate of the ASEAN under its charter lacks supranational potential, despite the fact that it was enlarged and improved. The same sources of distrust that hinder wider integration, hinder the development of common identity of ASEAN members. As a result, a “light regionalism” appears, overflowed with organizations and institutions that have small influence on the structure of regional security. However, even though the association has achieved several small objectives, the association couldn’t reach the main goal of relieving internal and foreign security issues in Southeast Asia. The so-called non-traditional threats of global scale were reflected in the association’s security agenda, especially after the 9/11 events and the end of the Cold War. The “rule-based association” was envisioned in order to take security cooperation to a higher level, without disturbing the independence of its participants.

ASEAN plus three and ASEAN’s security dilemma

It is believed that the participation of three regional strong entities

such as Japan, South Korea and China to ASEAN+3 will turn into integrated security and economic cooperation. However, such assumption raises questions on the possibility of functioning of such cooperation without the US. One of the greatest aspirations of the Association of Southeast Asian Nations was the strengthening the regional integrity without the intervention of powerful foreign entities, since the Zone of Peace, Freedom and Neutrality has been declared. The logical conclusion of the 2008 financial crisis was the elimination of the US from Southeast Asian community. It is noteworthy that among the participants of the Kuala Lumpur meeting in 2005, the US was not invited.

In terms of regional economic power, China presented itself as a successor of the US, this was seen as a strategic oversight [14]. However, the US, for several decades, served as a stabilizer for volatile competition between quite strong states of China and Japan. Some diplomats of the association have secretly recognized the significance of the United States role. Such trust on the presence of the United States while upholding regional stability schemes, which over time, demanded a weakening of influence of the United States in Southeast Asia, became a discrepancy that none from scientists or diplomats could appropriately resolve. Until 2008 the exceptional only Asian viewpoint was used semi-formally, and this fact has reinforced the feeling that the association broader security courses in the region lacked consistency. China's support against the US has shattered the apparent goal for which the processes of APT and ARF were developed [15].

Conclusion

The association's movement towards an economic, political, security as well as cultural unity and its expansion in the Asian-Pacific region examines leading hypothesizes in the studies that the socialization among the member states of the association convert the interests of the states into common norms, and builds an ideological foundation for common identity. A nation talking to another nation would eventually turn into a supranational grouping. Such teleology, that has a great impact on the subject of international relations, found its embodiment in the ASEAN's development process and its supposed alteration into Southeast Asian congregation. However, it was found that weak states' regionalism in the Association of Southeast Asian Nations remains to be conservative. Those who believed that the association had turned into a rudimentary security organization, precisely followed the formal rhetoric of the association.

The most important norms of non-interference of the association and its non-binding consensus hinder broader integration both within the Association of Southeast Asian Nations and in the broader Asian Pacific region. The durability of the institutional structure does not in any way imply progress, but rather an appeal to the process without solution. Prolonged conflicts and smoldering suspicions make the use of coercion an option that is not excluded in the association and hinders more effective ways of

strengthening security. The association's role in encouraging regional well-being was limited even with the shift in from results to supposedly more important process parameters. If an intergovernmental conflict is indeed extremely unlikely to happen between any of the member states of the association, it is not due to a liberal or ideological gathering, but above everything due to the lack of significant potential.

Observing mainly the transnational security regimes' practice, countries adhere to bilateral or multilateral agreements, and do not build a supranational practice regarding internal security. Even though the dispute prevention strategies expanded to broader East Asia, the association's collective weakness has not changed. ASEAN, as a result, seems destined to stay a set of weak and unstable states, and what appeared to be a socialization of China and Japan, had unexpected effect, as they tried to manipulate the norms of the association in order to gain their own goals. Therefore, the member states of the association seek to bandwagon with the US in order to maintain the regional presence of a superpower, or tried to build ties with rising China. Does not matter which strategy the ASEAN ultimately adopts, it is only able to hide the fact that the less powerful states are not able influence the fate of more powerful states.

REFERENCES

- [1] Frost F. Introduction: ASEAN since 1967 / in Broinowksi A., (ed.), ASEAN into the 1990s. - Hampshire: Macmillan, 1990. – P. 1–31.
- [2] Smith A.L. ASEAN's ninth summit: solidifying regional cohesion, advancing external linkages // Contemporary Southeast Asia. - 2004. Vol. 26(3). – P. 416–433.
- [3] Acharya A. 'Ideas, identity, and institution-building: from the 'ASEAN Way' to the 'Asia-Pacific Way'? // The Pacific Review.- 1997. Vol. 10(3). – P. 319–346.
- [4] Khong Y.F. 'Coping with strategic uncertainty: the role of institutions and soft balancing in Southeast Asia's Post-Cold War Strategy'. – Rethinking Security in East Asia: Identity, Power, and Efficiency // Stanford, CA: Stanford University Press, 2004. – P. 172–208.
- [5] Caballero-Anthony M. 'Understanding ASEAN's centrality: bases and prospects in an evolving regional architecture' // The Pacific Review. - 2014. Vol. 27(4). – P. 563–584.
- [6] Roberts C. 'State weakness and political values: ramifications for the ASEAN community', in R. Emmers, (eds), ASEAN and the Institutionalisation of East Asia. - London: Routledge, 2012. – P. 11–26.
- [7] ASEAN. Report of the Eminent Persons Group on the ASEAN Charter: Executive Summary, 2006 // <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/archive/19247.pdf>. Accessed 14.03.2022.
- [8] Acharya A., Johnston A.I. Comparing Regional Institutions: An

Introduction // in *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 1–31.

[9] ARF. A concept paper. ARF Documents Series 1994–2006. - ASEAN Secretariat, 1995.

[10] Buzan B. Third world regional security in structural and historical perspective // in Brian Job, (eds), *The Insecurity Dilemma: National Security of Third World States*. - Boulder: L. Rienner Publishers, 1992. – P. 167–189.

[11] Kelly R.E. Security theory in the ‘new Regionalism’ // *International Studies Review*. - 2007. - Vol. 9 (2). – P. 197–229.

[12] Acharya A. Collective identity and conflict management in Southeast Asia // in E. Adler and M. Barnett (eds), *Security Communities*. - Cambridge University Press, 1998. – P. 198–227.

[13] Storey I. Southeast Asia and the Rise of China: The Search for Security. *Routledge Security in Asia Series 8*. - London; New York: Routledge, 2011.

[14] Cole B.D. *Asian Maritime Strategies: Navigating Troubled Waters*. - Annapolis, Maryland: Naval Institute Press, 2013.

[15] Leifer M. The issue is ASEAN // *FEER*. – 1995. - November.

АСЕАН ЖӘНЕ ОНЫҢ АЗИЯ-ТЫНЫҚ МҰХИТЫ АЙМАҒЫНДАҒЫ ҚАУІПСІЗДІК САЛАСЫНДАҒЫ ЫНТЫМАҚТАСТЫҚТАҒЫ ШЕКТЕУЛЕРІ

*Асхат Г.¹, Мауленбаева А.А.²

*¹PhD докторы, қауымдастырылған профессор Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ, Алматы, Қазақстан, e-mail: askhat.g@ablaikhan.kz

²2-курс магистранты, Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ, Алматы, Қазақстан, e-mail: maulenbayeva.aruzhan@mail.ru

Аңдатпа. Аймақтық тәртіпте АСЕАН үстемдігінің жоғарылауының себебі қауымдастықтың аймақтағы институционалдық қызметін кеңейтіп, саясаттың жаңа бағыттарын кеңейтуі болды. Алайда, қауымдастықтың Азия-Тынық мұхиты аймағындағы орталық ойыншы ретіндегі мәртебесіне күмән келтіргені – Қытайдың өрлеуі болды. Қолданыстағы ынтымақтастық теорияларында шағын мемлекеттердің күш біріктіргісі келетін себептерін түсіндіретін кері логика жоқ.

Бұл мақалада авторлар қауымдастықтың регионализмінің белгілі бір әлеуетке ие емес, сонымен қатар қауымдастық әлсіз елдердің ынтымақтастығының нәтижесі деп тұжырымдайды. Бірқатар түрлі зерттеулер АСЕАН тиімділігі Қауіпсіздік Ұйымына айналу тұрғысынан шектеулі екенін көрсетеді. Қауымдастықтың іс-әрекеттерін талдау белгілі бір күшті субъектінің өкілеттіктері АСЕАН-ды екінші орынға оңай ығыстыра алатындағын көрсетеді.

Тірек сөздер: АСЕАН, ынтымақтастық, Халықаралық қауіпсіздік, регионализм, интеграция.

**АСЕАН И ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ
В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ В АЗИАТСКО-
ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

*Асхат Г.¹, Мауленбаева А.А.²

*¹доктор PhD, ассоциированный профессор,
КазУМОиМЯ имени Абылай хана,

Алматы, Казахстан, e-mail: askhat.g@ablaikhan.kz

²магистрант 2 курса, КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Қазақстан, e-mail: maulenbayeva.aruzhan@mail.ru

Аннотация. Причиной растущего доминирования АСЕАН в региональном порядке был тот факт, что ассоциация расширяла свою институциональную деятельность в регионе и расширяла новые области политики. Однако недавний вызов, который поставил под сомнение статус ассоциации как центрального игрока в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проявился в виде подъема Китая. В существующих теориях сотрудничества нет обратной логики, объясняющей причины, по которым малые государства хотят объединить свои силы.

В этой статье авторы приходят к выводу, что специфическая форма регионализма ассоциации не только не обладает определенной степенью потенциала, но и является результатом сотрудничества слабых стран. Ряд различных исследований показывает, что эффективность АСЕАН ограничена в контексте превращения в организацию безопасности. Анализ действий ассоциации показывает, что полномочия единого сильного субъекта могут легко отодвинуть АСЕАН на второе место.

Ключевые слова: АСЕАН, сотрудничество, международная безопасность, регионализм, интеграция.

Статья поступила 15.05.2022

УДК 65.01
DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.003
МРНТИ 23.57

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ МЕНЕДЖМЕНТА

*Байсултанова К.Ш.¹, Мусатаева М.²

*¹к.ф.н. профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай Хана,
e-mail: baisultan_k@mail.ru,

² магистрант 2 курса, КазУМОиМЯ имени Абылай хана,
Алматы, Казахстан, e-mail: marisa2909@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние национальной культуры на развитие менеджмента. Автор приходит к выводу, что у каждой национальности имеются свои особенные поведенческие и межличностные индивидуальные черты поведения, которые также зависят от национальной культуры. Используя разные методы исследования, такие как теоретический обзор, сопоставительный метод, описательный вид исследования, автор глубже раскроет тему культуры, ее особенности. В работе представлены взгляды разных зарубежных исследователей на тему влияния культуры. В их число входят голландский ученый Г.Хофстеде, который стал основателем создания подхода выявления отличий в системе управления между странами в аспекте национальной культуры, также американский ученый Э. Шейн. Автор рассмотрит тему классификации культуры по исследования Г.Хофстеде, в которую входят такие пункты как дистанция власти, индивидуализм- коллективизм, мужественность-женственность и избегание неопределенности. Различные сравнительные исследования обосновали тот факт, что немцы управляют иначе, чем, к примеру американцы. Таким образом, национальная культура выступает причиной возникновения различных способов организации компаний и стилей управления. Безусловно, у каждой национальности имеются свои особенные поведенческие и межличностные индивидуальные черты поведения, которые также зависят от национальной культуры. Это поможет понять, что процесс поведения играют важную роль в функционировании любой организации. На основе проведенного анализа автор пришел к выводу, что национальная культура оказывает большое влияние как на корпоративную культуру, так и на культуру управления в целом.

Ключевые слова: национальная культура, менеджмент, стиль управления, корпоративная культура, коллективизм, индивидуализм, традиционная культура, бизнес.

Основные положения

С позиции общей теории культуры менеджмент - это и есть культура. Однако, основой разнообразия национальных моделей менеджмента являются культурные и национальные различия. На результаты управления предпринимательскими структурами влияют наряду с финансовыми и материальными ресурсами также нематериальные ресурсы, в частности, национальная культура. Зарубежные исследования в области управления компаниями (фирмами, корпорациями) в основном сосредоточены на различных корпоративных или организационных ресурсах, в то время как важность национальной культуры игнорируется.

Введение

Существуют два подхода к изучению влияния национальных культур на менеджмент. Первый подход условно можно назвать «свободой от культуры» и второй подход – «зависимостью от культуры». Последователи первого подхода утверждают, что стиль управления является следствием промышленного развития. То есть управление персоналом в компании зависит не от культуры, а от размера самой компании. Сторонники второго подхода утверждают, что культурные особенности оказывают содействие развитию самобытных и устойчивых моделей мышления и поведения, которые разделяют большинство членов. То есть управленческая традиция конкретного народа способствует формированию национального управленческого стереотипа, которая в свою очередь определяет образ мышления управляющих.

Описание материалов и методов

В статье применен междисциплинарный подход, с помощью интеграции таких научных направлений как менеджмент, экономика, культурология, страноведение автору позволило перенести необходимые знания и терминологию и сглаживать противоречия в усвоении знаний, идей, методов и приемов исследования между вышеназванными науками в сфере международного менеджмента.

Также применен описательный вид исследования, характеризующий процедур сбора, первичного анализа и изложения проблемы влияния национальной культуры на менеджмент. Данный метод позволил получить общий обзор предмета исследования, дающий некоторые ценные материалы для дальнейшего исследования в рамках статьи.

С помощью сопоставительного метода проведен анализ научных исследований зарубежных ученых, исследующих данную проблему, помог раскрыть суть основных категорий национальной культуры и менеджмента.-

С помощью теоретического обзора выявлены базовые концепции, разработанных голландским ученым Г. Хофстеде и другими зарубежными исследователями о роли национальных культур в формировании организационной рабочей среды и других социальных институтов.

Результаты

Большинство исследований, посвященных различиям в национальных культурах и влиянию таких различий на организации, показывают, что национальные культуры оказывают глубокое влияние на стиль руководства, коммуникацию, мотивацию, организационный дизайн и вознаграждения в организациях. Национальная культурная система состоит из различных переменных, к которым относятся язык, религия, правила и нормы, политическая система, социальная организация, история, экономика, ценности, обычаи, традиции.

Обсуждение

Проблема влияние национальной культуры на процесс управления компаниями вызывает огромный интерес со стороны ученых. Данный вопрос актуализируется особенно в настоящее время, когда в условиях глобализации появляются множество транснациональных корпорации и национальных компании, функционирующих на мировом рынке. Управление трудовым коллективом, также другими ресурсами в мультикультурной среде имеет свои особенности, на что справедливо обращают внимание исследователи. Так, по мнению китайского исследователя Бай Кайфэна: «Культурная составляющая менеджмента проявляется в основном в стиле управления предпринимательскими структурами. Управление является своего рода культурным накоплением, то есть под воздействием развития культуры формируются теории и стили управления. От культурных и социальных традиций зависят методы и средства управления бизнесом. Эффективность управления повышается, если управление предпринимательскими структурами соответствуют конкретным социальным и культурным условиям» [1, с. 114].

Влияние культуры на внутрикорпоративные связи с общественностью исследовал также. Согласно Э.Х. Шейну, корпоративная культура состоит из трех уровней: артефакты, ценности и базовые представления. Первый уровень представляет собой зримые образы, которых крайне трудно распознать. К ним относятся дизайн зданий и офисов компании, одежда, язык, манера общения, ритуалы, мифы. Вторым уровнем являются ценности и верования, к которым относятся цели, философия и стратегии компании. И, наконец, третий уровень – это базовые представления, которые являются первичными и безоговорочно очевидными для всех сотрудников организации [2, с.13].

Как показывает современная практика южнокорейских фирм, уровень серьезного обращения внимание на внешнюю корпоративную культуру, общие правила фирмы, атрибуты, специальные значки в одежде и другие элементы, придающие узнаваемость фирме и формирующие уникальность бренда южнокорейских фирм.

Роль национальных культур в формировании организационной рабочей среды и других социальных институтов была изучена несколькими исследователями в этой области [3, с. 431]. Культура включает в себя ценности, которые разделяются между людьми в определенной социальной среде с определенной национальностью или страной происхождения [4, с. 47]. «Культура создается, приобретается и изучается, развивается и передается группой людей, сознательно или бессознательно, последующим поколениям. Она включает в себя все, что группа думает, говорит, делает - ее обычаи, идеи, нравы, привычки, традиции, язык и общие системы взглядов и чувств, - которые помогают создавать стандарты для сосуществования людей [5, с. 145]. «Культура – это программирование разума, которое отличает членов одной человеческой группы от другой. Если быть более точным, культура – это набор базовых ценностей, сформированных данной группой по мере того, как она учится справляться со своими проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции [6, с. 55]. «Культура – это совокупность отличительных духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных особенностей общества или социальной группы; она включает в себя искусство и литературу, образ жизни, системы ценностей, традиций и верования» [7]. Общее в этих цитатах то, что культура и есть самобытность. И чем выше уровень культуры и принятие нацией своей индивидуальности, тем выше вероятность сплоченности народа. А это упрощает выполнения общих целей усилить благосостояние наций. Есть четкое понимание ценностей и ориентиров как для руководителей, так и для подчиненных. Каждый заинтересован в том, чтобы выполнить потребности сторон.

За последние несколько лет разные авторы использовали разные измерения для анализа и классификации национальных культуры (таблица 1).

Таблица 1. Классификация национальных культур [8, с. 5]

Авторы/годы	Национальные культурные аспекты
Клюкхон и Стродтбек (1961)	Ориентация на человеческую природу; ориентация на время; ориентация на деятельность

Парсонс и Шиллс (1962)	Аффективность - аффективная нейтральность; самоориентация – коллективная ориентация; универсализм – партикуляризм; специфичность – диффузность.
Хофстеде (1980, 2001)	Дистанция власти; индивидуализм-коллективизм; мужественность-женственность; избегание неопределенности
Шварц (1992, 1999)	Консерватизм – автономия; иерархия – эгалитаризм; мастерство – гармония.
Тромпенаарс и Хэмпден-Тернер (1997)	Универсализм–партикуляризм; индивидуализм – коммунитаризм; нейтральность – эмоциональность; последовательное время – синхронное время; внутренне направление – внешнее направление.
Хаус и др. (2004)	Дистанция власти; избегание неопределенности; институциональный коллективизм; внутригрупповой коллективизм; ориентация на будущее; ориентация на производительность; гендерный эгалитаризм.

Основателем создания подхода выявления отличий в системе управления между странами в аспекте национальной культуры является голландский ученый Г. Хофстеде. В своем исследовании ученый собрал 117 тысяч анкет у более чем 60 тысяч респондентов в 70 странах и выделил четыре важнейших параметра деловой культуры: соотношение индивидуализма и коллективизма; дистанция власти; соотношение мужественности и женственности; избегание неопределенности [9, с. 217]. Он присвоил индексы каждой стране-участнице и связал вышеуказанные параметры с демографическими, географическими, экономическими и политическими аспектами национального общества. На сегодняшний день исследование Хофстеде считается наиболее надежным и всеобъемлющим из когда-либо проводившихся с точки зрения количества национальных выборок.

Соотношение индивидуализма и коллективизма. В процессе воспитания личности одни деловые культуры делают акцент на самостоятельность и инициативность. В других культурах система ценностей прямо противоположная. Здесь люди рассматривают себя как часть группы, коллектива, организации. Обычно в качестве примера национальной культуры с максимальной степенью коллективизма называют Японию. С максимальной степенью индивидуализма – США.

В странах с высокой степенью индивидуализма в деловой культуре люди откровенно высказывают критические замечания своим коллегам; наем и продвижение по службе связаны только с достоинствами данной личности; управление ориентировано на личность, а не на группу; каждый ориентируется на личный успех и карьеру; общество отличает высокий жизненный уровень. Средний класс составляет солидную прослойку; существует высокий уровень свободы печати.

Восточные общества обычно тяготеют к коллективной культуре. В Европе к коллективным культурам относят Испанию, Португалию, Грецию и, как это ни странно, Австрию. К индивидуалистическим культурам — северные страны. Характерно, что степень индивидуализма населения, как правило, растет по мере роста средних доходов на душу населения.

В контексте национальной культуры и ее влияния на корпоративное управление устойчивостью Хофстеде обнаружил, что национальная культура может стать основой для исследования деятельности по корпоративному управлению в Азии. В частности, по мнению ученого, национальная культура имеет важное значение для управленческих практик или стратегической адаптации, которую он определил, как «коллективное программирование разума, которое отличает одну группу или категорию людей от другой» [38, с.260].

Дистанция власти. Этот параметр показывает допустимую степень неравномерности в распределении власти. В одних культурах вмешательство сильной власти рассматривается как ущемление прав индивидуума. В других, напротив, как благо воспринимается «сильная рука», которая «и накажет и поможет».

Культуры с высокой дистанцией власти обычно терпимо относятся к авторитарному стилю управления и чиновничеству. Для них характерно подчеркнутое сохранение неравенства в статусе как в формальных, так и в неформальных отношениях. Дистанция власти наиболее велика в восточных культурах.

Соотношение мужественности и женственности. Важное место в маскулинной культуре уделяется результативности, целеустремленности, успешности, получению материального дохода. В «женственных» доминируют такие ценности, как скромность, приоритет человеческих взаимоотношений, помощь и сочувствие окружающим. К «мужскому» типу Хофстеде отнес Австрию, Италию, Японию. «Женский» тип характерен для Дании, Норвегии, Швеции.

В системе ценностей с высокой степенью женственности доминируют качество жизни, поддержание хороших отношений с окружающими, моральные и этические аспекты и т.п. Ум и благородство ценятся выше силы и скорости. В руководителе уважают

умение организовать бесконфликтную групповую работу, добиться консенсуса, разработать справедливую мотивацию и т.д.

Странам с высокой степенью мужественности в деловой культуре присущи следующие черты: карьера и материальное благополучие выступают в качестве основных показателей успеха; «настоящими мужчинами» называют людей амбициозных, решительных и жестких; «настоящий мужчина» - это большой комплимент; фактически люди живут во имя работы (а не работают для того, чтобы жить); хороший руководитель должен «не советоваться с коллективом», а решать вопросы; женщина – политический деятель является редкостью.

Избегание неопределенности. Этот показатель определяет потребность в формальных правилах и уровень терпимости к нетрадиционным идеям и типам поведения. Культуры с высоким уровнем этого показателя стремятся к повышению специализации, формализации и стандартизации, для них типично доверие традициям и устоям, склонность к внутригрупповому согласию. Низкий уровень значения показателя характеризует культуры, где приветствуют проявление личной инициативы, риск и терпимо относятся к людям с иной жизненной позицией. Жители англоязычных и северных стран, а также китайцы легче переносят неопределенность, чем японцы и жители латино- и германоговорящих стран.

Заключение

Следует отметить, что в компаниях зачастую соперничают различные стили управления, однако внутри государства они сталкиваются как правило с одними и теми же культурными условиями, которые влияют на национальный менеджмент. Различные сравнительные исследования обосновали тот факт, что немцы управляют иначе, чем, к примеру американцы. Таким образом, национальная культура выступает причиной возникновения различных способов организации компаний и стилей управления. Безусловно, у каждой национальности имеются свои особенные поведенческие и межличностные индивидуальные черты поведения, которые также зависят от национальной культуры. Процесс поведения играют важную роль в функционировании любой организации.

Таким образом, на основе проведенного анализа мы приходим к выводу, что национальная культура оказывает большое влияние как на корпоративную культуру, так и на культуру управления в целом.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Бай Кай Фэн Некоторые проблемы и особенности культуры управления предпринимательскими структурами в КНР // Экономика и управление. – 2010. - №11(61). –С. 114-117.

[2] Базаров Т.Ю., Ерёмин Б.Л. Управление персоналом. - М.: Юнити-Дана, 2012. - 365 с.

[3] Tayeb M. Organizations and national culture: Methodology reconsidered // *Organization Studies*. – 1994. -№ 15(3). - P.429-446.

[4] Anwar SA, Chaker MN. Globalization of corporate America and its implications for management styles in an Arabian cultural context // *International Journal of Management*. – 2003. – 20 (1). – P. 43-56

[5] Rijamampianina R. Effective management in multicultural organisations: Creating a learning-based order with a sharing principle // *Economic Journal of Hokkaido University*. – 1996. - №25. – P.119-167

[6] Hofstede G. *Culture's Consequences*. London: Sage Publication; 1980. – 305 p.

[7] UNESCO. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. 2002 // http://www.unesco.org/education/imld_2018/unversal_decla.shtml. Accessed 1.04.2022.

[8] Written By The Role of National Cultures in Shaping the Corporate Management Cultures: A Three-Country Theoretical Analysis // *Journal of Eastern European and Central Asian research*. – 2017. - Vol.4, No.1. – P. 1-25.

[9] Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing, Values, Behaviours, Institutions, and Organizations across Nations*. London: Sage Publication, 2001. – 275 p.

REFERENCES

[1] Baj Kaj Fen. Nekotorye problemy i osobennosti kul'tury upravleniya predprinimatel'skimi strukturami v KNR [Some problems and features of the culture of managing business structures in China] // *Ekonomika i upravlenie*. – 2010. - №11(61). – P. 114-117. [in Rus.].

[2] Bazarov T.Yu., Eryomin B.L. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. - М.: YUniti-Dana, 2012. -P. 365. [in Rus.].

[3] Tayeb M. Organizations and national culture: Methodology reconsidered // *Organization Studies*. – 1994. -15(3). - P. 429-446.

[4] Anwar S.A., Chaker M.N. Globalization of corporate America and its implications for management styles in an Arabian cultural context // *International Journal of Management*. – 2003. - 20(1). – P. 43-56

[5] Rijamampianina R. Effective management in multicultural organisations: Creating a learning-based order with a sharing principle // *Economic Journal of Hokkaido University*. – 1996. - №25. – P.119-167

[6] Hofstede G. *Culture's Consequences*. - London: Sage Publication, 1980. – P.305.

[7] UNESCO. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. 2002. http://www.unesco.org/education/imld_2018/unversal_decla.shtml. Accessed 1.04.2022.

[8] Written By The Role of National Cultures in Shaping the Corporate Management Cultures: A Three-Country Theoretical Analysis // Journal of Eastern European and Central Asian research. – 2017. - Vol.4, No.1. - P.1-25.

[9] Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing, Values, Behaviours, Institutions, and Organizations across Nations. - London: Sage Publication, 2001. – P. 275.

ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИЕТТІ МЕНЕДЖМЕНТ ДАМУЫНА ЭСЕРІ

*Байсултанова К.Ш.¹, Мусатаева М.²

*¹ф.ғ.к., профессор, Абылайхан атындағы ҚазХҚЖӘТУ,
Алматы, Қазақстан, e-mail: baisultan_k@mail.ru

² курс магистранты, Абылай хан атындағы ҚазХҚЖӘТУ,
e-mail: marisa2909@mail.ru

Андатпа. Мақалада ұлттық мәдениеттің менеджменттің дамуына әсері қарастырылған. Автор әрбір ұлттың өзіндік ерекше мінез-құлық және тұлғааралық жеке мінез-құлық ерекшеліктері бар, бұл ұлттық мәдениетке де байланысты деген тұжырымға келеді. Теориялық шолу, салыстырмалы әдіс, сипаттамалық зерттеу түрі сияқты әртүрлі зерттеу әдістерін пайдалана отырып, автор мәдениет тақырыбын, оның ерекшеліктерін тереңірек ашады. Жұмыста мәдениеттің әсері тақырыбына әртүрлі шетелдік зерттеушілердің көзқарастары берілген. Олардың ішінде ұлттық мәдениет тұрғысынан елдер арасындағы басқару жүйесіндегі айырмашылықтарды анықтау тәсілін құрудың негізін қалаушы голланд ғалымы Г.Хофстеде мен американдық ғалым Э.Шейнді атауға болады. Автор Г.Хофстедтің зерттеулері бойынша мәдениет классификациясы тақырыбын қарастырады, оған билік қашықтық, индивидуализм-ұжымшылдық, еркектік-әйелдік және белгісіздіктен аулақ болу сияқты элементтер кіреді. Әртүрлі салыстырмалы зерттеулер немістердің, мысалы, американдықтарға қарағанда басқаша басқаратынын дәлелдеді. Осылайша, ұлттық мәдениет компанияларды ұйымдастырудың әртүрлі тәсілдері мен басқару стильдерінің пайда болуының себебі болып табылады. Әрине, әр ұлттың өзіндік ерекше мінез-құлық және тұлғааралық жеке мінез-құлық ерекшеліктері болады, бұл ұлттық мәдениетке де байланысты. Бұл процесс мінез-құлықтары кез келген ұйымның қызметінде маңызды рөл атқаратынын түсінуге көмектеседі. Талдау негізінде автор ұлттық мәдениеттің корпоративтік мәдениетке де, жалпы басқару мәдениетіне де ықпалы зор деген қорытындыға келген.

Тірек сөздер: ұлттық мәдениет, менеджмент, басқару стилі, корпоративтік мәдениет, кісілік, индивидуализм, дәстүрлі мәдениеті, бизнес.

IMPACT OF NATIONAL CULTURE ON THE DEVELOPMENT OF MANAGEMENT

*Baisultanova K.¹, Mussatayeva M.²

*¹ c.of polit.sc., professor, Ablai Khan KazUIR and WL,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: baisultan_k@mail.ru,

²Master student of the 2nd course, Ablai Khan KazUIR and WL,
e-mail: marisa2909@mail.ru

Abstract. The article discusses the influence of national culture on the development of management. The author comes to the conclusion that each nationality has its own special behavioral and interpersonal individual behavioral traits, which also depend on the national culture. Using different research methods, such as a theoretical review, a comparative method, a descriptive type of research, the author will reveal the topic of culture and its features in more depth. The paper presents the views of various foreign researchers on the topic of the influence of culture. Among them are the Dutch scientist G. Hofstede, who became the founder of the creation of an approach to identify differences in the management system between countries in terms of national culture, and the American scientist E. Shein. The author will consider the topic of culture classification according to G. Hofstede's research, which includes such items as power distance, individualism-collectivism, masculinity-femininity and uncertainty avoidance. Various comparative studies have substantiated the fact that the Germans govern differently than, for example, the Americans. Thus, national culture is the cause of the emergence of various ways of organizing companies and management styles. Of course, each nationality has its own special behavioral and interpersonal individual traits of behavior, which also depend on the national culture. This will help to understand that process behaviors play an important role in the functioning of any organization. Based on the analysis, the author came to the conclusion that national culture has a great influence on both corporate culture and management culture in general.

Key words: national culture, management, management style, corporate culture, collectivism, individualism, traditional culture, business.

Статья поступила 15.05.2022

**II БӨЛІМ.
ШЕТЕЛДІК ЗЕРТТЕУЛЕР
РАЗДЕЛ II.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
II PART.
FORIEGN RESEARCHS**

**УДК -13
DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.004
МРНТИ 11.4**

ГЕОПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА

*Семедов С.А¹.,

*¹д.ф.н., профессор, Институт управления и регионального развития,
РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва, Россия
sa-semed@mail.ru

Аннотация. Роль и место Казахстана в современном мире во многом определяются его геополитическим положением. Казахстан сделал и продолжает продвигать своего рода заявку на занятие ведущих позиций в процессе развития миропорядка. Казахстан, занимая выгодное географическое положение, является регионом столкновения стратегических интересов Китая, России, европейских стран, США и государств «исламского мира»; кроме того, здесь переплетаются различные религии – ислам, христианство, представленное различными течениями. Поэтому курс ведения внешней и внутренней политики Казахстана и все связанные с ним изменения будут иметь существенное значение для процветания всего Азиатского региона. Казахстанская внешнеполитическая концепция демонстрирует желание активно развивать всесторонние отношения с внерегиональными участниками международных отношений, что, отнюдь, не является показателем снижения уровня двусторонних отношений.

Ключевые слова: Казахстан, глобализация, геополитика, географическое положение, соседи, природные богатства, Каспий, нефть, дипломатия.

Основные положения

Геополитика рассматривает пространство с точки зрения

государства. Геополитика – наука, изучающая комплекс географических, исторических, политических и иных факторов, взаимодействующих между собой и оказывающих большое влияние на стратегический потенциал государства. В то же время, под геополитикой обычно понимается область знаний, «характеризующая место и конкретные исторические формы воздействия территориально-пространственных особенностей государств на локальный и глобальный международные процессы.

Роль и место Казахстана в современном мире во многом определяются его геополитическим положением. Одной из важных составляющих геополитического положения является способность контролировать ключевые пространства и географические центры.

Введение

Геополитика представляет собой сложный многоуровневый комплекс, включающий в себя не только пространственно-географический фактор, но и социально-демографический, политический и иные контексты. Как отмечал известный российский философ А. Дугин, «государства и цивилизации в своих основах отражают специфику ландшафта, в котором они возникли и развивались» [1, с.5]. В Казахстане геополитика обычно упоминается в контексте рассуждений о том, что геополитическое положение республики выгодное, потому что страна находится в центре Евразии, занимает территорию на стыке исламской, конфуцианской и христианской цивилизаций, является перекрёстком торговых путей. Но перечисленные несомненные плюсы — к ним иногда ещё добавляют богатые природные ресурсы — сопровождаются не менее существенными минусами.

Географическая «зажатость» Казахстана между двумя политическими и географическими гигантами – Китаем и Россией – таит в себе большие плюсы и такие же минусы. Большая территория выгодна для обороны в смысле развёртывания и манёвра войсками, но, чтобы надёжно охранять огромные границы, требуется крупная армия. Яркая выраженная континентальность и отсутствие выхода к мировому океану оборачиваются трудностями в транспортировке грузов (история с нефтепроводами тому пример).

Казахстан как перекресток трёх культур: обогащение граждан духовно увеличивает вероятность цивилизационного разлома, о котором убедительно предупреждал Самуэль Хантингтон. Наличие богатых недр могут еще и подтолкнуть более могущественных соседей, а иногда и очень далеких акторов международных отношений к желанию ими овладеть. Очередной взлет цен на энергоносители подхлестнул борьбу держав за контроль над добычей и транспортировкой нефти, газа, угля.

Эти тенденции оказывают влияние и на Казахстан.

Политический реализм констатирует, что выгодно считается соответствие стран двум параметрам: отдалённость от великих держав и как можно меньшая протяженность сухопутных границ. Считается, что в этом отношении самые «безопасные» в мире Япония, Англия, Австралия. Это подтверждает в некоторой степени их история: на Туманный Альбион не было нашествий со времён Вильгельма Завоевателя (1066 г.), японцы благополучно пересидели на островах все средневековые и новое время, Австралия, обретя государственность, не знала ни одного вторжения на свою территорию [2, с.10]. Русский географ евразиец П. Савицкий сформулировал очень интересный термин – «месторазвитие», который очень точно характеризует связь политического и географического. «Месторазвитие» Казахстана – это дуализм кочевых и оседлых народов, которые принципиально по-разному относятся к пространству и поэтому закладывают в свои культурные, религиозные и политические модели противоположные ценностные установки, что предопределяет их политическую историю.

Казахстану в геополитическом плане необходимо продолжать многовекторную взвешенную и гибкую политику. Безусловно, выгоды — невыгоды его территории взаимно уравниваются, но добавляются такие факторы: заинтересованность Китая (восточного соседа) в силу демографических причин в территориальном расширении; нестабильность на среднеазиатских границах, где противостояние исламского и светского жизненных укладов и ценностных ориентаций ещё далеко от окончательного прояснения. Только с запада Казахстану вроде бы ничто не угрожает, но там Каспий, Тенгиз и нефть, а формула «где нефть - там и кровь» - один из самых проверенных постулатов в мировой политике. Казахстан сделал и продолжает продвигать своего рода заявку на занятие ведущих позиций в процессе развития миропорядка. Апогеем соответствующих усилий стало его председательство в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2010 году. В том же году республика выдвинула свою кандидатуру в непостоянные члены Совета Безопасности ООН на 2017–2018 гг.

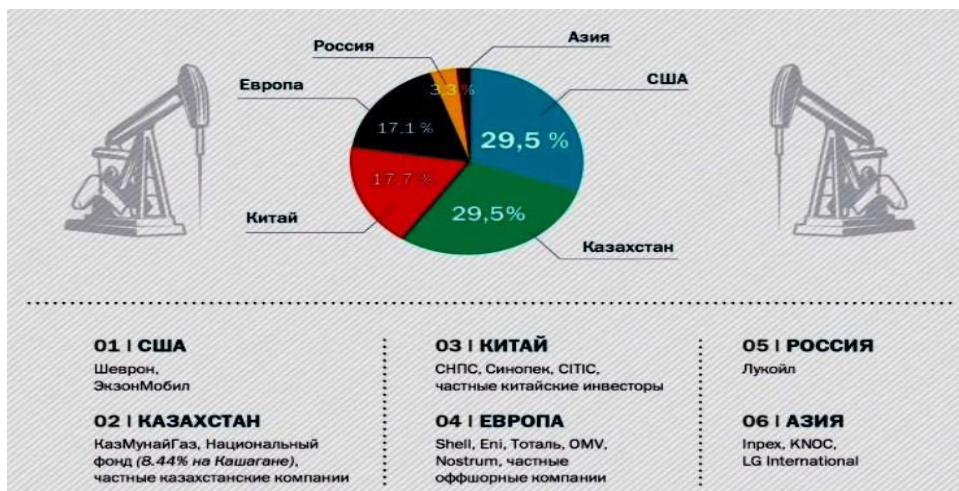
Описание материалов и методов

Анализ трудов (статей, монографий таких известных исследователей и экспертов как Бурханов К., Булекбаев С.Б., Лукьянов Ф., Дугин А. Использован исторический подход при анализе вопроса политической власти, метод сравнения, который позволил выявить общее и особенное так называемых «цветных революций» в некоторых странах. В контексте единства исторического и системно-структурного подходов пытались изучить «изменяемое» в геополитике Казахстана.

Общенаучные методы как системный с его составным компонентом как обобщение использован для установления общих свойств и признаков геополитики страны. Из прикладных методов использован количественный метод исследований. Вероятностный метод позволил раскрыть возможности страны в новой геополитической ситуации в мировой политике.

Результаты

Геополитика - область научных знаний о безопасности государства и народов, его образующих. Казахстан ещё в составе СССР занимал первое место по запасам многих руд цветных металлов, таких как хром, молибден и свинец, и третье по запасам степного золота. Больше всего в недрах РК сосредоточено черных, цветных и редких металлов, нефти и газа, огромны запасы каменного и бурого угля, фосфоритов, бокситов и каменной соли. По количеству природных ресурсов Казахстан может соперничать практически со всеми странами мира. В недрах Казахстана представлена почти вся таблица Менделеева – из 110 элементов её здесь обнаружены 99. Богатства природные есть. Поэтому интересно, кто их разрабатывает? Вернее, кто теперь их хозяин? Взглянем на собственно казахстанские данные. Только по нефти, которая там дает самый большой доход её владельцам. Итак – кто качает нефть страны:

Коллаж от energo.jofo.me

Вскоре после антиправительственных выступлений в январе 2022 года в Алматы и других городах Казахстана, российские средства массовой информации обнародовали данные о том, что 74,5% казахстанского рынка нефтедобычи с марта 2021 года находится в руках зарубежных компаний, таких как «Chevron» (США), «ExxonMobil» (США), «Royal Dutch Shell» (Великобритания) и

консорциума «North Caspian Operating Company N.V.», в котором все те же «Royal Dutch Shell» и «ExxonMobil», а также «Eni» (Италия) и «Total S.A.» (Франция)». Пишут и о том, что с этих почти 80% добычи казахстанской нефти налоги проходят мимо бюджета [3]. И вывод: «данная арифметика» – одна из причин массовых выступлений?! Казахстану для более динамичного развития необходимо избавиться от экономической модели «петростейт», сложившейся на основе добычи и экспорта углеводородного сырья; при этом благополучие экономики сильно зависит от конъюнктуры на мировых рынках.

Так как мы исходим из постулата, что геополитика – это *месторазвитие*, то, естественно, внутреннее развитие имеет отношение к геополитике. За 30 лет независимости в Казахстане обосновались до 22 тысяч НКО с весьма пестрым окрасом. «Фонд Сорос – Казахстан» – организация, которая «много сделала для воспитания молодых людей в лоне западных ценностей». С 1995 по 2013 год более 2000 студентов Казахстана прошли обучение за границей «по линии Фонда Сороса». Еще одним «пионером» развития гражданского общества в Казахстане является «Фонд Евразия», финансируемый Агентством по международному развитию США (USAID). Этот фонд предоставляет гранты среднеазиатским НПО. Практически все эти НКО пришли в Казахстан из трех центров: США, Великобритания, Евросоюз. «То, что каждый фонд является «крышей» для спецслужб, настолько широко известно, что даже не стоит сомневаться, чем занимаются западные НПО на западные деньги в любой стране мира, включая Казахстан» [3].

«Лидер» казахских протестов Аблязов повязан с британскими банками «Royal Bank of Scotland», «Barclays» и HSBC. Поэтому уши британской MI-6 торчат не только из нефтегазовых и урановых компаний, но и из всего того, что происходит в РК.

Представляется интересным мнение о том, что за событиями января 2022 года в Казахстане стоят спецслужбы Великобритании?! Торговый маршрут с Востока на Запад через центр Евразии – Казахстан является прямым соперником морским торговым коммуникациям, которые проложила и контролировала веками Великобритания. Это означает, что даже весомое влияние Лондона на власти Казахстана перестало быть эффективным при наличии проекта Китая «Один пояс – один путь», и устроить вакханалию в Азии чужими руками вполне себе отработанная система в MI-6. Для чего? Максимальное нарушение прокладываемых сухопутных маршрутов через центр Азии, которые – в отличие от морских – англичане не могут контролировать по определению. И в этом раскладе все более очевидной становится роль Казахстана, как земли, за которую будут биться старые англосаксонские элиты, привыкшие контролировать мировую торговлю по морю, и континентальные государства Евразии, которые

«наелись» англосаксонским гнетом за столетия, и отныне сами будут решать – по каким маршрутам им возить товары по Евразии. «Основу влияния Великобритании» в Казахстане составляли «многочисленные сервисные компании, которые выполняли работы на нефтегазовых месторождениях страны». «Все три «национальные» стратегии Казахстана за шесть последних лет подготовили британские эксперты. Британия создала и контролирует Международный финансовый центр «Астана» (МФЦА). При этом ведущую роль в Совете иностранных инвесторов республики играют британские компании. Несколько лет экономическим советником президента Казахстана был бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр [3]. «Шанхайская организация сотрудничества внимательно следит за событиями в Республике Казахстан и выражает обеспокоенность в связи с уличными беспорядками и противоправными актами. Признаем своевременность предпринимаемых руководством Республики Казахстан мер по нормализации обстановки в стране и налаживанию мирного диалога в рамках конституционно-правового поля... Поддержание внутренней стабильности и общественного согласия в Республике Казахстан как в государстве-члене ШОС является одним из ключевых факторов мира и безопасности в регионе». Хочется верить в то, что со временем ШОС превратится в не-западную субрегиональную международную политическую структуру, которая возьмет на себя решение не только евразийских, но и глобальных проблем человечества. Объединяя уже сегодня 8 стран Евразии, ШОС – это и Россия с Китаем, и Индия с Пакистаном, и Казахстан с Ираном. И другие страны Центральной Азии. И длинная очередь на вступление в её ряды.

Казахстан – это страна в самом центре Азии, Евразии, поэтому её судьба важна для всех народов и стран региона. Попытки дестабилизации политической системы Казахстана через использование «198 методов смены политического режима» Д. Шарпа и концепцию «управляемого хаоса» обречены на провал [4]. Ситуация в Казахстане в корне отличается и от ситуации в странах Ближнего Востока, и от постмайданной Украины. У Казахстана есть свой путь «осовременивания». Выдающийся казахский философ С.Б. Булекбаев отмечал: «В казахских государствах предыдущих эпох всегда был Хан (Каган), опирающийся на авторитетный Совет (Курултай), состоявший из глав наиважнейших родов и племен, биев и представителей духовенства. И сегодня для Казахстана свойственно характерное для Азии (Востока) единоначалие, что означает сильную президентскую власть и наличие основанного на европейских традициях Парламента» [5, с. 62-63]. В Казахстане «цветная революция» не пройдет. В то же время, подключение к решению кризиса ШОС – лучший признак того, что эта континентальная организация в будущем может стать

платформой для создания системы коллективной безопасности в Азии. Российская специальная военная операция на Украине и январский кризис в Казахстане наряду с обострением западными странами «тайваньской проблемы» могут послужить катализаторами создания подобной системы безопасности. Особенно, в связи с призывами западных лидеров превратить НАТО в «глобального гаранта безопасности». Таким образом, Казахстан, занимая выгодное географическое положение, является регионом столкновения стратегических интересов Китая, России, европейских стран, США и государств «исламского мира»; кроме того, здесь переплетаются различные религии – ислам, христианство, представленное различными течениями. Поэтому курс ведения внешней и внутренней политики Казахстана и все связанные с ним изменения будут иметь существенное значение для процветания всего Азиатского региона. В целом, особенности геополитического, экономического положения Республики Казахстана, его исторического опыта развития определяют специфику проведения внешнеполитического курса, который вкратце можно обозначить как принципы многовекторности взаимного доверия. Политика Республики Казахстан направлена на дальнейшее развитие международного сотрудничества, на развитие разносторонних связей с государствами мирового сообщества, которое служит интересам укрепления позиций страны в мире и выходу качественно на новый уровень международного признания. Казахстан имеет достаточный экономический потенциал и международный авторитет, позволяющий ему играть более активную роль не только в Центральной Азии, но и далеко за ее пределами. Инициативы Казахстана в сфере внешней политики известны всему миру. Растет авторитет Казахстана как участника влиятельных международных организаций. Республика стала инициатором созыва СВМДА и проведения съездов лидеров мировых и традиционных религий, а также активным сторонником развития диалога между Востоком и Западом. Выгодное географическое расположение, обширная территория и богатые природные ресурсы являются естественными преимуществами Казахстана.

Обсуждение

В силу геополитического фактора на первые позиции во внешнеполитических приоритетах Казахстана вышли Россия, Китай и республики Центральной Азии. Далее по уровню приоритетности следуют Турция, Пакистан, страны АТР, США, Западная Европа, другие страны, а также международные организации.

Отношение Казахстана к специальной военной операции России на Украине является одним из важных маркеров внешнеполитической стратегии государства. Возможно, нейтралитет РК в данном конфликте не будет способствовать укреплению российско-казахстанского сотрудничества, однако, явная и открытая поддержка своего

стратегического союзника может дискредитировать Казахстан в глазах западного сообщества. В то же время, «поддержка нейтралитетом» на данный момент является более дипломатичным и гибким вариантом в довольно сложной и противоречивой ситуации, с точки зрения международного права, в которой оказались Россия и Украина по территориальному спору. Однако, противоречивость в форме коллизии основополагающих принципов международного права – право наций на самоопределение и нерушимость границ - в международных отношениях чуть ли не вечная проблема. Подавляющее большинство современных акторов международных отношений образовалось именно на основе права наций на самоопределение при явном нарушении принципа нерушимости границ ранее существующих единых государств и нередко при явном игнорировании одной из сторон международного конфликта принципов «невмешательства во внутренние дела государства» и территориальной целостности и неприкосновенности государств» [6].

Геополитические приоритеты Казахстана определяются национальными интересами государства. Дипломатию Казахстана можно определить как многовекторную с акцентом на энергетическую, финансовую, атомную. Республика Казахстан как государство, развиваясь экономически динамично, продолжает формироваться и вырабатывать свою самоидентификацию, также, как и Россия и многие другие страны. Философия развития казахстанского общества еще не до конца выработала основные принципы и векторы. Экономическое процветание не может быть главной задачей общества. И от конкретизации философии общества во многом зависит вектор развития государства, в том числе и геополитика государства. Мировой порядок трансформируется, меняется. И в этой трансформации Казахстан со своими огромными природными богатствами и выгодным географическим расположением не может оставаться в стороне от столбовой дороги развития мира.

Заключение

Мировой порядок и мир в целом в 2022 году измениться. Казахстан в условиях тотальных санкций, введенных Западом против России, может стать тем «окном возможностей» или «открытая дверь» для восстановления связей и возобновления диалога РФ– Запад. Многое зависит от гибкости дипломатии Республики Казахстан, что несомненно отразится на ее геополитическом статусе. «У 2022 г. есть шанс стать поворотным. Гарантий, что этот шанс будет использован, никто, конечно, не даст. Хотя требовать гарантий сейчас модно. Но складываются условия для того, чтобы по-новому посмотреть на мир и перспективы его развития, прекратить попытки починить систему при помощи инструментов, которые уже устарели. И придумать новые».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века – СПб.: Амфора, 2007.
- [2] Филатов С. Казахстан и геополитика // Международная жизнь,. – 2022. - № 1.
- [3] Лукьянов Ф.А. Отскок в сторону // Россия в глобальной политике. – 2022. - Т. 20, №. 1. - С. 5-6.
- [4] Мир через 100 лет: сборник статей / Предисл. И.С. Иванов.– М.: НП РСМД, 2016. – С.151-157.
- [5] Бурханов К., Булекбаев С. Казахстанский путь в дилемме: Восток или Запад? – Астана: Елорда, 2010.
- [6] Международное право: Учебник/Отв. ред. д.ю.н., проф. Егоров С.А. – М.: Статут, 2016.

REFERENCES

- [1] Dugin A. Geopolitika postmodeona. Vremena novyh imperij. Ocherki geopolitiki XXI veka [Postmodeon geopolitics. Times of new empires. Essays on the geopolitics of the XXI century], SPb.: Amfora, 2007.
- [2] Filatov S. Kazahstan i geopolitika [Kazakhstan and geopolitics] // Mezhdunarodnaya zhizn'. – 2022. - № 1.
- [3] Luk'janov F.A. Otskok v storonu // Rossija v global'noj politike [Bounce to the side // Russia in Global Affairs]. - 2022. T. 20, No.1, P. 5-6.
- [4] Mir cherez 100 let: sbornik statej [World in 100 years: collection of articles] /Predisl. I.S. Ivanov. M.:NP RSMD, 2016, P.151-157.
- [5]Burhanov K., Bulekbaev S. Kazahstanskij put' v dilemme: Vostok ili Zapad? [Kazakhstan's way in a dilemma: East or West?], Astana: Elorda, 2010.
- [6]Mezhdunarodnoe pravo [International law]: Uchebnik / Отв. red. d.ju.n., prof. Egorov S.A., M.: Statut, 2016.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ГЕОСАЯСАТЫ

*Семедов С. А.,¹

¹Философия ғылымдарының докторы, профессор, Ресей Федерациясы Президентінің жанындағы Ресей халық шаруашылығы және Мемлекеттік қызмет академиясы (РАНХиГС),
Мәскеу, Ресей, sa-semmed@mail.ru

Аңдатпа. Қазақстанның қазіргі әлемдегі рөлі мен орны көбінесе оның геосаяси жағдайымен айқындалады. Қазақстан өз амбициясын көрсетті және қазіргі әлемдік даму үдерісінде жетекші орын алуға ұмтылысын жалғастыруда. Тиімді геосаяси жағдайға ие бола отырып, Қазақстан Қытай, Ресей, Еуропа, АҚШ және «ислам

әлемі»елдерінің стратегиялық мүдделерінің геосаяси қақтығысының өңірі болып табылады. Сонымен қатар, Қазақстан түрлі діндер – ислам мен христиандықтың тоғысқан елі болып табылады. Қазақстанның ішкі және сыртқы саяси бағыты және одан туындайтын барлық өзгерістер Азия өңірінің өркендеуінде маңызды рөл атқаратын болады. Қазақстанның сыртқы саясатының тұжырымдамасы халықаралық қатынастардың өңірден тыс субъектілерімен жан-жақты қатынастарды белсенді дамытуға ұмтылысты көрсетеді, бұл екіжақты қатынастардың төмендегенін ешбір жағдайда да растамайды.

Кілт сөздер: Қазақстан, жаһандану, геосаясат, географиялық жағдай, көршілер, Табиғи ресурстар, Каспий теңізі, мұнай, дипломатия.

KAZAKSTAN GEOPOLITICS

*Semedov S. A.¹,

*¹Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia, sa-semed@mail.ru

Annotation. The role and place of Kazakhstan in the modern world is mostly determined by its geopolitical position. Kazakhstan showed the ambition and is still pushing on to take the leading positions in the process of modern world development. Having an advantageous geopolitical position, Kazakhstan is the region of geopolitical clash of strategic interests of China, Russia, Europe, USA and countries of the “Islamic world”. Moreover, Kazakhstan is the country of intertwining of different religions – Islam and Christianity represented in its different movements. Kazakhstan’s internal and external political course and all changes coming from it will have a major role in the prosperity of the Asian region. The foreign policy concept of Kazakhstan represents the wish to actively develop

comprehensive relations with extra-regional actors of international relations that by no means indicates the decrease in bilateral relations.

Key words: Kazakhstan, globalization, geopolitics, geographic location, neighbours, natural resources, Caspian Sea, oil, diplomacy.

Статья поступила 17.05.2022

**III БӨЛІМ.
ГЕОСАЯСАТ ЖӘНЕ АЙМАҚТАНУ
РАЗДЕЛ III.
ГЕОПОЛИТИКА И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
III PART.
GEOPOLITICS AND REGIONAL STUDIES**

**УДК 11. 327
DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.005
МРНТИ 11.05**

**ОТ СОЮЗНИКОВ К «ОСТОРОЖНЫМ ПРОТИВНИКАМ»:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
АРАБО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

***Чукубаев Е.С.¹, Ильясов А.Е.²**

¹кандидат исторических наук, доцент,
Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан, e-mail: simonoberto1901@gmail.com

²магистрант 1 курса
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан, e-mail: alisher.ilyasov91@gmail.com

Аннотация. Противостояние между Ираном и арабскими странами, основанное на религиозной, идеологической и геополитической неприязни к друг другу является историческими одним из наиболее продолжительных в современном мире. Взаимоотношения между этими странами, прошедшие горячие и холодные стадии своего развития, представляют огромный интерес и являются актуальными для сегодняшней повестки в свете возобновления переговоров по Совместному всеобъемлющему плану действий в отношении ядерной программы Ирана и запущенной 24 февраля т. г. РФ трансформации системы международных отношений.

В статье отражены ретроспектива, текущий ход и перспективы развития арабо-иранских отношении после уменьшение роли США в регионе и обострения Украинского кризиса. Целью работы является анализ изменения ситуации в геополитически важном для энергетического сектора регионе. В работе продемонстрировано современное развитие ситуации и прогноз дальнейших тенденции внешнеполитических курсов стран.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Иордания, США, Россия.

Основные положения

С приходом к власти Джозефа Байдена, администрация США утратила приоритетный интерес к Ближнему Востоку и вызвала серьезную региональную трансформацию внешнеполитических курсов. Об этом сигнализирует рост дипломатической активности ключевых региональных лидеров, а также тенденция к выстраиванию новых ситуативных союзов и коалиций с целью уравнивания разбалансированных за последние годы двусторонних и многосторонних отношений на Ближнем Востоке. Так, в последнее время наметился существенный крен в сторону нормализации отношений по линии арабских стран не только с Турцией и Израилем, но и с Ираном. Между тем, ожидаемая на Ближнем Востоке в «постамериканский период» реконфигурация укоренившегося порядка, как и перекалибровка традиционных внешнеполитических ориентиров, имеют важные последствия для всего региона, который в последние десятилетия находится в состоянии перманентной турбулентности.

Введение

В настоящее время арабские страны, во главе с Саудовской Аравией подвержены курсу существенного реформирования политической сцены на фоне преобразуемой действующей администрацией Белого дома подхода к Ближнему Востоку с концентрацией основного внимания на азиатско-тихоокеанском, а в последние месяцы и на восточно-европейском направлениях. Значительное уменьшение американской военной поддержки говорит о необходимости поиска альтернативных сил или же о заключении перемирия с непримиримыми антагонистами. В связи с чем эксперты международных отношений задаются различными вопросами, такими как: в какую сторону изменится система внешнеполитических взглядов стран Ближнего Востока? Воспользуется ли Иран текущим ослаблением военных позиций арабских монархий? Поменяют ли конкурирующие государства вектор политики? Как эскалация ситуации на Украине влияет на взаимоотношения региона с мировыми акторами?

Описание материалов и методов

Для анализа международной жизни в регионе Ближнего Востока, в частности встреч лидеров государств, актуальных международных конфликтов и переговоров по их урегулированию были применены методы непосредственного и инструментального наблюдения, которое было осуществлено в том числе через технические средства. Были изучены новостные материалы, выступления официальных представителей стран и их позиции. Вместе с тем, использовался метод ивент анализа при проведении наблюдения за динамикой события в арабских странах Персидского залива для определения основных

тенденций развития политической ситуации в регионе.

Результаты

Среди арабских стран Персидского залива основным соперником Ирана всегда считалась Саудовская Аравия, которая находится в довольно сложных отношениях с ИРИ с исторических времен. Такие факторы, как религиозно-идеологические различия (*ваххабитский ислам Саудовской Аравии против шиитского ислама Ирана*), дискриминация шиитских меньшинств в странах Персидского Залива и самой Саудовской Аравии, а также угроза усиления иранского влияния на Ирак и другие страны Залива, побудили Эр-Рияд взять на себя роль центра силы для противостояния «иранской угрозе» и сконцентрировать вокруг себя других региональных игроков, также противостоящих Исламской Республике [1]. Тем не менее, сегодня, ситуация обстоит иначе, так уже сейчас можно констатировать тот факт, что Саудовская Аравия взяла курс на перезагрузку связей со своим «экзистенциальным врагом», приступив при посредничестве Багдада к переговорам по нивелированию напряженности в двусторонних отношениях (дипотношения разорваны в 2016 г. в результате атаки на Посольство КСА в ИРИ). Резкая смена тона в отношениях с Тегераном, в первую очередь, обусловлена возрастающими среди арабских государств сомнениями о степени и долговечности обязательств Вашингтона по обеспечению их безопасности после ожидаемого выхода из региона. Необходимо отметить, что не смотря на тот факт, что Саудовская Аравия является региональным «экономическим гигантом», в военном отношении — это «государство-карлик». В этой связи, саудовские власти отчетливо осознают отсутствие перспектив добиться успеха в противостоянии с Тегераном с позиции силы и давления, требующих значительного военного и промышленного потенциала. Между тем, перемирие с иранцами гарантирует КСА выход из затянувшегося военного конфликта против поддерживаемых Тегераном йеменских повстанцев-хуситов, который истощает огромные ресурсы страны, с наименьшими репутационными потерями. В то же время заявление Вашингтона о том, что саудитам и иранцам «нужно найти эффективный способ разделить соседство», является наиболее четким посылом, сделанным в последнее время в отношении взгляда США на архитектуру региональной безопасности на предстоящий период [2].

На путь дефрагментации двусторонних отношений с Ираном также встали Объединенные Арабские Эмираты, о чем свидетельствует муссировавшаяся в последние годы информация о тайных переговорах между двумя странами, а также последовавший в конце прошлого года официальный визит Главы Совета национальной безопасности ОАЭ шейха Тахнуна бен Заида в Тегеран [3]. Как результат, в последние

месяцы диалог между двумя странами был продолжен на нескольких уровнях, включая по линии глав внешнеполитических ведомств. Данный сдвиг во внешней политике Эмиратов по отношению к своему соседу обусловлен, в первую очередь, принятием более прагматичного подхода эмиратских властей в интересах безопасности на фоне участвовавших в последнее время воздушных атак по эмиратским целям, в т.ч. со стороны йеменских повстанцев и экономических выгод. ОАЭ остаются главным торговым партнером Ирана по импорту и третьим по величине партнером по экспорту, с общим объемом товарооборота в 15 млрд. долл. [11]. Столь значительный вес ОАЭ во внешней торговле Ирана в основном объясняется стратегическим положением Эмиратов как торгового кластера в Персидском заливе. Благодаря своему географическому положению, качественной транспортной инфраструктуре (*Джебель-Али в Дубае*) и налоговым льготам, (*отсутствие прямого налогообложения для всех иностранных компаний не нефтяного, банковского и страхового секторов*) ОАЭ зарекомендовали себя как ключевые ворота для торговли в регионе. Более того, в случае с Ираном мы имеем дело с экономикой, которая все еще относительно закрыта, особенно для иностранных инвестиций и которая не является частью ВТО. В результате многие иностранные компании предпочитают сначала экспортировать в ОАЭ для получения доступа к иранскому рынку, то есть товары реэкспортируются в Иран. Точно так же с иранской стороны легче сначала экспортировать в ОАЭ и затем реэкспортировать товары в другие места назначения. Эти торговые связи между странами привели к тому, что многие иранские компании обосновались в Дубае и сегодня, по некоторым оценкам, в ОАЭ проживает около 500 тыс. иранцев, что составляет почти 5% населения [4]. Важно отметить, что двусторонние торговые и дипломатические отношения между указанными странами продолжали поддерживаться даже после аннексии Тегераном трех эмиратских островов в Персидском заливе в 1971 г., Абу-Даби также не стал разрывать связи с ИРИ в разгар арабо-иранской политической напряженности в 2016 г.

Власти Иордании, которые в т.ч. из-за дестабилизирующего поведения ИРИ вынуждены противостоять сохраняющейся нестабильности вдоль своих границ с Ираком и Сирией, и как следствие миграционному кризису и терругрозам, также в позитивном ключе воспринимают сигналы о возможном отказе иранских аятолл от агрессивной региональной политики в пользу более умеренных позиций. Так, состоявшийся конце 2021 года телефонный разговор между главами внешнеполитических ведомств двух стран представляет собой наиболее заметное событие в иорданско-иранских отношениях за последние годы. Кроме того, заявление МИД Ирана об отношениях

с Иорданией свидетельствует о стремлении Тегерана строить дружеские и тесные связи на основе взаимного уважения, а также укреплять отношения между двумя странами за счет использования экономических и коммерческих возможностей [5].

Необходимо отметить, что Администрация Байдена будучи хорошо осведомлённой о природе региональных отношений, склонна использовать дипломатические инструменты в качестве средства разрешения споров и конфликтов в регионе. В результате, в то время как США возвращаются к сближению с Ираном в попытке спасти ядерное соглашение или Совместный всеобъемлющий план действий после нескольких раундов в Вене, Иордания призывает позитивно воспринять иранские послания, поддерживая возобновление переговоров с Ираном по ядерной программе, которую Министр иностранных дел Иордании Айман Сафади назвал «постоянным решением напряженности» во время встречи на уровне министров в ходе Стокгольмской инициативы по ядерному разоружению [6].

Что касается арабских государств, находящихся в орбите иранского влияния (Ирак, Ливан, Сирия) в т.ч. через разветвленную сетевую систему ИРИ в виде военно-политических группировок («Хизбалла», «аль-Хашд аш-Шааби» и т.д.), то в настоящее время арабскими монархиями под патронажем и общей координацией Вашингтона предпринимаются шаги по их выводу из многолетней иранской гегемонии путем политической и экономической реинтеграции в арабскую семью. В данном контексте важно отметить, что готовность богатых монархий Залива вливать средства в указанные страны с их безграничными потребностями на фоне затяжной экономической нестабильности – мощное преимущество перед обложенным «ядерными» санкциями Тегераном.

В свою очередь Иран, стремящийся выйти из-под американского санкционного пресса, который обрушил экономику и усиливает протестное настроение среди местного населения, также вынужден искать компромиссные решения в своей внешней политике. В последние годы руководством ИРИ все чаще озвучивается тезис о желании установить более тесные отношения с соседними странами в качестве главного внешнеполитического приоритета. Нынешняя региональная направленность Ирана, испытывающего отчаянную потребность в смягчении санкционного давления, визуализируется в т.ч. в назначении главой внешнеполитического ведомства ИРИ Хосейна Абдоллахиана, чей трудовой опыт в основном ограничивается ближневосточной проблематикой.

Обсуждение

В свете происходящих событий в Украине и увеличении санкции против РФ, позиции Ирана будут только усиливаться в связи с потребностью срочной замены российских энерго ресурсов

и необходимостью стабилизации мировых цен на нефть и газ. В свою очередь думаю, что Иран правильно разыграет свои карты, и использует новую изоляцию России от мировой финансовой системы и энергетических рынков, чтобы оживить свою собственную «больную» экономику, в том числе за счет экспорта энергоносителей, который заполнит брешь, открытую российскими поставками, находящимися под санкциями. *(Иран обладает вторыми по величине запасами природного газа в мире, уступая только России. Он также находится на четвертом месте в мире по доказанным запасам нефти).* Но годы западных санкций в отношении экспорта энергоресурсов Ирана серьезно подорвали обе отрасли. В связи с чем можно утверждать, что в краткосрочной перспективе Иран не сможет заменить поставки РФ в Европу в полном объеме, что объясняет почему некоторые страны ЕС, колеблются в отношении введения полномасштабных санкций в отношении экспорта энергоресурсов из РФ, в частности ее природного газа, на долю которого приходится 40% импорта Европы [7]. Также следует отметить, что сегодня Совместный всеобъемлющий план действий имеет все шансы на возрождения в связи с острой потребностью мира в иранском энергоресурсе. В этом случае ИРИ может вновь быстро стать основным экспортером нефти и газа, подобно периоду после первоначального подписания ядерной сделки, когда экономика зафиксировала колоссальные темпы роста в 12,5% в 2016-17 годах [8].

Тем не менее, реалии сегодняшнего дня говорят о том что КСА и ОАЭ также являются странами имеющими возможности и ресурсы увеличить добычу нефти и принять участие в переделе нефтегазового рынка в Европе для стабилизации растущих цен. Но пока они не спешат это делать. Во-первых, сверхприбыли от экспорта энергоресурсов выгодны сырьевым монархиям. Во-вторых, США уже не имеют монопольного влияния на обе страны. В-третьих, отношения с администрацией Байдена у них не сложились, что лишает Вашингтон достаточного уровня доверия в Эр-Рияде и Абу-Даби. Позиция стран Ближнего Востока касательно войны России и Украины хорошо отображает желание стран балансировать между РФ и США. Когда война началась, в странах Ближнего Востока избегали каких-либо резких оценок ситуации. В свою очередь этот конфликт создал для региона проблемы продовольственной безопасности, пошатнул финансовый сектор и запустил трансформацию региональной политики. Как и у остальных, Украина была в топе поставщиков зерна, а растущие цены на пшеницу и масло увеличили нагрузку на бюджет. Причем, импорт украинского зерна находился на подъеме все последние годы.

Из-за западных санкций, Эмиратам пришлось свернуть некоторую финансовую деятельность в РФ. В частности, суверенный фонд благосостояния «Mubadala» в конце марта т. г. был вынужден заморозить новые инвестиции в российскую экономику. Хотя доля РФ в фонде небольшая, менее 1% от \$ 243 млрд, но тем не менее, эффект неприятный, так как это коснулось порядка 50 инвестпроектов ОАЭ в России [9]. Что касается Саудовской Аравии, то высокие цены на нефть необходимы прежде всего для реализации амбициозных мега-проектов Наследного принца Мухаммеда в рамках его «Видения 2030».

В восприятии ОАЭ, именно неготовность и нежелание США их защищать и вовлекаться в региональные дела на стороне Эмиратов является одной из причин нежелания Абу-Даби идти на поводу у Вашингтона в вопросах, касающихся войны в Украине и передела энергетического рынка. Эмираты демонстративно воздержались при голосовании за спонсированную США резолюцию СБ ООН по осуждению вторжения РФ в Украину. Затем также публично приняли у себя президента Сирии Башара Асада, впервые за 10 лет, что шло вразрез с политикой США по непризнанию сирийских властей [10]. В целом для арабских стран Ближнего Востока, которые в последние годы выстраивали многовекторную сбалансированную внешнюю политику, вторжение РФ в Украину стало неприятным сюрпризом, потенциально нарушающим идиллию. Хотя страны Залива сохраняют тесные партнерские отношения с США и НАТО, Россия для них - ещё один полюс политического влияния, благодаря которому имеется возможность размыть монополию Запада в региональных и мировых процессах. Кроме того, от РФ зависит хрупкий баланс в Сирии, которую ОАЭ всё больше прижимают к себе в последнее время, стремясь стать новым стейкхолдером и возглавить усилия, направленные на нормализацию отношений с Дамаском и его возвращение в арабское «комьюнити». Разумеется, не без договорённостей с Москвой. Наконец, Россию видят, как потенциальный противовес иранскому влиянию, усиление которого на фоне переговоров с США о «ядерное сделке» не выгодно. Вообще, многое в позиции стран Ближнего Востока по Украине обусловлено динамикой взаимоотношений с США.

Страны Ближнего Востока не хотят просто так выполнять требования Вашингтона. С администрацией Байдена у них отношения сложные, прежде всего как указано выше из-за возвращения американцев к переговорам с Ираном, выхода из войны в Йемене и недостаточной реакции на ракетные удары хуситов по территории ОАЭ. Уменьшение вовлеченности США в дела Ближнего Востока, побуждает их налаживать отношения с другими игроками, и определять будущее пост-американского регионального порядка самостоятельно. Отсюда исходит, их нежелание идти навстречу Вашингтону в вопросах увеличения добычи нефти и \ или выхода из соглашения ОПЕК+ с Россией.

Заключение

Ретроспектива показывает, что многолетнее присутствие США на Ближнем Востоке и сопутствующее ему установление гегемонии препятствовало формированию «естественного регионального миропорядка». Так, однополярная система и безоговорочная мощь США на протяжении последних десятилетий определяли основные внешнеполитические подходы американских союзников в регионе, что способствовало поддержанию конфронтационного противостояния между региональными тяжеловесами, включая арабские страны с одной стороны, и Иран с другой.

Между тем, постепенная утрата поддержки со стороны Белого дома и, как результат, ослабление позиций в регионе, нашла отражение в резкой смене курса арабского лагеря в отношении ряда актуальных вопросов. Так, вопреки политике предыдущих лет за последние годы Ближний Восток стал свидетелем тактической двусторонней деэскалации отношения арабских стран не только с Ираном, но и с другими региональными игроками, такими как Израиль и Турция. Формирование новой политической конъюнктуры в ближневосточном пазьянсе также происходит в свете политической ориентации стран региона на построение позитивных отношений и формирование новых балансов и союзов, посредством которых они могут принять уравнение, соответствующее их политическим и экономическим интересам. Вместе с тем, текущее развитие ситуации указывает на необходимость от региональных и внерегиональных заинтересованных сторон вовлечения Ирана в спорное, но необходимое обсуждение будущей архитектуры региональной безопасности.

С учетом вышеизложенного, можно отметить, что в кратко/среднесрочной перспективе арабские государства будут избегать обострения региональной конкуренции, при этом не отказываясь от шагов по нейтрализации иранского влияния в странах с преимущественным шиитским населением, которое продолжает угрожать императивам их собственной национальной безопасности. Также необходимо подчеркнуть, что прогресс в переговорном процессе по иранской ядерной программе определит дальнейший импульс в прямых переговорах между суннитскими монархиями Персидского залива и шиитским Тегераном. В то же время, отсутствие прогресса в ядерной сфере может поставить под угрозу и арабо-иранскую деэскалацию. Между тем, уже сейчас можно предположить, что успех ядерной дипломатии помимо ослабления экономического кризиса в Иране, также предоставит дополнительные рычаги влияния на переговорах со странами Залива. В этой связи, по мере снижения санкционного давления и выхода ИРИ из международной изоляции, нельзя исключать возможности возвращения иранских аятолл к воинствующей риторике и экспансионистской политике в отношении стран региона.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Кузьмин В.А., Соколов Н. В. Ирано-Саудовское противостояние на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI вв. - М., 2019. – С.183-184.

[2] Heavey S. Saudi Arabia, Iran must shape ‘cold peace, / Washington // Speech of the President Barak Obama // www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-obama. Accessed 07.04.2022.

رشبت عضومت قءاع| .نارهطل دياز نب نونحط قرايز , [3]روب نمحر دمحم
قريزجل | ءي ءاصتق او ءيسايس بس الكمب // <https://www.aljazeera.net/news/politics/2021/12/8>. Accessed 07.04.2022.

[4] Taylor, Adam. The once flourishing Iranian community in Dubai faces pressure amid Persian Gulf tensions // https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/the-once-flourishing-iranian-community-in-dubai-faces-pressure-amid-gulf-tensions/2019/08/12. Accessed 07.04.2022.

هر يظن فتاهي ناري | ءي چراخ ريرو .فول أم ريغ لاصتا , [5] يءي نجل اءيل
نامع / ينءرأل | <https://www.aa.com.tr/ar>. Accessed 07.04.2022.

ناري | عم تااءءاحم لشف نأ يري نءرأل , ءكللمملا ءابنأ ءل الكو يفحص [6]
ءقطنملا يف يوون حلست قابسل ءوق يءق // <https://www.almamlakatv.com/news/82644>. Accessed 07.04.2022.

[7] Corbeau, Anne-Sophie. How Deep Is Europe’s Dependence on Russian Oil // <https://news.climate.columbia.edu/2022/03/14/qa-how-deep-is-europes-dependence-on-russian-oil>. Accessed 07.04.2022.

[8] Мамедова Н. М. Иран: экономические причины «новогодних волнений» // Азия и Африка сегодня. – 2018. – №7. - С. 22-26.

بجي :يءايسل يبظوبأ قوءنص , يبءرعل ءابنأ ءل الكو يفحص [9]
ايسور يف رامءءسال فقو انيلع // <https://www.alaraby.co.uk/economy>. Accessed 07.04.2022.

س يءرل لبقتسي دياز نب دمحم , يبظوبأ ءابنأ ءل الكو يفحص [10]
ءسال راشب يروسلا // <https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1509021>. Accessed 07.04.2022.

غولب ناعقوئت تارامل او ناري | يبءرعل ءابنأ ءل الكو يفحص [11]
رالوء رايلم 20 يراچءل ءءابءل // <https://arabi21.com/story>. Accessed 07.04.2022.

REFERENCES

[1] Kuzmin V.A., Sokolov N.V. Irano-Saudovskoe protivostojanie na Blizhnem Vostoke v konce HH – nachale HHI vv (Iranian-Saudi confrontation in the Middle East at the end of the 20th - beginning of the 21st centuries) // M., 2019 - pp. 183-184.

[2] Heavey S. Saudi Arabia, Iran must shape ‘cold peace, / Washington // Speech of the President Barak Obama // www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-obama. Accessed 07.04.2022.

رشبت عضومت قءاع| .نارهطل دياز نب نونحط قرايز , [3]روب نمحر دمحم
قريزجل | ءي ءاصتق او ءيسايس بس الكمب // <https://www.aljazeera.net/news/politics/2021/12/8>. Accessed 07.04.2022.

Мақалада АҚШ-тың аймақтағы рөлінің төмендеуінен және Украина дағдарысының шиеленісуінен кейінгі араб-иран қарым-қатынастарының ретроспективті, ағымдағы бағыты мен даму перспективалары көрсетілген. Мақала мақсаты – энергетикалық сектор үшін геосаяси маңызды аймақтағы өзгерістерді талдау. Осы мақалада қазіргі жағдайдың дамуы және елдердің сыртқы саяси бағыттарының одан әрі тенденцияларының болжамы көрсетілген.

Тірек сөздер: Таяу Шығыс, Иран, Сауд Арабиясы, Біріккен Араб Әмірліктері, Иордания, АҚШ, Ресей.

FROM ALLIES TO «CAUTIOUS ADVERSARIES»: PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT OF ARAB-IRANIAN RELATIONS

*Chukubaev E.S.¹, Ilyasov A.E.²

*¹c.h.sc., associate professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: simonoberto1901@gmail.com,

²Master's student of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: alisher.ilyasov91@gmail.com

Abstract. The confrontation between Iran and the Arab countries, based on religious, ideological and geopolitical hostility to each other, is historical and one of the longest in the modern world. The relations between these countries have passed its hot and cold stages and are of great interest and relevant for today's agenda in the light of resumption of negotiations on the Joint Comprehensive Plan of Action on Iran's nuclear program and the transformation of the system of international relations launched on February 24 of this year by the Russian Federation.

The article reflects a retrospective, the current course and prospects for the development of Arab-Iranian relations after the reduction of the USA's role in the region and the start of crisis in Ukraine. The aim of the work is to analyze the ongoing changes in a geopolitically important for the energy sector region. The work demonstrates the current development of the situation and the forecast of further trends in the countries' foreign policies.

Key words: Middle East, Iran, Saudi Arabia, United Arab Emirates, Jordan, USA, Russia.

Статья поступила 18.05.2022

УДК 32.323

DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.006

МРНТИ 11.05

ТӘЖІКСТАНДАҒЫ АЗАМАТТЫҚ СОҒЫС ЖӘНЕ ОНДАҒЫ БҰҰ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ БІТІМГЕРШІЛІК РӨЛІ

*Жабина Ж.Р.¹, Сейтнур Ш.А.²

¹Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ доценті,
саясаттану ғылымдарының докторы,
Алматы, Қазақстан, zh.zhabina@mail.ru

²Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӘТУ 2 курс магистранты,
Алматы, Қазақстан, e-mail: Shinar.askarovna@mail.ru

Андатпа. Мақаланың мақсаты Тәжікстандағы азаматтық соғысты реттеудегі БҰҰ-ның, бақылаушы елдердің, сондай-ақ ондағы Қазақстанның бітімгершілік күштерінің қызметіне талдау жасау болып табылады. Мақалада Біріккен Ұлттар Ұйымы тәжікаралық қақтығыстарды реттеу және елге бейбітшілікке қол жеткізуге баға жетпес көмек көрсетіп қана қоймай, нақты жағдайларды шешуде болашақта өзінің қызметіне пайдалы болуы мүмкін маңызды тәжірибеге ие болғандығы жайлы баяндалады.

Авторлар мақалада мемлекеттегі ауыр жағдайды тұрақтандыру мақсатында өткен келіссөздер үрдісі мен нәтижесі жайлы, сондай-ақ Тәжікстандағы орын алған жағдайға ұқсас жағдай ретінде Қазақстанның біршама қалаларында өткен көтерілістердің және оны реттеудегі ҰҚШҰ аймақтық ұйымының рөлін анықтайды. Мақалада авторлар Тәжікстанның соғыстан шығу тәжірибесі, ұлттық келісімге келуі және саяси тұрақтылыққа қол жеткізуі туралы талдай келе, Орталық Азия елдерінде бар саяси, әлеуметтік қарама-қайшылықтарды тек күш қолдану әдістерімен ғана шешуге ұмтылыс перспективалы емес екенін көрсетеді.

Тірек сөздер: азаматтық соғыс, Тәжікстан, БҰҰ, Қазақстан, жанжал, келіссөздер, ҰҚШҰ.

Негізгі ережелер

Бүгінгі таңда Орталық Азия елдері арасындағы аймақтық ынтымақтастық өңірдегі бейбітшілік пен тұрақтылықты сақтаудың негізі болып табылады. Тәжікстандағы азаматтық соғысты реттеудегі БҰҰ мен аймақта орналасқан елдердің жұмыла жүк көтеріп, қақтығысты реттеудегі ықпалы осының айқын көрінісі болып табылады.

Кіріспе

Қаңтар айының басындағы Қазақстанның біріңғай қалаларында орын алған қайғылы оқиғалар, тіпті Қазақстан секілді тұрақты елде

бейбітшілікті сақтаудың оңай емес екендігін көрсетті. Әлбетте мұндай ішкі және сыртқы деструктивті күштердің бірігуінің нәтижесінде мемлекетке жағдайды тұрақтандыру аса қиынға соғатыны белгілі. Алайда, қаңтар дағдарысы кезіндегі Республикаға ҰҚШҰ бітімгершілік контингентінің жедел енгізілуі көпшілікті таң қалдырды. Бұл өз кезегінде Қазақстанды өткен ғасырдың 90-жылдарында Тәжікстанда орын алған азаматтық соғыс тағдырынан сақтады.

Белгілі болғандай Тәжікстандағы азаматтық соғыс 1992 жылдан 1997 жылға дейін 5 жылға созылған. Тәжікаралық қақтығыстардың нәтижесінде ресми ақпараттарда 60 мың адам, ал шетелдік мамандардың ақпараттарына сәйкес 100 мыңнан аса адам жәбірленген енді 1,5 миллионы босқындарға айналған. Бірақ бүгінгі таңда зардап шеккендердің нақты саны әлі күнге дейін даулы мәселе болып табылады.

Тәжікстандағы азаматтық соғыс пен Қазақстандағы қаңтар оқиғасы екі мемлекетті байланыстырушы ортақ қаза болып табылады. Тәжікаралық қақтығыстардағы БҰҰ-ның, Қазақстандағы ҰҚШҰ бітімгершілік күштерінің рөлі бұл орайда үлкен маңызға ие.

Материалдар мен әдістерді сипаттау

Зерттеу барысында ресми құжаттар мен ғылыми дереккөздерді пайдалана отырып, отандық және шетелдік авторлардың ғылыми көздеріне талдау жасалды, сондай-ақ жүйелеу және жалпылау эмпирикалық әдістері қолданылды.

Нәтижелері

КСРО ыдырағаннан кейін посткеңестік мемлекеттерде бір қоғамдық-саяси күйден екіншісіне ауысу үрдісі басталған болатын. Алайда бұл үрдіс әу бастан егемендік алған елдердің барлығында бірдей сәтті жүзеге асырылған жоқ. Сол кездегі тәуелсіздік алған мемлекеттердің тәжірибесіне сүйенсек, ең алдымен мұндай жағдайларда елде билік үшін күрес күшейеді, билеуші топтар арасындағы саяси күрес шиеленісіп, билікті барынша ұстап қалу талпынысы орын алады. Нәтижесінде қоғам түрлі ішкі және сыртқы себептерге байланысты саяси қарама-қайшылықтарға одан соң әскери қақтығысқа еріксіз тап болады. Сол кездегі қауіпті аймақтардың біріне айналған ел Тәжікстан болды.

1992 жылы сайлаудағы наразылықтан басталған Тәжікстандағы азаматтық соғыс, ең алдымен саяси күштердің XX ғасырдың аяғындағы күрт шиеленіскен кешенді аймақаралық қарама-қайшылықтар мен мәселелерді уақытылы шеше алмауынан, елдің оңтүстік аймақтарының экономикадағы, халықтың демографиялық құрылымындағы, елдің идеологиялық өміріндегі және т.б. рөлінің күшейе түсуінен туындаған болатын [1].

Шиеленіскен қақтығыс бірқатар жағымсыз үрдістерді тудырды: біріншіден, сол кездегі елдің тәуелсіз ел ретінде дамуға дайын еместігі белгілі болды. Екіншіден, жоғарғы билікке тең дәрежеде қол жеткізу мәселесі шешілмеді. Үшіншіден, орталық биліктің ыдырауы және жаңа билік орталықтарының пайда болу үрдістері күшейді. Төртіншіден, республика сыртқы күштердің күшті саяси және ақпараттық қысымын көрді. Оған қоса ел бұрынғы кеңестік мемлекеттер сияқты экономикалық, экологиялық және әлеуметтік мәселелерге тап болды.

Дер кезінде реттелмеген жанжал жылдам радикалдана бастайды, ал Орталық Азия аймағында орналасқан кез-келген елдің ішіндегі радикалданған саяси жағдайдың өршуі тек сол елге ғана емес, сондай-ақ барлық аймақтық қауіпсіздік үшін де үлкен қауіп-қатер әкеледі.

Қазіргі Орталық Азиядағы аймақтық қауіпсіздік өңірдегі әрбір елдегі саяси ахуалдың тұрақтылығына тікелей байланысты. Өз кезегінде саяси тұрақтылық осы елдердегі ұлттық келісім мен бірегейліктің қаншалықты берік болуына байланысты. Аймақтағы елдердің ешбірінде ұлттық келісім мен бірегейлік, сонымен қатар саяси тұрақтылық мәңгі тапжылмайтын нәрсе емес екенін атап өткен жөн. Ұлттық келісім мен бірегейлікті үнемі қамтамасыз етіп отыру үшін үздіксіз туындайтын мәселелер мен қарама-қайшылықтардың шешімін толыққанды болмасада қоғамның әртүрлі топтарының, саяси топтардың мүдделеріне сай уақытылы, қанағаттанарлық шешім тауып отыру қажет.

Ел ішінде туындаған саяси тұрақсыздық және бара-бара шиеленіскен қарама-қайшылықтар мен мәселелердің уақытылы шешімін таппауы оппозициалық топтар мен үкіметті қолдаған күштер арасында қанды және қылмыстық сипатқа ие қарулы қақтығыстарды болдырды [2].

Осылайша, Тәжікстан Республикасындағы ішкі тұрақсыздық, тәжік-ауған шекарасындағы шиеленіс және өршу қауіпі бүкіл Орта Азия аймағы үшін қауіпті азаматтық соғыс аймақтық және халықаралық қауымдастықты алаңдатты.

Тәжікаралық келіссөздерге келуге үш саяси фактор негіз болды - үкімет тарапынан қызығушылық, оппозиция тарапынан түсіністік және халықаралық ұйымдар мен достас елдердің делдалдығы. Жанжалды реттеуге Еуропадағы Қауіпсіздік және Ынтымақтастық Ұйымы (ЕКҰҰ), Біріккен Ұлттар Ұйымы (БҰҰ) және бақылаушы елдер атсалысты. Айтарлықтай маңызды рөл БҰҰ-на тиесілі болды. БҰҰ-ның белсенді қызметінің нәтижесінде тараптар мәселені саяси тұрғыда шешу қажеттілігіне сенді, келіссөздер үрдісіне қатысуға мүмкіндік алды. Сондай-ақ, Ауғанстан, Иран, Пәкістан, Ресей және де үш Орталық Азия мемлекеті оның ішінде Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан келіссөздерге бақылаушылар ретінде қатысады деген

уағдаластыққа қол жеткізілді [3].

Осы орайда ең бастысы, тараптардың БҰҰ, ЕҚЫҰ және бақылаушы елдердің қатысуымен саяси диалогтар өткізу арқылы қол жеткізілген тәжікаралық қақтығысты реттеу тәжірибесінің халықаралық сипатына ерекше назар аудару қажет.

1992 жылы Тәжікстандағы ауыр жағдайды тұрақтандыру мақсатында Тәжікстан Республикасы президентінің міндетін атқарушы Акбаршо Искандаров БҰҰ-на екі мәрте өтініш білдірген. Жағдайды толыққанды талдаудан өткізген соң БҰҰ Бас хатшысы Бутрос Гали сол жылдың 29 қазанында Тәжікстанға ізгі ниет миссиясын жіберу шешімін қабылдаған.

Осылайша Тәжікстандағы жағдайды реттеуде 1994 жылдан 1996 жылға дейін БҰҰ қамқорлығымен, Ауғанстан, Қазақстан, Қырғызстан, Иран, Пәкістан, Ресей, Өзбекстан, Түркіменстан бақылаушыларымен, Еуропадағы Қауіпсіздік және Ынтымақтастық жөніндегі Кеңес (1995 жылдан бастап ЕҚЫҰ) және Ислам конференциясы ұйымдарының (ИКҰ) қатысуымен бес тәжікаралық келіссөздер раунды өткен болатын. Олар Мәскеу, Тегеран, Исламабад, Алматы және Ашхабад қалаларында өтті. Ұлттық татуласу жөніндегі тәжікаралық қақтығыс келіссөздерінің барлық раундтары нәтижесінде Тәжікстаннан босқындар мен мәжбүрлі қоныс аударушылар мәселелері жөніндегі бірлескен комиссия құру туралы хаттамаға қол қойылды, қорғаныстар келісімге қол қойылғаннан кейін бір ай ішінде әскери тұтқындарды босату туралы келісімге келді, Тегеранда қол жеткізілген атысты уақытша тоқтату туралы келісімді үш айға ұзарту туралы келісімге қол жеткізілді [4].

Тәжікстандағы азаматтық соғыс келіссөздерінің төртінші раунды БҰҰ қамқорлығымен, Ауғанстан, Иран Ислам Республикасы, Қырғызстан, Пәкістан, Ресей Федерациясы, Өзбекстан, ЕҚЫҰ және ИКҰ байқаушыларының қатысуымен Қазақстанда, Алматы қаласында 22 мамыр мен 1 маусым аралығында өткен болатын. Келіссөздер барысында делдалдық қызметтерді БҰҰ Бас хатшысының Арнайы өкілі Рамиро Пирис-Баллон атқарды. Келіссөздер ашық және іскерлік ортада өтті [5].

Тәжікстан Республикасы Үкіметінің және тәжік оппозициясының делегациясы БҰҰ Бас хатшысының арнайы өкілінен Тәжікстан республикасының басшылығымен, тәжік оппозициясының көшбасшыларымен және басқа да мүдделі тараптармен тәжікаралық саяси диалогты жалғастыруға байланысты мәселелер бойынша консультациялар өткізуді сұрады.

Келіссөздер қорытындысы бойынша Б.Н. Ельцин мен Эмомали Рахмонның Ресей Федерациясы мен Тәжікстан Республикасы арасындағы жан-жақты ынтымақтастықты одан әрі нығайту және

кеңейту туралы декларацияға, қос азаматтық мәселелерін реттеу туралы шартқа, 2000 жылға дейінгі кезеңге арналған экономикалық ынтымақтастықтың негізгі қағидаттары мен бағыттары туралы келісімге, сондай-ақ үкіметтер арасындағы қаржы-өнеркәсіптік топтарды құрудың негізгі қағидаттары туралы келісімге қол қойылды [4, 93 б.].

Алматыда өткен келіссөздердің аяқталғанымен тараптар Қазақстан Республикасының Президенті Н.Назарбаевқа Алматыда келіссөздер раундын өткізуде, сондай-ақ келіссөздер барысында делдалдық қызметтерді атқарған БҰҰ Бас хатшысының Арнайы өкілі Рамиро Пирис-Баллон мырзаға келіссөздер раундын ұйымдастыруға және өткізуге көмек көрсеткені үшін зор алғыс білдірді [5].

Тәжікстандағы азаматтық соғыс 5 жылға созылып, 1996 жылы желтоқсанда іс жүзінде тоқтатылды. Ал 1997 жылдың маусым айының 27-де бейбітшілік орнату және ұлттық мәмілеге келу туралы жалпы келісімге қол қойылды [6].

Тәжікстан Республикасының Президенті Эмомали Рахмонның 1999 жылы БҰҰ Бас хатшысы Кофи Аннанмен кездесуінде БҰҰ Тәжікстандағы жанжалды реттеуде бірегей тәжірибе жинағаны атап өтілді. Бұл тәжірибе жағдайды реттеу тәсілдері, қағидаттары мен тетіктері тұрғысынан, сонымен қатар халықаралық ұйымдар мен қаржы институттарын «қауіпті аймақта» бейбітшілік пен тұрақтылықты бекіту тұрғысынан да зерделеуді талап етеді [7].

Тәжікстанда орын алған азаматтық соғыста Қазақстанның да атқарған өзіндік ролі бар. Қазақстан көршілес елдермен бірлесіп тәжікаралық әскери қақтығысты бейбіт жолмен реттеуге белсене қатысты, ал ТМД бітімгершілік күштері құрамындағы қазақстандық жиынтық батальоны сегіз жыл бойы тәжік-ауған шекарасын қорғау жөніндегі үкіметтік міндетті орындады [8]. Аталмыш міндетті орындаудың негізгі себебі ТМД елдері басшыларының 1993 жылы тәжік-ауған шекарасын банд құрылымдарынан бірлесіп қорғау жайлы келісімге қол қоюынан басталған еді. Ұлттық Қауіпсіздік Комитетінің (ҰҚК) Шекара қызметінің, Қорғаныс министрлігінің және ҚР ІІМ ішкі әскерлерінің әскери қызметшілерінен құрылған қазақстандық жиынтық батальон аймақта Отан мен одақтастар алдындағы әскери борышын абыроймен атқарды. 1993 жылдың маусымынан 2001 жылдың ақпанына дейін он мыңнан астам қазақстандық жауынгер ТМД-ның оңтүстік шекараларын қорғауда тұрды [9]. Тәжікаралық қақтығыстардағы Қазақстанның бітімгершілік күштерінің маңызын және орнын айтуда шын мәнісінде бұл оның алғашқы бітімгерлері болғанын атап өткен жөн.

Тәжікстандағы бес жылдық қанды соғыс көптеген этникалық азшылықтардың көшуіне және жаппай демографиялық көтерілістерге

әкелді. Елінен еріксіз көшуге мәжбүр болған азаматтарды қабылдаған алғашқы мемлекеттердің бірі Қазақстан болған. Кейбір бағалаулар бойынша олардың саны шамамен 6 мың адамды құрады [10].

Тәжікстандағы орын алған жағдайдың ұқсасы 2022 жылы Қазақстанда да орын алған болатын. 2022 жылдың 1 қаңтарында Қазақстанда сұйытылған газ бағасының литрі 50-60 теңгеден 120 теңгеге көтерілуі салдарынан ең алдымен Маңғыстау облысында одан соң елдің басқада қалаларында халық наразылығынан туындаған көтеріліс болды. Алғашында экономикалық талаптармен басталып кейіннен саяси, әлеуметтік талаптарға ұласқан көтеріліс бірнеше күнде мемлекеттің Алматы және Нұр-Сұлтан сияқты ірі қалаларында жаппай тәртіпсіздіктер мен лаңкестік шабуылдарға ұласты. Көтеріліс нәтижесінде елде төтенше жағдай режимі енгізіліп, үкімет отставкаға кетті. Жағдайды барынша реттеу және тұрақтандыру мақсатында ел президенті Қасым-Жомарт Тоқаев Ұжымдық қауіпсіздік туралы шарт ұйымының (ҰҚШҰ) мүшелерінен көмек беруге өтініш білдірді.

Осылайша, ҰҚШҰ Ұжымдық қауіпсіздік кеңесінің 2022 жылғы 6 қаңтарда қабылдаған шешіміне сәйкес, жағдайды тұрақтандыру және қалыпқа келтіру мақсатында Қазақстанға Ұжымдық қауіпсіздік туралы шарт ұйымының Ұжымдық бітімгершілік күштері жіберілді. Олардың құрамына Армения Республикасы, Беларусь Республикасы, Қырғыз Республикасы, Ресей Федерациясы және Тәжікстан Республикасы қарулы күштерінің бөлімшелері жағдайдың реттелуінің белгілі бір уақыт аралығына кірді [11].

ҰҚШҰ ұжымдық бітімгершілік күштерінің негізгі міндеттері маңызды мемлекеттік және әскери объектілерді қорғау, Қазақстан Республикасының құқықтық тәртіп күштеріне жағдайды тұрақтандыруға және оны құқықтық алаңға қайтаруға жәрдемдесу болды. Осы жылдың 19 қаңтарында ҰҚШҰ Бас хатшысы Станислав Засьтың мемлекет басшыларына жолдаған жеделхатында ҰҚШҰ Ұжымдық қауіпсіздік кеңесінің мүшелерін, Ұйымның Ұжымдық бітімгершілік күштері контингенттерін Қазақстан аумағынан шығарудың аяқталғаны туралы хабардар етті. Сондай-ақ жеке әскери құрамның, қару-жарақ пен әскери техникалардың шығындары болмағанын да атап өтті [12].

Қорытынды

Қорытындылай келе, Біріккен Ұлттар Ұйымы келіссөздер барысында және елдегі бейбітшілікке қол жеткізу кезеңінде тәжік тараптарына баға жетпес көмек көрсетіп қана қоймай, нақты мәселелерді шешу кезінде маңызды тәжірибеге ие болды. Сондай-ақ Қазақстандағы қаңтар оқиғасы кезіндегі жағдайды реттеудегі ҰҚШҰ бітімгершілік күштерінің де өзіндік қызметін атқарғанында атап өткен жөн. Екі жағдайдан да түйетініміз елдер арасындағы ынтымақтастық пен мықты аймақтық және халықаралық интеграция бар жерде саяси

тұрақтылық пен аймақтық қауіпсіздікті қамтамасыз ету үшін үлкен жағдайлар бар.

Тәжікстанның соғыстан шығу тәжірибесі, ұлттық келісімге келуі және саяси тұрақтылыққа қол жеткізуі Орталық Азия елдерінде бар саяси және басқа да қарама-қайшылықтарды тек күш қолдану әдістерімен ғана шешуге ұмтылыс перспективалы емес екенін көрсетеді. Жалпы аймақтағы кез-келген елде орын алған жанжалдың реттелуі тек бір мемлекеттің ғана емес сонымен бірге халықаралық және аймақтық ұйымдардың бітімгершілік күштерінің қолдауы тұрғысында жүзеге асырылатынын тәжірибеде көріп отырмыз.

ӘДЕБИЕТ

[1] Морозов Ю.В. Миротворчество как инструмент стабилизации обстановки. - Москва: Институт Европы РАН, 2002. - С. 29

[2] Country Profile: Tajikistan, January 2007 // Library of Congress — Federal Research Division // <https://www.loc.gov/rr/frd/cs/profiles/Tajikistan-new.pdf>. Accessed 25.03.2022.

[3] Абдуллоев И. ООН и межтаджикский конфликт: миротворческая миссия оон в межтаджикском диалоге // <file:///C:/Users/user/Downloads/oon-i-mezhtadzhikskiy-konfliktmirotvorcheskaya-missiya-oon-v-mezhtadzhikskom-dialoge.pdf>. Accessed 28.03.2022.

[4] Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве // Межтаджикский конфликт, гражданская война 1991-1996 гг. в Таджикистане и проблемы мирного урегулирования. – М., 2014. – С. 93.

[5] Арыстанбекова А.Х. Письмо постоянного представителя Казахстана при организации Объединенных Наций от 5 июня 1995 года на имя Генерального Секретаря // https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/ru/sc/repertoire/96-99/96-99_intro.pdf. Accessed 1.04.2022.

[6] Голыд А. Миротворческие операции - средство реализации национальных интересов России // Известия. – 1995. – 2.12.

[7] Назаров Т.Н. Таджикистан: экономическое сотрудничество и безопасность. - Душанбе, 2003. – С.132-133.

[8] Ауелбаев Б. Казахстан и Центральная Азия: приоритетные направления сотрудничества, 19 апреля, 2021 г. // <https://strategy2050.kz/ru/news/kazakhstan-i-tsentralnaya-aziya-prioritetnye-napravleniya-sotrudnichestva/>. Accessed 28.03.2022.

[9] Курбанова М. Бесстрашный казбат: История казахстанских миротворцев в Таджикистане // <https://asiaplustj.info/ru/news/life/person/20150508/besstrashnyi-kazbat-istoriya-kazakhstanskikh-mirotvortsev-v-tadzhikistane>. Accessed 29.03.2022.

[10] U.S. Committee for Refugees World Refugee Survey 1997-Tajikistan // The UN Refugee Agency (UNHCR): US Committee for

Refugees and Immigrants. - 1997. – 1.01.

[11] Шашкина А. Миротворческая миссия ОДКБ в Казахстане: первая и успешная. 2022 // <https://ru.sputnik.kz/20220119/mirotvorcheskaya-missiya-odkb-kazakhstan-19176096.html>. Accessed 4.04.2022.

[12] Зайнетдинов В. Генеральный секретарь ОДКБ проинформировал глав государств - членов ОДКБ о завершении вывода миротворческих контингентов с территории Республики Казахстан // https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-proinformiroval-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-o-zavershenii-vyvoda-mirotvorch/#loaded Accessed 4.04.2022.

REFERENCES

[1] Morozov Yu.V. Mirotvorchestvo kak instrument stabilizacii obstanovki. [Peacekeeping as a tool for stabilizing the situation], Moskva: Institut Evropy RAN, 2002, P. 29.

[2] Country Profile: Tajikistan, January 2007 // Library of Congress — Federal Research Division // <https://www.loc.gov/rr/frd/cs/profiles/Tajikistan-new.pdf>. Accessed 25.03.2022.

[3] Abdulloev I. OON i mezhtadzhikskij konflikt: mirotvorcheskaja missija oon v mezhtadzhikskom dialoge [UN and the inter-Tajik conflict: UN peacekeeping mission in the inter-Tajik dialogue] //C:/Users/user/Downloads/oon-i-mezhtadzhikskiy-konfliktmirotvorcheskaya-missiya-oon-v-mezhtadzhikskom-dialoge.pdf. Accessed 28.03.2022.

[4] Krizisy i konflikty na postsovetском prostranstve / Mezhtadzhikskij konflikt, grazhdanskaja vojna 1991-1996 gg. v Tadjikistane i problemy mirnogo uregulirovanija [Crises and conflicts in the post-Soviet space. Inter-Tajik conflict, civil war 1991-1996 in Tajikistan and Problems of a Peaceful Settlement]. M., 2014, P. 93.

[5] Arystanbekova A.Kh. Pis'mo postojannogo predstavitelja Kazahstana pri organizacii Obedenennyh Nacii ot 5 ijunja 1995 goda na imja General'nogo Sekretarja [Letter dated 5 June 1995 from the Permanent Representative of Kazakhstan to the United Nations addressed to the Secretary General]. https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org/securitycouncil/files/ru/sc/repertoire/96-99/96-99_intro.pdf. Accessed 1.04.2022.

[6] Golyd A. Mirotvorcheskie operacii - sredstvo realizacii nacional'nyh interesov Rossii [Peacekeeping operations are a means of realizing Russia's national interests]. Izvestija. 1995. 2 dek.

[7] Nazarov T.N. Tadjikistan: jekonomicheskoe sotrudnichestvo i bezopasnost'(Tajikistan: economic cooperation and security). - Dushanbe, 2003. – S.132-133.

[8] Auelbaev B. Kazakhstan i Central'naja Azija: prioritetyne napravlenija sotrudnichestva

[Kazakhstan and Central Asia: priority areas of cooperation] 19 aprelja, 2021 g. <https://strategy2050.kz/ru/news/kazakhstan-i-tsentralnaya-aziya-prioritetnye-napravleniya-sotrudnichestva>. Accessed 28.03.2022.

[9] Kurbanova M. Besstrashnyj kazbat: Istorija kazahstanskih mirotvorcev v Tadzhikestane [Fearless kazbat: The history of Kazakh peacekeepers in Tajikistan // <https://asiaplustj.info/ru/news/life/person/20150508/besstrashnyi-kazbat-istoriya-kazahstanskikh-mirotvortsev-v-tadzhikestane>. Accessed 129.03.2022.

[10] U.S. Committee for Refugees World Refugee Survey 1997 — Tajikistan // The UN Refugee Agency (UNHCR): US Committee for Refugees and Immigrants. 1997. 1, Jan.

[11] Shashkina A. Mirotvorcheskaja missija ODKB v Kazahstane: pervaja i uspehnaja [CSTO peacekeeping mission in Kazakhstan: the first and successful] <https://ru.sputnik.kz/20220119/mirotvorcheskaya-missiya-odkb-kazahstan-19176096.html> Accessed 4.04.2022.

[12] Zajnetdinov V. General'nyj sekretar' ODKB proinformiroval glav gosudarstv - chlenov ODKB o zavershenii vyvoda mirotvorcheskikh kontingentov s territorii Respubliki Kazahstan [The CSTO Secretary General informed the heads of the CSTO member states about the completion of the withdrawal of peacekeeping contingents from the territory of the Republic of Kazakhstan] https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-proinformiroval-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-o-zavershenii-vyvoda-mirotvorch/#loaded. Accessed 4.04.2022.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТАДЖИКИСТАНЕ И МИРОТВОРЧЕСКАЯ РОЛЬ ООН И КАЗАХСТАНА

*Жабина Ж.Р.¹, Сейтнур Ш.А.²,

*¹доктор политических наук, доцент

КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Алматы, Казахстан, zhabina_zh@mail.ru,

²магистрант 2 курса КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Алматы, Казахстан, e-mail: Shinar.askarovna@mail.ru

Аннотация. Целью данной статьи является анализ деятельности миротворческих сил ООН, стран-наблюдателей, а также Казахстана в урегулировании гражданской войны в Таджикистане. В статье утверждается о том, что Организация Объединенных Наций не только оказала неоценимую помощь в урегулировании межконфессиональных конфликтов и достижении мира в стране, но и приобрела важный опыт в решении конкретных ситуаций, который может быть полезен для ее деятельности в будущем.

В статье авторы подчеркивает переговорные процессы и их результаты, состоявшихся в целях стабилизации тяжелой ситуации в государстве, а также о роли региональной организации ОДКБ в урегулировании восстаний в ряде городов Казахстана, как аналогичной ситуации в Таджикистане.

Анализируя опыт Таджикистана по преодолению войны, достижению национального примирения и достижению политической стабильности, авторы отмечают, что попытки решить политические и социальные конфликты в Центральной Азии только силовым путем малоперспективны.

Ключевые слова: гражданская война, Таджикистан, ООН, Казахстан, конфликт, переговоры, ОДКБ.

THE CIVIL WAR IN TAJIKISTAN AND THE PEACEKEEPING ROLE OF THE UN AND KAZAKHSTAN

*Zhabina Zh.R.¹, Seitnur Sh.A.²

*¹Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Ablai Khan KazUIRandWL,

Almaty, Kazakhstan, zhabina_zh@mail.ru,

²2nd year Master's student, Ablai Khan KazUIRandWL
Almaty, Kazakhstan, e-mail: Shinar.askarovna@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the activities of the UN peacekeeping forces, observer countries, as well as Kazakhstan in the settlement of the civil war in Tajikistan. The author claims that the United Nations has not only provided invaluable assistance in resolving interfaith conflicts and achieving peace in the country, but has also gained important experience in solving specific situations that may be useful for its activities in the future.

In the article, the authors emphasize the negotiation process and its results, which took place in order to stabilize the difficult situation in the state, as well as about the role of the CSTO regional organization in settling uprisings in a number of cities of Kazakhstan, as a similar situation in Tajikistan. Analyzing Tajikistan's experience in overcoming the war, achieving national reconciliation and achieving political stability, the authors point out that attempts to resolve political and social conflicts in Central Asia through the use of force alone are not promising.

Keywords: civil war, Tajikistan, UN, Kazakhstan, conflict, negotiations, CSTO.

Статья поступила 14.05.2022

УДК 81.327

DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.007

МРНТИ 11.25

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

* Кузембаева А.Б.¹ Хэ Ли²

¹к.и.н., доцент КазНУ имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
e-mail:simonoberto1901@gmail.com

²магистрант КазНУ имени Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
e-mail: 1780575213@qq.com

Аннотация: С развитием процесса глобализации каналы влияния национальных субъектов на международный процесс постоянно обновляются и расширяются, и каждая страна сталкивается с беспрецедентно новыми вызовами. Теория мягкой силы, предложенная профессором Гарвардского университета Джозефом Наиром, обеспечивает новое направление исследований для практики международной политики, так что многие страны мира стоят на своем и начинают обращать внимание на развитие своего собственного поля мягкой силы с разных точек зрения. По сути, мягкая сила - это своего рода влияние идей и концепций, и для того, чтобы проявить роль этой силы, необходимо проникнуть мыслями в глубины души аудитории, чтобы изменить отношение и модели поведения людей, тем самым влияя на социальный менталитет страны и международные отношения. Самым важным инструментом в этом процессе является язык. Язык является важным фактором культурной мягкой силы, а язык является важной особенностью человеческой культуры. «Язык — это духовная память нации, содержит важную культурную информацию этой нации и является символом, который может отражать процесс исторического и культурного накопления». По сравнению с популярными культурными ресурсами, такими как популярные песни, кино и телевидение, одежда и общественное питание, которые легко привлекают внимание, но также легко исчезают, язык, как социальная норма, обладает более длительной и далеко идущей привлекательностью и привлекательностью. Язык также является важным политическим ресурсом. Язык и политика, казалось бы, две несвязанные области, на самом деле тесно связаны. Процесс развития языка и его статус в регионе и мире могут отражать исторические изменения страны или нации, этнические отношения и развитие международных отношений со стороны.

Ключевые слова: язык, международные отношения, влияние, мягкая сила, политика, лингвистика, Теория, культура.

Основные положения

Производство языка прошло длительный исторический этап. Язык был впервые создан для удовлетворения и облегчения потребностей людей в общении, то есть для передачи информации и получения информации. Даже сейчас общение по-прежнему является основной функцией языка. Но по мере развития самого языка и обогащения социальной жизни функции языка стали разнообразными, например, функция записи письменного языка, лирическая функция литературы, вспомогательная исследовательская функция профессионального языка и так далее. Следовательно, создание и развитие языка является, прежде всего, результатом социального развития, а язык, в свою очередь, отвечает потребностям социального развития. С изменениями времени язык был наделен новыми значениями, а также имеет более глубокие коннотации, язык глубоко интегрирован в культуру местного населения и неотделим от культуры народа. Язык, как основа национальной культуры и символ национальной культуры, глубоко запечатлен в сердцах людей. Степень признания и объем понимания языка могут четко указывать на степень восприятия и идентичности национальности, к которой принадлежит этот язык. В целом, степень распространения и использования определенного языка в мире в определенной области и смысле просто показывает культурную мягкую силу определенной страны в мире.

Введение

В последние годы многие ученые ввели лингвистику в процесс изучения дисциплины международных отношений. Этот феномен обучения предоставил людям новую перспективу для изучения международных отношений. На самом деле язык играет очень важную роль в международных отношениях. Подобно дисциплине международных отношений, многие исследования в области социальных наук опираются на определенную перспективу. Каждая точка зрения часто использует определенную философию в качестве источника своих мыслей и не только отстаивает определенные базовые концепции в качестве аналитических элементов, но и выдвигает свои собственные теоретические гипотезы и академические предложения. Лингвистическая перспектива в изучении международных отношений не является исключением. В последние годы языковые исследования в международной политике вызвали академическое внимание и дискуссии. Каким же образом язык вошел в область исследований международной политики и международных отношений, а затем сформировал лингвистику международной политики? Привлекая идеи, теории и взгляды языкознания к изучению вопросов международной политики и международных отношений, самое интересное состоит в том, чтобы выявить те или иные механизмы и функции языка, которые

рассматриваются. Язык может способствовать контактам, примирению и сотрудничеству между народами.

Описание материалов и методов

В исследовании использовались теоретические (изучение научных источников, документов и других источников литературы по предмету исследования) и эмпирические (обобщение, систематизация, анализ) методы.

Целью исследования является изучение влияния языка на международные отношения.

Научно-исследовательские цели:

- рассмотреть теоретико-методологические основы языка международных отношений и дипломатии;
- проанализировать влияние языков на мировую политику международных отношениях;
- обозначить язык как «мягкая сила» во внешней политике всех стран;

Научные результаты

В ходе развития человеческой философии язык, как средство обучения, также стал объектом, который люди с удовольствием изучают. Что касается языка и использования языка, китайские и зарубежные философы выдвигают разные точки зрения, утверждая, что каждое содержание имеет свои особенности, различия и разные приоритеты. Конечно, есть сходства. Важно отметить, что эти идеи обеспечивают важную философскую основу для политического изучения современного дискурса международных отношений.

Древнекитайские литераторы придавали большое значение наблюдению, пониманию и знанию языковых проблем. В доцентский период философия языка процветала, сформировались различные лингвистические школы и ценности, представленные конфуцианским «взглядом на речь». «Теория имени и истины» и «Теория речи и значения» соответственно отражают философское мышление людей по языковым вопросам того времени. Первый в основном касается взаимосвязи между «языком и внешним миром», которая относится к проблеме языка и практики; второй фокусируется на взаимосвязи между «языком и внутренним мышлением», которая относится к проблеме языка и значения.

«Теория имени и истины» - это тема, связанная с языком, социальными последствиями и лингвистическими действиями. Лингвистическая философия периода до Цинь считала, что язык был не только важной частью общественной жизни, но и тесно связан с социальным поведением. Язык не только используется как инструмент общения, но и имеет свою собственную незаменимую социальную ценность. Например, «одним словом можно процветать государству»

и «одним словом можно потерять государство». Язык может быть источником причины и следствия в общественной жизни, который порождает споры между правильным и неправильным, создает противоречия и конфликты. Поэтому языку необходимо уделять достаточное внимание. «Теория значения речи» обсуждает взаимосвязь между языком и значением. Благопристойность языка является одним из важных критериев древнекитайских языковых норм, включая благопристойность в содержании и благопристойность в манерах. Кроме того, это также включает в себя взаимосвязь между языковым выражением и контекстом. В конфуцианском «взгляде на речь» существует тесная взаимосвязь между временем и содержанием речи, а также личностью и статусом говорящего. Это напоминает нам о том, что речь должна быть продуманной и использовать соответствующие способы выражения наших мыслей.

Язык – это не только инструмент для выражения мыслей и поведения, но и тесно связанный с моральными качествами отдельных людей и управлением страной. Древние философы провели углубленные исследования социальных, моральных, личностных и контекстуальных отношений языковых коммуникаторов и обеспечили важное идеологическое просвещение для современных политических исследований.

Напротив, западные философские представления о языке можно проследить до древнегреческого периода, но на самом деле практическая философия языка по-настоящему сформировалась только в 20 веке. Философы обнаружили, что возникновение теории всех вещей проистекает из выражения языка, а социальный мир и даже сами люди будут ограничены и регулироваться языком. Такого рода дискурс оказал глубокое влияние на изучение международных отношений в будущих поколениях.

Кроме того, марксистская философия также фокусируется на социальной ценности языка. Существует очень тесная связь между существованием языка и общества. Марксизм считает, что язык – Это не только средство коммуникации, но и социальное явление. Выражение языка отражает реальную жизнь людей. Социальный контакт, основанный на языке и реальности, очень тесен, поэтому независимо от того, какой аспект общества изучается, отражающий социальный язык и исследование неразделимы. Напротив, если вы изучаете язык, необходимо также изучать общество на этом языке. То все языки являются социальным, историческим и политическим развитием.

Обсуждение

Лингвистическая перспектива предполагает, что следует обратить внимание на важную роль, которую играет язык в международных

отношениях. Эта точка зрения подчеркивает, что при анализе политического статуса мира следует сосредоточиться на анализе роли и влияния языка, и считает, что язык является важным инструментом для построения человеческого и социального поведения. С онтологической точки зрения международные отношения существуют в материальном виде и состоят из большого количества языковой информации, но в то же время считается, что мировая политика также является продуктом языковой деятельности. С точки зрения эпистемологии международные отношения существуют объективно, но для многих людей реальность международных отношений в основном конструируется языковыми символами, и это понимание в основном достигается через язык. С точки зрения методологии, то, сталкиваясь со сложными международными отношениями, мы должны полагаться на язык как на инструмент мышления, интерпретировать различные политические тексты и дискурсы и записывать результаты наших собственных исследований в форме слов. С точки зрения теории ценностей вся лингвистическая деятельность является продуктом социальной деятельности, поэтому социальные реалии, которые были созданы в международных отношениях, постоянно обновляются и перестраиваются с течением времени.

Международные отношения – это не система, независимая от практической деятельности человека, а социальный продукт общественного развития и национальных обменов на определенном этапе. Роль языка заключается не только в отражении и фиксации истории страны и социальной реальности, но и в определенной степени в качестве инструмента построения общества и политики. Язык сам по себе является неотъемлемой частью международных отношений и исторической реальности. Без языка как основного фактора исследования трудно изучать мировые отношения.

Отношения между странами – это отношения взаимного диалога, взаимного сотрудничества и общения, а также двустороннего общения. Тогда международные отношения должны предоставить странам место для конкуренции в материальной и экономической мощи. В фундаментальном смысле международные отношения зависят от построения языка, общества и культуры. Хотя международные отношения время от времени могут проявляться неуместным образом, чаще всего это зависит от разумного использования языка. Если материальная основа определяет статус страны в мировой политической экономике, то право слова отражает ценность, придаваемую стране политическим статусом в мировой политической экономике. Язык как базовая система является основной формой международных политических прав. Язык является основой существования, и использование языковых символов реализуется

через функционирование социальных отношений. Для исследования и изучения языковых символов, включая лингвистическое конструирование субъекта поведения государства, применение языкового насилия, а также повествование и описание действий и событий в международных отношениях, все виды деятельности относятся к политической деятельности. Нарратив предоставляет людям новую перспективу понимания и познания, конструирует некоторые сюжеты и действия через языковые символы, тем самым направляя людей к формированию познания вещей.

Можно сказать, что лингвистическая перспектива с философской точки зрения проясняет тесную связь между языком и международными отношениями, включая онтологию, эпистемологию, методологию и аксиологию. Международные отношения не могут быть без помощи языка с самого начала. Языковая деятельность не только является важной частью международных отношений, но также будет приводить к формированию понимания природы дискурса и права на сознание. Судя по нынешним международным отношениям в целом, страны уделяют все больше внимания мягкой силе. Язык также рассматривается как важная часть мягкой силы страны. И то, как умело выстраивать собственную дискурсивную систему, также является важной частью, на которую каждая страна должна обратить внимание.

Исторически сложилось так, что язык играл важную роль в процессе объединения многих стран. Как код китайской культуры, китайские иероглифы необходимы для формирования единой китайской нации. «Квадратные символы - очень великое изобретение. Китай сегодня может стать великой страной благодаря Цинь Шихуану. Если бы иероглифы не были унифицированы, сегодня могли бы быть страны Шанхая, страны Гуанчжоу и так далее. Поскольку Китай имеет обширную территорию и множество диалектов, единственное, что можно понять, это китайские иероглифы. Наши слова крепко связывают нас друг с другом. Концепция «великого объединения» китайской нации также выигрывает от сильного связующего эффекта языка.

На огромной территории Советского Союза проживает более ста этнических групп. Из-за большого количества этнических групп и сложных диалектов для осуществления межэтнических обменов объективно необходимо иметь язык, который выходит за рамки различных этнических диалектов. Русский язык, на котором говорят этнические русские, составляющие 51% населения, был признан национальным языком общения, что, несомненно, обеспечивает большое удобство для межэтнических обменов в различных регионах и культурах и способствует социальной гармонии, национальному единству и поддержанию национального единства. В советский период русский язык был не только языком русской нации, но и носителем и

важным средством передачи истории и культуры различных этнических групп, таких как Украина, Казахстан, Кыргызстан и др. Поскольку русский язык имеет гораздо более широкую международную аудиторию, чем другие национальные языки, многие национальные культурные произведения могут продвигаться по всему миру с помощью русского языка. Без русского языка советская культура не смогла бы показать великолепную и богатую ситуацию. Видно, что русский язык является незаменимым фактором, способствующим формированию советского национального духа и национальной сплоченности.

В древние времена и в Средние века, благодаря силе Рима, общеевропейским языком была в основном латынь. С момента подписания Раштаттского договора в 1714 году французский язык заменил латынь в качестве языка дипломатии. Можно сказать, что общим языком европейских стран на протяжении всего 18 века был французский. Расцвет Британской империи в 19 веке привел к тенденции постепенного вытеснения английского языка французским. С тех пор применение английского языка в мире еще больше расширилось, постепенно превзойдя французский. После Второй мировой войны английский, особенно американский английский, стал мировым языком общения с высочайшей степенью интернационализации и наиболее широко используемыми региональными языками. Поэтому неудивительно, что язык стал главным инструментом могущественных стран для осуществления своего политического, экономического и религиозного влияния. В современном мире американская культура распространяется быстрее всех в мире не только потому, что Соединенные Штаты сегодня являются сверхдержавой в мире, но и потому, что английский язык является основным носителем американской культуры. Для Соединенных Штатов английский язык, несомненно, является важным инструментом мягкой силы. Мы видели, что во всех областях международных обменов, включая академические обмены, английский, безусловно, является сильным языком и имеет огромное преимущество в праве дискурса.

Заключение

В сегодняшнем глобализированном мире многие страны выбрали продвижение своих собственных языков в качестве отправной точки, пытаясь завоевать взаимопонимание во всем мире путем продвижения своих собственных языков, распространения культуры и ценностей, а также улучшения своего международного имиджа и статуса. В настоящее время американская культура распространяется быстрее всего в мире не только потому, что Соединенные Штаты сегодня являются сверхдержавой в мире, но и потому, что английский язык является основным носителем американской культуры. Для Соединенных Штатов английский язык, несомненно, является

важным инструментом мягкой силы. Мы видели, что во всех областях международных обменов, включая академические обмены, английский, безусловно, является сильным языком и имеет огромное преимущество в праве говорить. В настоящее время язык – это уже не ресурс мягкой силы, а “жесткая сила”, которая выполняет функцию жесткой силы.

Аналогичным образом, с быстрым развитием экономики Китая и быстрым повышением его международного статуса китайский язык и китайская культура также привлекают все больше и больше внимания международного сообщества. “Если ты хочешь быть впереди других, учи китайский.” Такова оценка “китайской лихорадки” азиатским изданием журнала Time в Соединенных Штатах. Согласно последним статистическим данным, по состоянию на декабрь 2019 года в Китае было создано 550 институтов Конфуция и 1172 класса Конфуция в 162 странах (регионах). К концу 2020 года более 180 стран и регионов по всему миру запустили обучение на китайском языке, более 70 стран включили китайский язык в свои национальные системы образования, и более 20 миллионов человек в зарубежных странах изучают китайский язык. В 2019 году Россия впервые включила китайский язык в качестве предмета вступительных экзаменов в колледжи в единый национальный экзамен; в апреле 2021 года число кандидатов на Международный тест на знание китайского языка достигло нового максимума; в мае 2021 года были введены первые стандартизированные стандарты для иностранных учащихся, изучающих китайский язык. Повальное увлечение людей во всем мире изучением китайского языка стало неудержимым, и китайский язык оказывает растущее влияние на мир. Это увлечение в большей степени связано с намерением других людей или учреждений вести бизнес с Китаем или найти хорошую работу, поэтому китайский язык фактически проявляется как своего рода жесткая сила. С научной точки зрения» китайской лихорадки» мы будем способствовать более глубокому и всестороннему распространению китайского языка как иностранного и в то же время лучше осознавать наследие и развитие китайской культуры, а также еще больше повышать общий уровень развития китайской культуры, тем самым повышая культурную мягкую силу страны.

Поэтому язык – это не только инструмент мышления и средство общения, но и естественный носитель культурных концепций и даже ценностей. Это простая истина и неоспоримый факт, что страна или нация могут передавать свою собственную культурную информацию и расширять свое собственное культурное влияние через свой собственный язык, тем самым усиливая свою “мягкую силу”.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сунь Цзишэн. Международная политическая лингвистика, теория и практика. - World Knowledge Press, 2017. - С. 30 - 56 [in CN].
- [2] Юань Ша. Дискурс сдержек и противовесов и поддержка гегемонии // Мировая экономика и политика. – 2017. - № 3. - С. 5- 107 [in CN].
- [3] Пан Венго. Три вопроса философии языка // Journal of Foreign Languages. - 2016. - № 1.- С. 3. [in CN].
- [4] Цзян Чжиган. История языкового вмешательства в исследования международных отношений: история лингвистического реализма: исследование, основанное на данных документов // CNKI, Серия дискурсивных исследований. – 2016. - № 1. <https://aping.wenxian1.com:8081/kcms/detail/detail>. Accessed 1.04.2022.
- [5] Сунь Юхуа, Пэн Вэньчао, Лю Хун. Языковая политика vs. язык политики // Теория и методика политической лингвистики, иностранных языков и преподавания иностранных языков. – 2015. № 1. <https://aping.wenxian1.com:8081/kns/brief/> Accessed 14.04.2022.
- [6] Ван Чуннань. О происхождении, цели и направлении исследований двух философских взглядов на язык // Квест. – 2012. - № 10 [in CN].
- [7] Сунь Цзишэн. Языковые исследования в теории международных отношений: обзор и перспективы // Дипломатическое обозрение. - 2009 [in CN].
- [8] Сунь Цзишэню Дискурс, идентичность и внешняя политика: постструктурализм в языке и международных отношениях // Исследование международной политики. - 2008. - № 3 // <https://aping.wenxian1.com:8081/kcms/detail/detail>. Accessed 11.04.2022.
- [9] Сунь Цзишэн. Язык, смысл и международная политика: анализ войны в Ираке.- Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2008 // <https://aping.wenxian1.com:8081/kcms/detail/detail>. Accessed 14.04.2022.
- [10] Сунь Цзишэн. Лингвистический поворот в международных отношениях и развитие конструктивистской теории: на примере языковых игр // Обзор иностранных дел. – 2007. - № 1. <https://aping.wenxian1.com:8081/kcms/detail/detail>. Accessed 11.04.2022.

REFERENCES

- [1] Sun 'Czishjen. Mezhdunarodnaja politicheskaja lingvistika, teorija i praktika, [International Political Linguistics, Theory and Practice]. Pekin, World Knowledge Press, 2017, P. 30- 56 [in CN].
- [2] Yuan Sha. Diskurs sderzhhek i protivovesov i podderzhka gegemonii // Mirovaja jekonomika i politika [The Discourse of Checks and Balances and Support for Hegemony, World Economy and Politics]. 2017. No. 3,P. 5-107 [in CN].

[3] Pan Vengo. Tri voprosa filosofii jazyka [Three Questions in the Philosophy of Language], Journal of Foreign Languages, 2016, No. 1.- P. 3 [in CN].

[4] Czjan Chzhigan. Istorija jazykovogo vmeshatel'stva v issledovanija mezhdunarodnyh otnoshenij: istorija lingvisticheskogo realizma: issledovanie, osnovannoe na dannyh dokumentov. CNKI, Serija diskursivnyh issledovanij [A History of Linguistic Intervention in International Relations Studies: A History of Linguistic Realism: A Study Based on Evidence from the CNKI, Documents, Discourse Studies Series]. 2016. № 1. Accessed 1.04.2022.

[5] Sun' Juhua, Pjen Vjen'chzhao, Lju Hun. Jazykovaja politika vs. jazyk politiki. Teorija i metodika politicheskoj lingvistiki, inostrannyh jazykov i prepodavanija inostrannyh jazykov [Language Policy vs. The Language of Politics // Theory and Methods of Political Linguistics, Foreign Languages and Teaching Foreign Languages]. 2015, No. 1. <https://aping.wenxian1.com:8081/kns/brief/> Accessed 14.04.2022.

[6] Van Chunnan. O proishozhdenii, celi i napravlenii issledovanij dvuh filosofskih vzgljadov na jazyk [On the Origin, Purpose, and Direction of Research on Two Philosophical Perspectives on Language], Kvest [Quest]. 2012, No. 10 [in CN].

[7] Sun' Czishjen. Jazykovye issledovanija v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij: obzor i perspektivy [Language Studies in International Relations Theory: Review and Perspectives]. Diplomaticheskoe obozrenie [Diplomatic Review], 2009 [in CN].

[8] Sun' Czishjen. Diskurs, identichnost' i vneshnjaja politika: poststrukturalizm v jazyke i mezhdunarodnyh otnoshenijah, Issledovanie mezhdunarodnoj politiki [Discourse, Identity, and Foreign Policy: Poststructuralism in Language and International Relations, International Policy Research], 2008, N.3. <https://aping.wenxian1.com:8081/kcms/detail/detail>. Accessed 11.04.2022.

[9] Sun' Czishjen Jazyk, smysl i mezhdunarodnaja politika: analiz vojny v Irake. Shanhaj, Shanhajskoe narodnoe izdatel'stvo [Language, Meaning, and International Politics: Analyzing the Iraq War]. 2008. <https://aping.wenxian1.com:8081/kcms/detail/detail>. Accessed 14.04.2022.

[10] Sun' Czishjen. Lingvisticheskij povorot v mezhdunarodnyh otnoshenijah i razvitie konstruktivistskoj teorii: na primere jazykovyh igr, Obzor inostrannyh del, 2007. No. 1 [The Linguistic Turn in International Relations and the Development of Constructivist Theory: The Case of Language Games, Foreign Affairs Review]. <https://aping.wenxian1.com:8081/kcms/detail/detail>. Accessed 11.04.2022.

ТІЛДІҢ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРҒА ӘСЕРІ

*Кузембаева А.Б.,¹ Хэ Ли²

¹Т.ғ.к., Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ доценті, Алматы, Қазақстан,
e-mail: simonoberto1901@gmail.com,

²Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ 2 магистранты, Алматы, Қазақстан,
e-mail: 1780575213@qq.com

Аңдатпа: Жаһандану процесінің дамуымен ұлттық субъектілердің халықаралық процеске әсер ету арналары үнемі жаңарып, кеңейіп келеді және әр ел бұрын-соңды болмаған жаңа сынақтарға тап болады. Гарвард университетінің профессоры Джозеф Наир ұсынған жұмсақ күш теориясы халықаралық саясат практикасы үшін зерттеудің жаңа бағытын ұсынады, сондықтан әлемнің көптеген елдері өз орындарында тұрып, өздерінің жұмсақ күш өрісін әр түрлі тұрғыдан дамытуға назар аудара бастайды. Негізінен жұмсақ күш - бұл идеялар мен тұжырымдамалардың өзіндік әсері, және бұл күштің рөлін көрсету үшін адамдардың көзқарасы мен мінез-құлқын өзгерту үшін, сол арқылы елдің әлеуметтік менталитеті мен халықаралық қатынастарға әсер ету үшін аудиторияның терең ойларына ену керек. Бұл процесстегі ең маңызды құрал-бұл тіл. Тіл-мәдени жұмсақ күштің маңызды факторы, ал тіл-адамзат мәдениетінің маңызды ерекшелігі. “Тіл - бұл ұлттың рухани жады, осы ұлттың маңызды мәдени ақпаратынан тұрады және тарихи және мәдени жинақтау процесін көрсететін символ болып табылады”. Танымал әндер, фильмдер мен теледидарлар, киім-кешек және тамақтану сияқты танымал мәдени ресурстармен салыстырғанда, олар оңай назар аударады, бірақ оңай жоғалады, Тіл әлеуметтік норма ретінде ұзақ және алыс тартымдылық пен тартымдылыққа ие. Тіл сонымен қатар маңызды саяси ресурс болып табылады. Тіл мен саясат, бір-бірімен байланысты емес екі бағыт, іс жүзінде бір-бірімен тығыз байланысты. Тілдің даму процесі және оның аймақтағы және әлемдегі мәртебесі елдің немесе ұлттың тарихи өзгерістерін, этникалық қатынастарды және сыртқы жағынан халықаралық қатынастардың дамуын көрсетуі мүмкін.

Тірек сөздер: тіл, халықаралық қатынастар, ықпал, жұмсақ күш, саясат, лингвистика, теория, мәдениет.

THE IMPACT OF LANGUAGE ON INTERNATIONAL RELATIONS

*Kuzembayeva A.B.¹, He Li ²

*¹PhD, Associate Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: simonoberto1901@gmail.com,

²Master's student of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: 1780575213@qq.com

Abstract. With the development of the globalization process, the channels of influence of national actors on the international process are constantly being updated and expanded, and each country is facing unprecedented new challenges. The theory of soft power, proposed by Professor Joseph Nair of Harvard University, provides a new direction of research for the practice of international politics, so that many countries of the world stand on their own and begin to pay attention to the development of their own soft power field from different points of view. In fact, soft power - this is a kind of influence of ideas and concepts, and in order to manifest the role of this force, it is necessary to penetrate the thoughts into the depths of the audience's soul in order to change the attitude and behavior patterns of people, thereby influencing the social mentality of the country and international relations. The most important tool in this process is language. Language is an important factor of cultural soft power, and language is an important feature of human culture. "Language - it is the spiritual memory of a nation, contains important cultural information of this nation and is a symbol that can reflect the process of historical and cultural accumulation." Compared to popular cultural resources such as popular songs, movies and television, clothing and catering, which easily attract attention but also easily disappear, language, as a social norm, has a longer and far-reaching appeal and appeal. Language is also an important political resource. Language and politics, seemingly two unrelated areas, are in fact closely related. The process of language development and its status in the region and the world may reflect the historical changes of a country or nation, ethnic relations and the development of international relations from the outside.

Key words: language, international relations, influence, soft power, politics, linguistics, theory, culture.

Статья поступила 17.05.2022

УДК 327
DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.008
МРНТИ 11.4

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

*Мырзабеков М.С.¹, Ло Хуйчжэнь²

¹кандидат исторических наук, доцент КазНУ имени аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, moldahmet@gmail.com,

²магистрант КазНУ имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
1427765860@qq.com

Аннотация. Тайваньский вопрос находится в центре внимания игры между Китаем и США. Тайваньский вопрос не только влияет на направление отношений между двумя странами, но и постоянно влияет на ситуацию с безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Для Китая тайваньский вопрос связан с национальным суверенитетом, территориальной целостностью и национальным единством, в то время как Тайвань имеет очень важное стратегическое значение для США. После Второй мировой войны, несмотря на то, что внутренняя и внешняя политика двух партий и предыдущих правительств в Соединенных Штатах была очень разной, политика США в отношении Тайваня есть общая черта, то есть попытаться не объединять две стороны Тайваньского пролива, чтобы добиться собственной гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сдержать Китай.

В статье в основном анализируется тайваньская политика сменявших друг друга администраций США, начиная с 1950-х гг. Понимание тайваньского вопроса в китайско-американских отношениях может не только проанализировать роль Соединенных Штатов в решении тайваньского вопроса, но и обеспечить более глубокое понимание развития и изменений в китайско-американских отношениях.

Ключевые слова: Китай, США, тайваньский вопрос, содержание, сменявшие друг друга правительства, политика в отношении Тайваня, изменения.

Основные положения

Эволюция политики США в отношении Тайваня всегда совпадала со стадией развития экономических интересов США. После Второй мировой войны США стали гегемоном капиталистического мира. Чтобы защитить свои корыстные интересы и установить глобальную гегемонистскую позицию, правительство США проводило различную

политику в отношении Тайваня в разные периоды в соответствии со своими потребностями.

Введение

Тайваньский вопрос является самым важным и чувствительным ключевым вопросом в китайско-американских отношениях. По сути, тайваньский вопрос - это вопрос внутренних дел Китая, оставшийся после ожесточенной политической и военной борьбы между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая после 1949 года. Однако, исходя из нужд своей глобальной стратегии и политики в отношении Китая, Соединенные Штаты долгое время вмешивались во внутренние дела Китая, то есть на долгое время предоставили военную защиту Тайваню и создали ряд вещей, которые наносят ущерб интересам Китая и китайского народа, тем самым надолго отложив тайваньский вопрос [1]. Возникновение и развитие тайваньского вопроса неразрывно связано с вмешательством Соединенных Штатов, которые являются самым большим внешним препятствием на пути решения тайваньского вопроса.

Из-за тайваньского вопроса китайско-американские отношения перешли от враждебности и конфронтации в 1950-х и 1960-х годах к ослаблению и сотрудничеству в 1970-х и 1980-х годах, но 1990-е снова достигли дна. Тайваньский вопрос является основной причиной того, что китайско-американские отношения еще не полностью нормализовались.

Скорейшее завершение Китаем великого дела национального воссоединения отвечает не только коренным интересам китайского народа, но и способствует поддержанию мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Американская сторона должна соблюдать свое обязательство поддерживать политику одного Китая, соблюдать три китайско-американских совместных коммюнике, выступать против «независимости Тайваня» и поддерживать мирное развитие отношений по обе стороны пролива конкретными действиями.

Описание материалов и методов

Отношения между Китаем и Соединенными Штатами всегда были ключевым, сложным и актуальным вопросом в академических исследованиях. Перед лицом «больших перемен, невиданных за столетие», то, как Китай и Соединенные Штаты рассматривают и регулируют свои отношения, связано не только с развитием двух стран, но и с миром, развитием и стабильностью во всем мире.

Вступая в 21 век, особенно со второго десятилетия 21 века, академические круги уделяют все больше внимания китайско-американской конкуренции, что привело к ряду важных результатов исследований. Он включает анализ конкуренции между Китаем и США в определенный период и в определенной области, анализ

характеристик конкуренции между Китаем и США и обсуждение того, как управлять конкуренцией между Китаем и США. И многое другое.

В данной статье систематически, объективно и глубоко проанализированы различия и изменения политики США в отношении Тайваня в различные периоды на основе отечественных и зарубежных исследований.

Результаты

Во время холодной войны от основания Китайской Народной Республики до восстановления места в Организации Объединенных Наций, от администрации Трумэна, через администрацию Эйзенхауэра, администрацию Джона Ф. Кеннеди, администрацию Джонсона, до начального этапа администрации Никсона, сменявшие друг друга администрации США формулировали ряд политических мер в отношении тайваньского вопроса. Цель состоит в том, чтобы использовать проблему Тайваня, чтобы помешать Китайской Народной Республике восстановить свое законное место в Организации Объединенных Наций и воспрепятствовать признанию международным сообществом нового китайского режима. В результате Китай и США оказались в изоляции и противостоянии более 20 лет [2].

У Китая и США есть как общие интересы, так и некоторые различия. Тайваньский вопрос уже давно является важным фактором, влияющим на развитие китайско-американских отношений. Политика США в отношении Тайваня всегда отличалась реалистичностью.

Обсуждение

Анализ тайваньской политики сменявших друг друга администраций США.

1. Политика США в отношении Тайваня во время холодной войны.

Политика сдерживания

От основания Китайской Народной Республики до восстановления места в Организации Объединенных Наций, от администрации Трумэна, через администрацию Эйзенхауэра, администрацию Джона Ф. Кеннеди, администрацию Джонсона, до начального этапа администрации Никсона, сменявшие друг друга администрации США формулировали ряд политических мер в отношении тайваньского вопроса. Цель состоит в том, чтобы использовать проблему Тайваня, чтобы помешать Китайской Народной Республике восстановить свое законное место в Организации Объединенных Наций и воспрепятствовать признанию международным сообществом нового китайского режима. В результате Китай и США оказались в изоляции и противостоянии более 20 лет [3].

(1) Трумэн (1945-1952) был первым президентом послевоенных США. В целом за два срока пребывания Трумэна у власти политика

США в отношении Тайваня изменилась от «ухода» от подготовки в первые дни основания КНР, невмешательства в тайваньский вопрос и отказа от отделения Тайваня, к твердой антикоммунистической политике после начала Корейской войны. Соединенные Штаты нарушили свои обязательства по тайваньскому вопросу, содержащиеся в Каирской декларации, Потсдамской декларации и «Безоговорочной капитуляции», подписанной Японией, игнорируя тот факт, что Китай возобновил осуществление суверенитета над Тайванем, и выдвинули «неопределенность статуса Тайваня», против чего категорически возражают и Гоминьдан, и Коммунистическая партия. Попытки вмешательства в тайваньский вопрос для достижения цели отделения Тайваня от материка и сдерживания развития коммунизма в Китае. Пока отношения между Китаем и США находятся в полной конфронтации.

(2) За восемь лет правления Эйзенхауэра (1953-1961) под руководством госсекретаря Даллеса и на основе политики администрации Трумэна в отношении Тайваня США укрепили свои политические, военные и экономические связи с Тайванем.

В феврале 1953 года президент США Эйзенхауэр объявил об отмене «нейтрализации» тайваньского вопроса и восстановлении свободы действий тайваньских вооруженных сил против материкового Китая. В то же время Тайваню предоставляется экономическая помощь в размере около 100 миллионов долларов США в год, чтобы повысить способность Тайваня конкурировать с материковым Китаем. В августе и сентябре 1954 года Китай много раз торжественно заявлял: «Китайский народ должен освободить Тайвань», и чтобы «защитить Тайвань», США и Тайвань подписали 2 декабря Договор о взаимной обороне, что привело к формированию военного союза между США и Тайванем [4].

В целях борьбы с союзом между США и Чан Кай-ши в сентябре 1954 года Центральная военная комиссия приказала НОАК обстрелять Цзиньмэнь, жестоко наказав американские и чанкайшистские войска. В январе 1955 года Народно-освободительная армия захватила остров Цзяншань на восточном побережье провинции Чжэцзян и вынудила гоминьдановские войска отступить с острова Дачен. С тех пор китайско-американские отношения вступили в период беспрецедентно острой конфронтации. После окончания первого кризиса в Тайваньском проливе с 1953 по 1954 год власти Тайваня при поддержке правительства США продолжали направлять дополнительные войска в Цзиньмэнь и Мацу. В 1958 году, чтобы наказать гоминьдановскую армию и одновременно отразить агрессию США против Тайваня, армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы Народно-освободительной армии Китая объединили усилия, чтобы сокрушить заговор США по созданию «двух Китаев». Второй кризис в Тайваньском проливе завершился.

В начале 1960-х гоминьдан на Тайване воспользовался «большим скачком» в материковом Китае, тремя годами стихийных бедствий, разрывом китайско-советских отношений и другими природными и техногенными катастрофами, при поддержке США был спровоцирован третий кризис Тайваньского пролива. В связи с этим китайское правительство дало решительный военный отпор, отражая притеснения армии Чанга на материке и военное вторжение в нашу страну ВВС США, тем самым полностью разбив мечту Чан Кай-ши о контрнаступлении на материке [5]. В это время китайско-американские отношения находились во враждебной конфронтации, что означало, что китайско-американские отношения вошли в «низшую долину».

(3) Президент Джон Ф. Кеннеди находился у власти менее 3 лет с момента своей инаугурации в 1961 году до своего убийства в ноябре 1963 года. В этот период администрация Кеннеди продолжала свою установленную политику сдерживания Китая и не вносила принципиальных изменений в свою политику в отношении Тайваня. В этот период важной практикой политики США в отношении Тайваня было сохранение места тайваньских властей в Организации Объединенных Наций, чтобы помешать китайскому правительству восстановить свое законное место в Организации Объединенных Наций. Но это также затормозило «контратаку» Тайваня на материке.

(4) В 1963 году Джонсон сменил президента Соединенных Штатов после убийства Кеннеди. Джонсон был последним президентом в истории США, который настаивал на политике «сдерживания» Китая, а Дин Раск стал последним госсекретарем, проводившим эту политику. Политика США по отношению к Китаю во времена Джонсона, хотя и не сильно изменилась на первый взгляд, изменилась на уровне политических мотивов. Что касается отношений с новым Китаем, администрация Джонсона предложила политику «сдерживания, но не обязательно изоляции». Что касается политики Тайваня, он продолжает следовать последовательной политике своих предыдущих администраций с 1949 года и продолжает признавать тайваньские националистические власти, поддерживать место Тайваня в Организации Объединенных Наций и его приверженность «договору о взаимной обороне» между США и Тайванем. Но он положил конец многолетней экономической помощи Тайваню и прямо предупредил Чангов, что Соединенные Штаты не поддержат план Тайваня по «возвращению материка». Следует сказать, что именно в период правления Джонсона надежды Тайваня на «возвращение материка» полностью рухнули, и политика США в отношении Тайваня также претерпела кардинальные изменения [6].

Роль Тайваня в глобальной стратегии США снижается, а американо-тайваньские отношения начинают разваливаться.

С формулировкой политики отчуждения Тайваня США больше не принимают непосредственного участия в военном противостоянии двух сторон Тайваньского пролива, рассчитывая сохранить относительно стабильную ситуацию в Тайваньском проливе. В то же время администрация Джонсона не полностью игнорировала стратегическую роль Тайваня. Администрация Джонсона прекратила экономическую помощь Тайваню, но не военную помощь. Соединенные Штаты настаивают на признании международной правосубъектности «Китайской Республики» и выступают против восстановления законного места Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. Можно видеть, что политика США в этот период находилась в глубоких противоречиях, наличие и развитие которых оказало глубокое влияние на корректировку и направленность политики США в отношении Китая.

Политика смягчения последствий

Когда Никсон (1969-1974) вступил в должность в январе 1969 года, он столкнулся с тяжелой внутренней и внешней ситуацией: рост третьего мира привел к появлению в мире новых центров силы, а соперник Советский Союз имел примерно такую же политическую и военную мощь, как и Соединенные Штаты; Соединенные Штаты погрязли во внутреннем экономическом, политическом и социальном кризисе. Никсон столкнулся с реальностью и признал пределы американской мощи. Поэтому он выступил с инициативой улучшить отношения с Китаем и использовал Китай для сдерживания Советского Союза. Администрация Никсона прекрасно осознавала важность тайваньского вопроса для китайско-американских отношений и неоднократно брала на себя обязательства по тайваньскому вопросу во время двух визитов Киссинджера в Китай в июле и октябре 1971 года, а также во время визита Никсона в Китай в феврале 1972 года.

Визит Никсона в Китай и публикация Шанхайского коммюнике 28 февраля 1972 г. стали важными вехами в процессе примирения между Китаем и США. Хотя Китай и США не сразу нормализовали свои отношения из-за огромных разногласий по тайваньскому вопросу, Шанхайское коммюнике положило конец эпохе китайско-американской конфронтации [7].

В январе 1979 года США и Китай официально установили дипломатические отношения, и было опубликовано «Коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китаем и США». Соединенные Штаты признают правительство Китайской Народной Республики единственным законным правительством Китая. В апреле того же года Соединенные Штаты нарушили три принципа, предусмотренные при установлении дипломатических отношений между Китаем и Соединенными Штатами, согласно которым власти

Соединенных Штатов и Тайваня должны постепенно «разорвать дипломатические отношения, расторгнуть договор и вывести войска», а также одобрил «Закон об отношениях с Тайванем» для дальнейшего вмешательства во внутренние дела. В результате ослабевший конфликт между Китаем и США снова превращается в конфликт. После установления дипломатических отношений Китай и США немедленно провели переговоры по вопросу о продаже американского оружия Тайваню. Дэн Сяопин лично руководил и участвовал в этой борьбе. 17 августа 1982 г. обе стороны наконец достигли соглашения и издали Коммюнике от 17 августа. В коммюнике правительство США взяло на себя три обязательства по продаже оружия Тайваню: «не более чем», «постепенное сокращение» и «окончательное урегулирование». Хотя коммюнике так и не решило окончательно вопрос о продаже США оружия Тайваню и принципиально и полностью не решило тайваньский вопрос между Китаем и США, оно было как минимум сдерживающим фактором для США, а также показало, что ни одна из сторон не готовы позволить этому вопросу подорвать общую ситуацию в китайско-американских отношениях [8]. После коммюнике от 17 августа тайваньский вопрос перестал играть заметную роль в китайско-американских отношениях в последнее десятилетие. Отношения между двумя странами во всех аспектах, политический, экономический и особенно военный обмен значительно развились, что укрепило связи между двумя странами и позволило им выдержать воздействие резких изменений в Восточной Европе и распада Советский Союз.

2. Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях после окончания холодной войны.

(1) Тайваньская политика администрации Буша (1989-1993 гг.)

1990-е годы были периодом повторной нормализации китайско-американских отношений. В связи с распадом Советского Союза и окончанием «холодной войны» прежней стратегической основы для потепления и нормализации отношений между двумя странами больше не существует, и основу китайско-американских отношений необходимо пересмотреть. После окончания холодной войны стратегическая база между Китаем и Соединенными Штатами для борьбы с угрозой Советского Союза уменьшилась, и стали проявляться структурные противоречия между Китаем и Соединенными Штатами [9]. Для установления нового международного политического порядка во главе с Соединенными Штатами, с одной стороны, Соединенные Штаты активно заполняли политический пробел, оставшийся после распада Советского Союза, с другой стороны, сдерживание Китая стало важной целью глобальной стратегии США.

Весной и летом 1989 года правительство США воспользовалось «политическими беспорядками» в моей стране, чтобы ввести

экономические санкции против Китая и активизировать свои связи с Тайванем. В июле 1991 года Сенат и Палата представителей США приняли предложение, согласно которому фундаментальное решение тайваньской проблемы было мирным и не должно решаться силой. В 1992 г. в политике США в отношении Тайваня произошел явный перелом, и американо-тайваньские отношения продолжили потепление. Важным проявлением является то, что Соединенные Штаты добились большого скачка в продажах оружия Тайваню: в 1992 году администрация США Буша публично одобрила продажу Тайваню 150 истребителей F-16 и другого оружия и оборудования, начав серию военных столкновений между США и Тайванем. Это начало раскола США Китая в поддержку сил независимости Тайваня.

Китайско-американские отношения сразу же погрузились в пропасть. В то же время с 1990-х годов усиливается экономическая взаимодополняемость Китая и США. В целом США не только придерживаются принципа «одного Китая», но и выступают за «мирное урегулирование тайваньского вопроса», продолжают поддерживать «гармоничную, но не единую» ситуацию по обе стороны Тайваньского пролива.

(2) Тайваньская политика администрации Клинтона (1993-2001 гг.)

В первые дни правления администрации Клинтона США более жестко относились к Китаю и продолжали укреплять свои отношения с Тайванем. После продолжительного периода обкатки и после разумной, выгодной и сдержанной борьбы Китая США просто скорректировали свою политику. С середины 1996 года Соединенные Штаты привержены делу стабилизации и улучшения китайско-американских отношений, и политика администрации Клинтона в отношении Тайваня также претерпела серьезные корректировки на раннем и позднем этапах [10].

После нормализации китайско-американских отношений США и Тайвань поддерживают только неправительственные отношения и «неофициальные отношения», что, естественно, накладывает множество ограничений на обмены между двумя сторонами. В мае 1995 года Соединенные Штаты нарушили три китайско-американских совместных коммюнике, а администрация Клинтона разрешила тайваньскому лидеру Ли Дэнь Хуэю участвовать в деятельности Ассоциации выпускников Корнельского университета в «личном качестве», что повлияло на итоги «Единого Китая», и китайско-американские отношения резко ухудшились. Этот инцидент не только серьезно подорвал здоровое развитие китайско-американских отношений, но и оказал негативное влияние на развитие отношений по обе стороны пролива. Последующий кризис в Тайваньском проливе в 1996 году заставил Китай и США осознать, что проблема

Тайвань является деликатным вопросом, влияющим на развитие китайско-американских отношений. Если проблема Тайваня не будет должным образом решена, это повлияет и на отношения между двумя странами. Таким образом, Китай и Соединенные Штаты также имеют определенную степень молчаливого понимания на уровне подавления сил «независимости Тайваня».

Эти два события заставили Вашингтон по-разному взглянуть на отношения с Китаем, что напрямую привело к изменению отношения к Китаю в более поздний период правления администрации Клинтона, и начал активно взаимодействовать с Китаем. В июне 1998 года президент Клинтон посетил Китай и произнес в Шанхае речь «Три нет» о политике Тайваня, а именно: “ Мы не поддерживаем независимость Тайваня, мы не поддерживаем один Китай, один Тайвань или два Китая. Мы не поддерживаем членство Тайваня в международных организациях, в которых участвуют суверенные государства от имени страны”. В речи президента Клинтона «Три нет» подчеркивается важность китайско-американских отношений. С тех пор его политика в отношении Китая была направлена на стабилизацию и улучшение китайско-американских отношений, что сделало возможным обмен визитами между главами двух стран и осуществило повторную нормализацию отношений между двумя странами после холодной войны. В 1999 г. «теория двух государств» Ли Дэнхуэя обострила ситуацию в Тайваньском проливе и ухудшению отношений по обе стороны Тайваньского пролива. Белый дом Соединенных Штатов отреагировал быстро, подтвердив политику одного Китая и придерживаясь речи «три нет». Аналитики отмечают, что Ли Дэн Хуэй является «нарушителем спокойствия» в китайско-американских отношениях.

Короче говоря, администрация Клинтона, с одной стороны, препятствовала воссоединению Китая и пыталась сохранить статус-кво, с другой — подавляла силы «независимости Тайваня» и предотвращала конфликты в Тайваньском проливе. Поэтому политика в отношении Тайваня при администрации Клинтона характеризовалась повторяемостью и нестабильностью.

(3) Тайваньская политика администрации Джорджа Уокера Буша (2001-2009 гг.)

После избрания Буша новым президентом США в 2001 г. Буш изменил политику активного взаимодействия с Китаем при администрации Клинтона и стал проводить политику «унилатерализма», рассматривая Китай как конкурента США [11]. Сменявшие друг друга президенты США сохраняли преднамеренную «стратегическую двусмысленность» по тайваньскому вопросу в соответствии с «Законом об отношениях с Тайванем», и Буш намеревается внести «ясность» в свою политику. Отношения между Соединенными Штатами и

Тайванем значительно улучшились.

В течение двух сроков его пребывания на посту политика президента Буша в отношении Тайваня претерпела корректировки, постепенно снимая некоторые ограничения в отношении Тайваня, и масштабы их больше, чем при Клинтоне. детали следующим образом: Продажа оружия Тайваню и укрепление американо-тайваньского военного сотрудничества, ослабление ограничений на «посещение Соединенных Штатов» тайваньскими официальными лицами, разрешение Тайваню присоединиться к Всемирной организации здравоохранения и другим многосторонним организациям, состоящим из суверенных государств.

При администрации Буша американо-тайваньские отношения действительно претерпели серьезные изменения, но политика США в отношении обеих сторон пролива по-прежнему оставалась хрупким балансом между двумя сторонами. С одной стороны, поддерживая Тайвань, она препятствует воссоединению двух берегов Тайваньского пролива, с другой стороны, придерживается принципа «одного Китая» для сдерживания сил независимости Тайваня и предотвращения напряженности в Тайваньском проливе.

(4) Эпоха Обамы (2009-2017 гг.)

При администрации Обамы отношения по обе стороны пролива совершили исторический поворот и встали на путь благожелательного взаимодействия и мирного развития. Глобальная стратегия США требует стабильных китайско-американских отношений, и администрация Обамы позитивно относится к мирному развитию отношений по обе стороны пролива. Соответствующие заявления неоднократно делались в двух китайско-американских совместных заявлениях, выпущенных в ноябре 2009 г. и январе 2011 г., и администрация Обамы в основном добилась этого.

Администрация Соединенных Штатов Обамы сделала Тайвань неотъемлемой частью своей стратегии «перебалансировки Азиатско-Тихоокеанского региона», опасаясь, что две стороны пролива слишком сблизятся, и надеялась, что обе стороны пролива будут говорить только об экономике, не политика, особенно мирные соглашения и воссоединение; Американской стороне необходимо знать конкретную ситуацию различных переговоров по обе стороны пролива; Американская сторона улучшает «отношения с Тайванем» и продолжает продавать Тайваню оружие; Американская сторона выступает за подписание рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между двумя сторонами, но в то же время углубляет и расширяет экономические связи между США и Тайванем, поддерживает Тайвань в расширении своего международного пространства.

К основным факторам, влияющим на тайваньскую политику администрации Обамы, относятся: стратегические дебаты в США, влияние протайваньских сил в Конгрессе США, оценка США отношений по обе стороны пролива и ситуации на острове Тайвань.

(5) Эпоха Трампа (2017-2021 гг.)

После того, как Трамп вступил в должность в январе 2017 года, он пересмотрел стратегию национальной безопасности США и позиционировал Китай как своего основного стратегического конкурента [6]. Используя проблему Тайваня для сдерживания и подавления Китая, риск стратегической конфронтации между Китаем и США распространяется на Тайваньский пролив. В условиях обострения стратегической конкуренции между Китаем и США и наложения новой эпидемии коронной пневмонии администрация Трампа скорректировала свою политику в отношении Тайваня, активизировала свои усилия по разыгрыванию «тайваньской карты» и ускорила продвижение «официальные отношения» и «квазисоюзнические отношения» между США и Тайванем». Во время администрации Трампа Соединенные Штаты скорректировали свою политику в отношении Тайваня и усилили интенсивность и масштабы существенных отношений между Соединенными Штатами и Тайванем, что является редкостью с момента установления дипломатических отношений между Китаем и Соединенными Штатами.

Его приспособление к тайваньской политике оказало сложное влияние на ситуацию в Тайваньском проливе [12]. Есть различные признаки того, что Соединенные Штаты больше не будут использовать Тайвань в качестве козыря, а будут всесторонне улучшать свои отношения с Тайванем и рассматривать тайваньский вопрос как важное поле для долгосрочной игры между Китаем и Соединенными Штатами.

(6) Эпоха Байдена

После вступления Байдена в должность он продолжил линию стратегического соперничества США с Китаем, унаследовал часть наследия эпохи Трампа в отношении политики Тайваньского пролива и в то же время вернулся к традиционной позиции США. Это окажет новое влияние на ситуацию в Тайваньском проливе и отношения между двумя сторонами пролива. С точки зрения тенденций тайваньский вопрос продвинулся вперед в стратегической конкуренции и конфронтации между Китаем и Соединенными Штатами, а связь между стратегией США по сдерживанию Китая и их эскалации предметных отношений с Тайванем усилилась.

Заключение

Сложность китайско-американских отношений в настоящее время вышла за рамки двусторонних отношений. Качество отношений

между двумя странами напрямую влияет на стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и даже в глобальном регионе. Противостояние США и Китая по тайваньскому вопросу не является изолированным, а является результатом все более заметных структурных противоречий между Китаем и США. Проблема Тайваня является самым большим препятствием, влияющим на китайско-американские отношения. Поддержка США Тайваня, особенно его разногласия с Китаем по поводу продажи оружия Тайваню и «независимости Тайваня», по-прежнему является важной частью регулярных конфликтов между Китаем и США. Однако тайваньский вопрос, в конце концов, представляет собой не все китайско-американские отношения, а лишь часть китайско-американских отношений. Чтобы понять общую ситуацию в китайско-американских отношениях, общие интересы двух стран намного перевешивают различия, и двустороннее сотрудничество всегда было мейнстримом.

REFERENCES

- [1] 郭建平. 冷战结束后美国对台政策的新调整. 学海. 2000, N3., P. 138-141 [Guo Jianping. The new adjustment of US policy towards Taiwan after the end of the Cold War] // Xuehai, 2000, N3, P. 138-141 [in Chin.]
- [2] 郭震远. 台湾问题对中美发展新型大国关系的影响. 国际问题研究. 2013. - N5. - P.23-32 [Guo Zhenyuan. The influence of the Taiwan issue on the development of a new type of major-country relationship between China and the United States. Research on International Issues] [in Chin.].
- [3] 郭震远. 中美关系中的台湾问题:变化与影响. 国际问题研究. 2007, N 2., P. 20-25 [Guo Zhenyuan. The Taiwan Question in Sino-US Relations: Changes and Implications. International Studies] [in Chin.]
- [4] 任洪航. 冷战后中美关系中的台湾问题. 荆楚学术. 2016, N 4, P.5-7 [Ren Honghang. The Taiwan question in Sino-US relations after the Cold War. Jingchu Academic] [in Chin.].
- [5] 陶文钊. 中美关系中的台湾问题——四十余年的回顾与思考. 美国研究. 2018, N4., P. 23-33 [Tao Wenzhao. The Taiwan Issue in China-U.S. Relations: Retrospect and Reflections over the Past Forty Plus Years. The chinese journal of American studies] [in Chin.].
- [6] 汪曙申. 特朗普政府的对台政策及其影响. 美国研究. 2021. N 5, P.117-134 [Wang Shushen. The Trump Administration's Taiwan Policy and Its Implications] [in Chin.].
- [7] 闫晓萍. 中美关系正常化与台湾问题. 社会科学文献出版社 (书籍). 2017. [Yan Xiaoping. The normalization of Sino-US relations and the Taiwan issue. Social Science Literature Publishing House (Book), 2017] [in Chin.].

[8] 张永明, 郝士艳. 试述中美关系中的台湾问题. 红河学院学报. 2007, N 5 (3), P. 5-7 [Zhang Yongming, Hao Shiyan. On the Taiwan issue in Sino-US relations. Journal of Honghe University] [in Chin.].

[9] 周子光. 中美关系与台湾问题. 承德民族师专学报. 2007, N 27(1), P. 8-10 [Zhou Ziguang. Sino-US relations and the Taiwan issue. Journal of Chengde National Teachers College] [in Chin.].

[10] Lester L. Wolf, David L. Simon. Legislative History of the Taiwan Relations Act // American Association for Chinese Studies, 1982, P. 288-289.

[11] Martin Lasater. The Changing of the Guard: President Clinton and the Security of Taiwan. - Boulder: Westview Press, 1995. - P. 223.

[12] The Embassy of the United States of America // Washington File. – 2003. - December 10. - P. 2-3.

ҚЫТАЙ-АҚШ ҚАТЫНАСТАРЫНДАҒЫ ТАЙВАНЬ МӘСЕЛЕСІ

*Мырзабеков М.С.¹, Ло Хуйчжэнь²

*¹Тарих ғылымдарының кандидаты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті,
Алматы, Қазақстан, moldahmet@gmail.com,

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің магистранты,
Алматы, Қазақстан, 1427765860@qq.com

Аңдатпа. Тайвань мәселесі Қытай мен АҚШ арасындағы ойынның орталығында тұр. Тайвань мәселесі екі елдің қарым-қатынасының бағытына әсер етіп қана қоймай, Азия-Тынық мұхиты аймағындағы қауіпсіздік жағдайына да үнемі әсер етіп келеді. Қытай үшін Тайвань мәселесі ұлттық егемендік, аумақтық тұтастық және ұлттық бірлік туралы болса, Тайвань АҚШ үшін үлкен стратегиялық маңызға ие. Екінші дүниежүзілік соғыстан кейін, АҚШ-тың екі партиясы мен АҚШ-тың бұрынғы әкімшіліктерінің ішкі және сыртқы саясаты мүлдем басқаша болғанымен, Тайвань саясатында ортақ қорытынды болды. Яғни, Азия-Тынық мұхиты гегемониясына қол жеткізу және Қытайды тежеу үшін Тайвань бұғазының екі жағының бірігуіне жол бермеу.

Мақалада негізінен 1950 жылдардан бергі АҚШ әкімшілігінің Тайвань саясаты талданады. Қытай-АҚШ қарым-қатынасындағы Тайвань мәселесін түсіну АҚШ-тың Тайвань мәселесін шешудегі рөлін талдап қана қоймай, Қытай-АҚШ қарым-қатынастарының дамуы мен өзгеруін тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: Қытай, АҚШ, Тайвань мәселесі, мазмұн, дәйекті үкіметтер, Тайвань саясаты, өзгерістер

THE TAIWAN QUESTION IN CHINA-US RELATIONS

*Myrzabekov M.S.¹, Luo Huizhen,²

*¹candidate of historical sciences, Associate Professor of Al-Farabi
Kazakh National University,

Almaty, Kazakhstan, moldahmet@gmail.com,

²Master's student at Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, 1427765860@qq.com

Abstract. The Taiwan issue is at the center of the game between China and the United States. The Taiwan issue not only influences the direction of relations between the two countries, but also constantly affects the security situation in the Asia-Pacific region. For China, the Taiwan issue is about national sovereignty, territorial integrity, and national unity, while Taiwan is of great strategic importance to the United States. After World War II, although the internal and external policies of the US two parties and the previous US administrations were very different, there was a common bottom line in their Taiwan policy, that is, not to allow the two sides of the Taiwan Strait to unify, so as to achieve the purpose of hegemony in the Asia-Pacific region and containing China.

The article mainly analyzes the Taiwanese policy of successive US administrations since the 1950s. Understanding the Taiwan issue in Sino-US relations can not only analyze the role of the United States in resolving the Taiwan issue, but also provide a deeper understanding of the development and change in Sino-US relations.

Keywords: China, US, Taiwan issue, content, successive governments, Taiwan policy, changes

Статья поступила 14.05.2022

УДК 327
DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.009
МРНТИ 11.25.67

АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ COVID-19 НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Мырзабекова Р.С.¹, Цинь Лу²

¹кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
Казахского Национального Университета имени аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, moldahmet1964@gmail.com

²магистрант Казахского Национального Университета имени аль-
Фараби, 1355140854@qq.com

Аннотация. Бушующая по всему миру пандемия COVID-19 не только сильно затормозила экономическое развитие стран мира, но и оказала серьезное влияние на международные отношения и мировую историю. Тема времени, основанная на мирном развитии, общей стабильности и открытости международной системы и эффективности международного порядка, является поддерживающими условиями, которые составляют период важных стратегических возможностей для стран. Под воздействием эпидемии общая инклюзивность и открытость международной системы снизились, а также ослабла эффективность международного порядка, в то же время начала нарастать тенденция антиглобализма, создающая множество проблем для развития мировой экономики. все страны: противоречие между существующими державами-гегемонами и растущими державами углубилось. Есть также проблемы со стороны соседних стран, такие как ловля рыбы в мутной воде, и внешнее давление, такое как препятствия для общего процесса развития международного сообщества.

COVID-19, как правило, эквивалентна катализатору воздействия на международные отношения. Она способствует более сбалансированному балансу международных сил, усугубляет структурное противоречие между гегемонистскими и растущими державами, подчеркивает негативные последствия глобализации и настоятельную необходимость реформ. в системе глобального управления. Разбирая теорию мирового рынка Маркса, основываясь на историческом материализме Маркса и теории всемирной истории в качестве теоретической опоры, в статье систематически разбираются изменения в международных отношениях в условиях эпидемии с использованием методов диалектико-логического анализа, рационально-абстрактного анализа и сравнительных методологий. Исследования состоит в том, чтобы объективно и научно понять особенности международных отношений.

Ключевые слова: международные отношения, COVID-19, глобализация, влияние, мировая экономика, США, международный порядок, изменение

Основные положения

COVID-19, продолжающийся с конца 2019 года, оказала большое влияние на международный порядок. Игра между ведущими странами во многом определит степень и направленность человеческого выживания, развития и безопасности. Хотя текущая ситуация показывает, что до построения сообщества с общим будущим для человечества еще далеко, эпидемия ясно показала, что все страны должны работать вместе, чтобы двигаться вперед.

Введение

Эпидемия COVID-19 вышла за рамки общественного здравоохранения и профилактики эпидемий, повлияла на международные отношения и спровоцировала ряд вторичных кризисов. Перед лицом беспокойной международной ситуации и трудных и сложных задач внутренних реформ страна может только лучше сформулировать политику и стратегии, точно оценив влияние и воздействие новой коронной эпидемии на внешнюю среду для мирного развития.

Вспышка COVID-19 не только еще больше ослабила темпы глобализации и готовность к международному сотрудничеству, но и обострила китайско-американские отношения, которые в последние годы становятся все более напряженными. Новая эпидемия короны стала поворотным моментом в мечте Трампа о том, чтобы остаться президентом США, усилив его антикитайскую позицию, еще больше ухудшив развитие китайско-американских отношений и оказав серьезное влияние на период важных стратегических возможностей страны. Важное теоретическое и практическое значение имеет то, как проанализировать это влияние и его пределы, правильно разобраться в текущих международных отношениях и правильно использовать различные преимущества для содействия саморазвитию. В новом международном порядке выяснить сильные и слабые стороны страны в глубокой и сложной международной среде и как в полной мере использовать ее сильные стороны и преодолеть слабости? Ответ на этот вопрос также очень важен для каждой страны [1]. Основной вопрос этого исследования: какое влияние пандемия COVID-19 оказала на международные отношения? Какова сила и предел воздействия?

Внезапная вспышка эпидемии оказала глубокое влияние на международные отношения Китая, особенно на его отношения с Соединенными Штатами и другими западными странами, а также на его отношения с соседними странами. Китайские ученые почти

единодушно считают, что под влиянием эпидемии активизировалась стратегическая игра между Китаем и США, обострилась экономическая конкуренция между Китаем и Европой, а внешняя среда, с которой сталкивается Китай, усложнилась. С другой стороны, существует также потребность во взаимном сотрудничестве между Китаем и ЕС. Что касается китайско-американских отношений, хотя ученые и не пришли к единому мнению о том, вступили ли Китай и США в «новую холодную войну», Китайско-американские отношения резко ухудшились, и Китаю необходимо хорошо подумать о конечном результате и иметь в основном те же взгляды на отказ от своих иллюзий в отношении Соединенных Штатов. Томас Райт считает, что отношения Китая с остальным миром, помимо США, будут демонстрировать тревожную тенденцию, поскольку Китай становится все более напористым и агрессивным.

Описание материалов и методов

В условиях эпидемии только благодаря сотрудничеству Китай и США могут сдержать распространение эпидемии, стабилизировать экономику и обеспечить светлое будущее для отношений между двумя странами.

Поэтому для международного порядка имеет большое значение правильное регулирование китайско-американских отношений в новый исторический период и смягчение противоречий между крупными державами. В долгосрочной перспективе Китай должен взять на себя инициативу в китайско-американских отношениях, чтобы не идти на поводу у своих противников, и использовать неправительственные силы двух стран для поиска точек сотрудничества, чтобы осуществить возобновление отношений между двумя странами. Двое страны. Джозеф С. Най считает, что эпидемия — это экзамен, но Китай и США провалили первый тур нового экзамена на корону. Но им еще не поздно научиться делать вещи лучше. Это требует от обеих сторон умерить пропагандистскую войну, которая сеет недоверие и препятствует сотрудничеству, и четко демонстрирует важность «разделения власти», а не «усилия власти»; Китай и Соединенные Штаты должны совместно создать новое агентство помощи коронному фонду в Соединенных Штатах. Наций. Они также должны совместно возглавить G20 в финансировании фонда; и, наконец, учитывая, что человечеству еще многое предстоит узнать друг от друга об этом новом вирусе, США и Китай должны восстановить богатую сеть связей между учеными и медицинскими работниками за десятилетие. тому назад. Мел Гуртов утверждает, что для того, чтобы избежать возврата к эпохе холодной войны в Азии, нам нужно представить себе другое будущее, которое возродит политику США в отношении Китая, основанную на конкурентном сосуществовании: поиск консенсуса, где

это возможно, в областях, которые создают трения, решение проблемы по официальным или неофициальным дипломатическим каналам.

Результаты

Воздействие новой коронной эпидемии на международные отношения относится к вспышке новой коронной эпидемии середины века перемен. Соединенные Штаты, гегемонистская страна международной системы, находятся на пути относительного упадка. Страна Китай является первым выбором национальной стратегии Соединенных Штатов, что, в свою очередь, оказывает влияние на эпидемию. Способность к изменениям в международных отношениях. Хотя новая коронная эпидемия может возникнуть во многих странах мира, Китай занимает одно из первых мест. США сознательно воспользовались тем, что Китай является первой эпидемической страной, и провели беспрецедентные политизированные операции по нападению на Китай, который катализатором ухудшения китайско-американских отношений стали изменения в международных отношениях. Бездействие и сброс вины со стороны Соединенных Штатов открыли ящик Пандоры бессмысленного распространения вируса. В связи с широким распространением эпидемии в Соединенных Штатах и других странах новой короной эпидемии стало преднамеренное подавление Соединенными Штатами Китая, чтобы сохранить свой гегемонистский статус, с сильным национализмом. «Идеальный предлог» для продвижения деглобализации и тем самым усугубить трудности глобального управления. С точки зрения международной системы, это ускорило изменения международной системы, еще больше повлияло на стабильность и эффективность международного порядка и усилило безотлагательность и сложность глобального управления [2]. На национальном уровне это усиливает структурное противоречие между гегемонистскими и растущими державами.

Вспышка эпидемии новой короны произошла в разгар столетия великих перемен. Само вековое изменение представляет собой период, полный турбулентности. Хотя эпидемия усилила характеристики «изменения» в вековом изменении, и эволюция эпидемии также полна неопределенности, еще есть «изменения». Отчетливо видимые тенденции развития, такие как баланс сил в международной системе, международный порядок и общая тенденция глобального управления, начали проявляться при влиянии новой коронной эпидемии. Судя по современной тенденции развития эпидемии новой короны, она, вероятно, станет поворотным моментом в истории международных отношений, не только ускорив некоторые существующие изменения в международных отношениях, но и породив ряд новых вызовов, сделав ситуацию вековые изменения более сложными, скорость изменения, степень быстрее и глубже. В целом, эпидемия новой короны похожа на ускоритель, способствующий эволюции всех аспектов международных

отношений, главным образом в ускорении эволюции международной модели, и все более четкой становится многополярная, многослойная международная модель; Эволюция международной модели в условиях эпидемии привела к тому, что международный порядок сталкивается со многими проблемами; ряд кризисов, вызванных эпидемией, усугубили трудности и безотлагательность глобального управления и привели к ряду изменений в международной среде для мирное развитие Китая [3].

Во-первых, эпидемия ускорила изменения в международной системе. Мощь или национальная сила всегда были основой для формирования и поддержания определенной международной системы. Нет сомнений в том, что эпидемия ускорила изменения в силовой основе международной системы, заставив развитые страны усилить свое давление на восходящие страны, и противоречия международной системы стали заметными. С одной стороны, эпидемия ускорила изменения в общем международном балансе сил. До вспышки эпидемии международный баланс сил уже изменился, но вспышка эпидемии ускорила скорость международного баланса сил от западных стран, ориентированных на США, к востоку, сосредоточенному на странах с формирующейся экономикой и развивающихся странах. картина более очевидна, а распределение международной власти более сбалансировано. С другой стороны, наиболее очевидным изменением баланса сил в этом раунде является баланс сил между гегемонистскими и растущими державами между Китаем и Соединенными Штатами. Можно сказать, что возвышение Китая является не только мотивом и содержанием передачи власти, но и результатом передачи власти. В катализе эпидемии сравнение эффективности Китая и США в борьбе с эпидемией и поддержка международного сообщества сделали структурное противоречие между гегемонистскими и растущими державами в одной и той же международной системе еще более резким. В результате игра между великими державами обостряется. Игра между двумя державами ставит под угрозу стабильность международной системы. Системное давление, с которым сталкиваются третьи страны в международной системе, продолжает нарастать, т.е. «Возможности третьей стороны» в игре между Китаем и Соединенными Штатами имеют тенденцию к «кризису третьей стороны». Короче говоря, вспышка эпидемии ускорила эволюцию международной модели, а влияние эволюции международной модели на международные отношения подвергло страны в системе как возможностям, так и рискам. о гегемонистской силе и росте системы стратегический выбор между странами.

Во-вторых, вспышка и последствия эпидемии создали много проблем для международного порядка, угрожая стабильности международного порядка. На ранней и средней стадиях вспышки

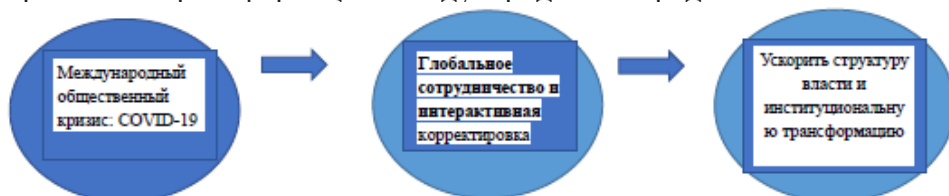
хаос в международном сообществе очевиден, отношения между странами в значительной степени вернулись в состояние джунглей, в котором страны борются за собственную безопасность в соответствии с теорией реализма, перехватывая материалы по профилактике эпидемий и стигматизация других стран для отвода внутренних ссор. Такие явления, как неблагоприятные эпидемии, не редкость, а это означает, что «пандемия подвергла либерализм величайшему кризису за последние десятилетия». Международные нормы и нормы, которые когда-то поддерживали стабильность и порядок международного порядка, полностью стали придатком собственных интересов страны. Международный порядок без правил, похоже, впал в иное состояние хаоса, кроме войны. Даже если вакцина была разработана, она служит цели гегемонистской игры за власть, и вакцина, вероятно, продолжит становиться инструментом силовой политики, еще больше усугубляя вызов гегемонистской державы стабильности международного порядка. Поведение ведущего государства, играющего ведущую роль в вызове международному порядку, придает «легитимность» поведению других акторов, которые не соблюдают международные нормы и правила, а предсказуемость поведения государства снижается, вызывая фундамент международного порядка. быть потрясенным. Кроме того, под воздействием эпидемии нервы безопасности различных стран будут напряжены, что повлечет за собой нарушение странами международных правил либо с точки зрения безопасности, либо под предлогом национальной безопасности, а также стремление международного сообщества к «панбезопасность» станет более серьезной.

В-третьих, пандемия COVID-19 усложнила глобальное управление, сделав реформу системы глобального управления еще более актуальной. Быстрое распространение эпидемии новой короны по всему миру за короткий промежуток времени во многом можно объяснить продвижением глобализации. Распространение новой коронной эпидемии стало увеличительным стеклом негативной стороны глобализации, постоянно увеличивая различные проблемы, накопленные чрезмерной глобализацией с 1990-х гг. Например, увеличивая и продолжая увеличивать разрыв между богатыми и бедными между странами и внутри стран, подчеркивая хрупкость глобальной производственной цепочки и структуры цепочки поставок. В целом эпидемия оказала беспрецедентное влияние на мировую экономику, здравоохранение и глобализацию, движимую туризмом и занятостью. Это еще больше усилило существующую популистскую идеологию и антиглобалистскую волну. В то же время бушующая эпидемия показывает, что так называемый «коллективный иммунитет» — это всего лишь самообман. Сейчас, когда вакцины стали ключом к

спасению людей от бедствий, возобладали обывательский вакцинный национализм, сделавший глобальное управление уже в беде еще сложнее [4-5]. После эпидемии, если человеческое общество хочет дальнейшего развития, то система управления, будь то система управления экономикой, система общественного здравоохранения и профилактики эпидемий или система управления климатом, нуждается в дальнейшем реформировании на основе исходной системы управления для удовлетворения растущих потребностей различных стран в управлении, стремление к справедливости.

Обсуждение

Чтобы проанализировать влияние новой эпидемии коронной пневмонии на трансформацию международного порядка, можно пойти по пути эпистемологического анализа: международный общественный кризис влияет на взаимодействие и структуру акторов в системе на фоне глобализации, и затем ускоряет существующую структуру власти и структуру. Трансформация институциональных механизмов, когда эта трансформация накапливается в определенной степени, может привести к трансформации международного порядка:

В целом эпидемия COVID-19 ускорила последствия первоначальных международных отношений, сделав более очевидной тенденцию изменений в международном порядке [6]. Мощная база первоначального международного порядка была поколеблена, в то время как новый порядок еще не. Международное сообщество вступило в бурный переходный период между старым и новым порядком, сложность и стоимость глобального управления возросли, и система управления нуждается в реформировании.

Заключение

Мир вступает в «квазимногополярную эпоху». Современный мир — это не однополярный мир, в котором гегемонистские силы могут делать все, что хотят, и доминировать в мире, и не многополярный мир, в котором несколько основных сил сдерживают и уравновешивают друг друга и многостороннее совместное управление, а «квазимногополярный мир, который переходит от однополярного гегемонии к многополярным системам сдержек и противовесов» [7]. Ее основные характеристики таковы: старый мировой порядок стремительно рушится, новый мировой порядок далек от формирования, идет ожесточенная борьба за старый и новый порядок,

гегемония США ослабевает, но они все еще являются единственной сверхдержавой в мире. мир, и у него все еще есть капитал, чтобы разгуляться в мире; многочисленные мировые центры власти еще не полностью сформировались, и их тенденции приливов и отливов и взаимосвязи далеко не определены.

ЛИТЕРАТУРА

[1] 张健. 新冠疫情对欧洲的影响与中欧关系[J].现代国际关系, 2020, N 4 [Zhang Jian. The impact of the COVID-19 on Europe and Sino-European relations [J]. Modern International Relations].

[2] 万海云. 新冠疫情对国际关系的影响-J.: 专题报道. -2020.-No.10. - P.22-26 [Wan Haiyun, Impact of COVID-19 on International Relations. Special Report].

[3] 孙婷. 新冠疫情国际关系效应对中国重要战略机遇期的影响探析. 长春: 吉林大学 (硕士学位论文), 2021 [Sun Ting. The impact of the international relations effect of the new crown epidemic on China's important strategic opportunity period. Changchun: Jilin University (Master's thesis)].

[4] Фаминский И. П. Международные экономические отношения: учебник. – М.: Экономист, 2009. – 880 с.

[5] Рыбалкин, В. Е. Международные экономические отношения: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 624 с.

[6] Вайринен Р. Угасание большой войны. - Лондон, Нью-Йорк: Routledge, 2006.

[7] Реус-Смит, Кристиан. Нравственная цель государства: культура, социальная идентичность и институциональная рациональность в международных отношениях. - Принстон: Издательство Принстонского университета, 1999 [Christian Reus-Smith. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations].

REFERENCES

[1] 张健. 新冠疫情对欧洲的影响与中欧关系[J]. 现代国际关系, 2020, N 4 [Zhang Jian. The impact of the COVID-19 on Europe and Sino-European relations [J]. Modern International Relations].

[2] 万海云. 新冠疫情对国际关系的影响-J.: 专题报道. -2020.-No.10. - P.22-26 [Wan Haiyun, Impact of COVID-19 on International Relations. Special Report].

[3] 孙婷. 新冠疫情国际关系效应对中国重要战略机遇期的影响探析. 长春: 吉林大学 (硕士学位论文), 2021 [Sun Ting. The impact of the international relations effect of the new crown epidemic on China's important strategic opportunity period. Changchun: Jilin University (Master's thesis)].

[4] Faminskij I.P. Mezhdunarodnye jekonomicheskie otnoshenija [International economic relations: uchebnik]. – М.: Jekonomist, 2009. – 880 с.

[5] Rybalkin V.E. Mezhdunarodnye jekonomicheskie otnoshenija [International economic relations: uchebnik]. - M.: UNITI-DANA, 2008, 624 s.

[6] Vajrinen, Rajmo. Ugasanie bol'shoj vojny [Great War Fading]. London, New York: Routledge, 2006.

[7] Reus-Smit, Kristian. Nравstvennaja cel' gosudarstva: kul'tura, social'naja identichnost' i institucional'naja racional'nost' v mezhdunarodnyh otnoshenijah [Christian Reus-Smith. The Moral Purpose of the State: Culture, Social Identity, and Institutional Rationality in International Relations]. Princeton: Izdatel'stvo Prinstonskogo universiteta, 1999.

«COVID-19-ның ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРҒА ӘСЕРІН ТАЛДАУ»

*Мырзабекова Р.С.¹, Цинь Лу²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің доценті, Алматы, Қазақстан, Мырзабеков Молдахмет Сейдахметұлы, moldahmet1964@gmail.com,

²Әл Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің магистранты, Алматы, Қазақстан, 1355140854@qq.com

Андатпа. Бүкіл әлемді шарпыған COVID-19 пандемиясы әлем елдерінің экономикалық дамуын күрт бәсеңдетіп қана қоймай, халықаралық қатынастар мен әлемдік тарихқа да елеулі әсер етті. Бейбіт дамуға, халықаралық жүйенің жалпы тұрақтылығы мен ашықтығына және халықаралық тәртіптің тиімділігіне негізделген уақыт тақырыбы елдер үшін маңызды стратегиялық мүмкіндіктер кезеңін құрайтын қолдаушы шарттар болып табылады. Эпидемияның әсерінен халықаралық жүйенің жалпы инклюзивтілігі мен ашықтығы төмендеді, халықаралық тәртіптің тиімділігі де әлсіреді, сонымен бірге антиглобализм тенденциясы күшейе бастады, бұл үшін көптеген проблемалар туындады. Әлемдік экономиканың дамуы. барлық елдер: бар гегемондық державалар мен көтерілген державалар арасындағы шиеленіс тереңдей түсті. Сондай-ақ көршілес елдерден проблемалы суларда балық аулау, халықаралық қауымдастықтың жалпы дамуына кедергі келтіру сияқты сыртқы қысым сияқты мәселелер бар.

COVID-19 әдетте халықаралық қатынастарға әсер ететін катализаторға тең. Ол халықаралық күштердің теңгерімді тепе-теңдігіне ықпал етеді, гегемондық және өсіп келе жатқан державалар арасындағы құрылымдық шиеленісті күшейтеді, жаһандандудың жағымсыз салдарын және реформалардың шұғыл қажеттілігін көрсетеді. жаһандық басқару жүйесінде. Маркстің дүниежүзілік нарық теориясына, Маркстің тарихи материализміне және дүниежүзілік тарих теориясына теориялық тірек ретінде талдау жасай отырып, мақалада диалектикалық-логикалық талдау, рационалды-абстрактілі әдістерді пайдалана отырып, індет жағдайындағы халықаралық қатынастардағы

өзгерістер жүйелі түрде талданады. талдау және салыстырмалы әдістемелер. Зерттеу – халықаралық қатынастардың ерекшеліктерін объективті және ғылыми тұрғыдан түсіну.

Тірек сөздер: халықаралық қатынастар, COVID-19, жаһандану, ықпал, әлемдік экономика, АҚШ, халықаралық тәртіп, өзгеріс.

AN ANALYSIS OF THE IMPACT OF THE INTERNATIONAL RELATIONS EFFECT OF THE COVID-19

*Myrzabekova R.S.¹, Qin Lu²

¹Associate Professor of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, moldahmet1964@gmail.com,

² master student of Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan, 1355140854@qq.com

Abstract. The COVID-19 pandemic raging around the world not only severely slowed down the economic development of the countries of the world, but also had a serious impact on international relations and world history. The theme of time, based on peaceful development, the general stability and openness of the international system, and the effectiveness of the international order, are supportive conditions that constitute a period of important strategic opportunities for countries. Under the influence of the epidemic, the overall inclusiveness and openness of the international system has decreased, and the effectiveness of the international order has also weakened, at the same time, the trend of anti-globalism has begun to grow, creating many problems for the development of the world economy. all countries: the contradiction between existing hegemonic powers and rising powers has deepened. There are also problems from neighboring countries, such as fishing in troubled waters, and external pressures, such as obstacles to the overall development process of the international community.

COVID19 is generally equivalent to a catalyst for impacting international relations. It contributes to a more balanced balance of international power, exacerbates the structural tension between hegemonic and rising powers, highlights the negative effects of globalization and the urgent need for reform. in the system of global governance. Analyzing Marx's theory of the world market, based on Marx's historical materialism and the theory of world history as a theoretical support, the article systematically analyzes changes in international relations in the context of an epidemic using the methods of dialectical-logical analysis, rational-abstract analysis and comparative methodologies. Research is to objectively and scientifically understand the features of international relations.

Key words: international relations, COVID19, globalization, influence, world economy, USA, international order, change.

Статья поступила 16.05.2022

UDC 327

DOI 10.48371/ISMO.2022.48.2.010

IRSTI 11.4

HISTORY OF CHINA AND MONGOLIA AND ITS IMPACT ON THE DIPLOMATIC RELATIONS

*Augan M.¹, Guohua M.²

*¹Doctor PhD in international relations of Al-Farabi Kazakh national
university, Almaty, Kazakhstan, e-mail: augan@rambler.com,

²MA student of Al-Farabi Kazakh national university,
Almaty, Kazakhstan, e-mail: 780954599@qq.com

Abstract. Today, Mongolia is a sovereign state recognized throughout the world with an independent foreign policy, an active participant in international politics, a member of the UN. In 2011, Mongolia solemnly celebrated the 100th anniversary of the national liberation revolution of 1911, which proclaimed the restoration of national independence and statehood. In this regard, at present, interest in the problem of Mongolian independence is not weakening. It is especially important, in our opinion, to trace the difficult conditions under which the struggle for independence and the formation of the Mongolian state in 1911-1921 took place. As we all know, Mongolia is divided into Outer Mongolia and Inner Mongolia. Outer Mongolia once belonged to China's territory in history. Later, during World War II, due to China's foreign intervention in the Anti-Japanese War and the Civil War between the Kuomintang and the Communist Party, Outer Mongolia was not taken care of. Later, under the intervention of the Soviet Union, in 1921, it achieved independence and became an independent sovereign state. In addition, Mongolia was permanently separated from China.

Mongolia's relation with China is complicated and has its own historical background. This is a comprehensive study of the multi-vector foreign policy of China and Mongolia, carried out taking into account the serious geopolitical changes and transformational processes currently taking place in the region of Central and Southeast Asia. In the context of new political realities, leading regional and non-regional participants are revising their previous foreign policy priorities in order to implement new national interests, which cannot but affect the situation in the region itself.

Key words: history, China, Mongolia, policy, diplomatic development, independence, multi-vector police, Silk Road.

Basic provisions

Mongolia is located in the middle of the European and Asian continents. It borders the land of China. The country has the longest border,

with a border of 4,676 kilometers. Both countries due to its geographical location is adjacent, and the living customs of the two peoples are very similar. History of China and Mongolia are rich on events and revolutions. These countries have their own identity, culture and history. Because on the certain period Mongolia was a part of China, their connection is strong in the historical context.

Introduction

Mongolian language was used in ancient countries. The people of Inner Mongolia in my country also use Mongolian. There are no communication barriers. The living environment in Mongolia is very similar to that of the residents in Northeast my country, which strengthens the exchanges and cooperation between the people of the two countries. Mongolia was originally called Outer Mongolia or Khalkha Mongolia. Mongolian nation has a long history.

Description of materials and methods

In the course of the study, theoretical methods were used. These include the study of material from various sources and comparison.

The purpose of the article is to assess the current state of diplomatic relations between China and Mongolia and shed light on the historical events.

Research Objectives:

- to determine the root of the problems between the two powers based on historical events
- to identify the problems that can disserve Mongolia and China relations
- to analyze the actions of Mongolia and China in the context of history

Results

Today, Mongolia is a sovereign state recognized throughout the world with an independent foreign policy, an active participant in international politics, a member of the UN. In 2011, Mongolia solemnly celebrated the 100th anniversary of the national liberation revolution of 1911, which proclaimed the restoration of national independence and statehood. In this regard, at present, interest in the problem of Mongolian independence is not weakening. It is especially important, in our opinion, to trace the difficult conditions under which the struggle for independence and the formation of the Mongolian state in 1911-1921 took place.

Having survived a powerful upsurge during the time of Genghis Khan, Mongolia at the end of the 17th century. lost its independence, becoming for a long time one of the outlying parts of the Qing Empire. The process of establishing the independence of the Mongolian state was long and complex, taking place in a difficult domestic and international situation.

Xinhai Revolution 1911-1913 in China was a turning point in the struggle for the independence of the Mongols. In December 1911, the independence of the Mongolian state was proclaimed. Jebzun-Damba-Khutukhta became the head of the Mongolian theocratic state, which united the Mongolian people in the struggle for independence and sovereignty. In the minds of the Mongols, he was the personification of unity and national identity [1].

The struggle for independence rallied the Mongolian people and contributed to the growth of national self-consciousness. This event was a defining moment in the struggle of the Mongolian people for independence and international recognition. Due to its territorial position, Mongolia found itself at the center of the geopolitical interests of world powers, primarily its neighbors, thereby forming a complex triangle of relations between Russia-Mongolia-China and becoming for a long time one of the hot spots in the Central Asian region, where the interests of the national liberation struggle intertwined

Mongolian people and leading states of the world. At the same time, the problem of Mongolia's independence in the first quarter of the 20th century was closely connected with its immediate neighbors - Russia and China, and the enormous revolutionary changes that took place in these countries [2].

Today, the term "Asianization" is often heard in scientific and popular science literature. Its idea is that in the modern world, the Asian continent begins to occupy the leading positions with increasing force. This process is obvious and partly natural. Previously, the leading role in the world was occupied by European states - it was the West that was the center of world politics, economics and culture. In historical science, this phenomenon is called "Eurocentrism". By the beginning of the 21st century, the priority shifted towards the East. Today, Asian countries are able to offer the world the most advanced technologies in industry, science, technology, and culture. This factor, together with the "favorable mentality" of the Asian people (its industriousness, desire for continuous development), determines the civilizational significance of the Asian region at the highest level [3].

Interest in the problem of independence is not accidental. Today the Mongolian Republic is a sovereign state recognized throughout the world, an active participant in international politics, and a member of the UN.

From the moment of its formation, the ancient state of Central Asia, Mongolia, has passed an eight-century path of development. For centuries, rulers, starting with Genghis Khan, carried out an active foreign policy to annex neighboring territories. However, having experienced a powerful rise and secured the status of an empire, Mongolia in the middle of the 17th century lost its independent position, falling under the influence of the more powerful Chinese Qing Empire at that time. Actually, from that moment on, the Mongolian people entered the struggle for the sovereign status of their

state, the peak of which fell on the first half of the 20th century.

On the other hand, the issue of Mongolian independence during the first half of the 20th century influenced the formation of Russian-Chinese relations. Today, the issue of relations between the two powers does not lose its relevance. At present, China is undergoing a powerful transformation from a purely regional power, focusing on regional international problems, into a global superpower. Modern world trends do not imply deterioration in Russian-Chinese relations, but if a precedent arises, the Mongolian question can be raised again.

In order for a state to feel fully self-sufficient, it must first have a sovereign status. It is no coincidence that the concept of “sovereignty” (supremacy independent of any forces, circumstances and persons) in political science became widespread at the end of the 19th century simultaneously with the concept of “state”. Thus, in the aggregate, the scientific attractiveness of the topic of independence for scientists was determined throughout the 20th century.

Many aspects of the process of establishing Mongolian independence have been identified to date, but are far from being fully understood. The search for adequate explanations is a task for Mongolian scholars today.

There are three periods of research into the history of Mongolia becoming independent from China.

1. The second half of the XIX - the beginning of the XX centuries - the pre-revolutionary period. Here we include the works of great travelers, explorers of Mongolia and Central Asia as a whole. The authors of this period were participants or witnesses of the events they describe, which is why the material they collected is empirical in nature and represents a powerful cognitive base.

It should be distracted by the fact that the first scientific expeditions to Mongolia were undertaken at the beginning of the 18th century, in the era of Peter I. “His active foreign policy, activities for the development of the Urals and Siberia put on a practical plane the need to know their eastern neighbors. Initially, not scientific, but practical needs of diplomatic and trade relations with Mongolia and China contributed to the study of the Mongolian language, its history and culture.

In the 19th century, not just trips to a neighboring state were made, but expeditions were organized to study Mongolia in many ways. This brings Mongolian studies to a scientific level [2]. The books published as a result of the trips were, in a way, travel notes, where authors such as I.F. Kudinov, D.A. Klements, M.V. Pevtsov is given geographical, ethnographic, statistical information about unexplored Mongolia neighboring Russia. One of the classics of Russian orientalism N.Ya. Bichurin also lived and worked in the 19th century. He is known mainly for his sinology studies. However, one of his main works, “A Statistical Description of the Chinese Empire,”

contains information about Mongolia as an integral part of the Chinese (Qing) Empire.

Later authors (beginning of the 20th century), having the opportunity to personally observe the political situation that has developed in Mongolia, in their works give not just a description of the Mongolian state, but present some kind of analysis. In particular, they are interested in relations with Russia. As a result of a 20-month expedition (from April 1909 to February 1911) A.P. Benningsen in 1912 published the work "Some Data on Modern Mongolia". In a series of names of other famous researchers of Mongolia at the beginning of the 20th century - G. Grumm-Grzhimailo, B.I. Imshenetsky, B.C. Mikheeva, N.V. Pavlova, P.K. Kozlov, a special place is occupied by the name of A.V. Burdukov. This man lived in Mongolia for many years, knew the Mongolian language perfectly and studied the country, as they say, on the spot. Living in Mongolia, A.B. Burdukov regularly sent information about the course of the 1911 revolution to the Russian newspapers «Altai» and «Sibirskaya Zhizn». In relation to which the figurative author's assessment has been preserved: "Buried under the ashes of Chinese despotism and under the rubbish of the yellow faith of the seemingly "extinct" nomads received the first coal - "exercise" from the Chinese Revolution of 1911; but this coal barely smoked under the rot of feudalism until 1921" [3].

In 1911, a meeting took place between A.B. Burdukov with the famous Mongolian researcher B.Y. Vladimirtsov, who, in turn, was a student of another famous explorer of Central Asia, professor of St. Petersburg University, the founder of the St. Petersburg school of Mongolian studies V.L. Kotvich [4].

In addition, the result of traveling around Mongolia was the publication of the book "Modern Mongolia". In the spring of 1919, the Irkutsk representative office of the Centrosoyuz began mass purchases of livestock in Outer Mongolia. In addition to the purchase of livestock, Irkutsk cooperators were interested in the possibilities and prospects of Russian-Mongolian trade in general. The future academician, ambassador to Great Britain and Deputy People's Commissariat for Foreign Affairs, and at that time a little-known economist I.M. Maisky [5]. The expedition lasted sixteen months, and personally Maisky did it all on horseback.

This work shows us the pre-revolutionary period in the life of the Mongolian people, who experienced the last years of autonomy: In his observations, the author highlights two main points - the fundamental role of the masses in the revolutionary movement of 1911 and the special position of the Mongolian clergy in this matter. Maisky not only points out that in the absence of the institution of supreme power in Mongolia (before the revolution of 1911, the Manchu emperor was considered the head of state) in difficult times, the lamaist church assumed political functions, but

also determines the cause of this phenomenon. In his opinion, “at that time the church in Mongolia plays approximately the same role that it played in previous centuries in Western Europe and Russia, it is here the guardian and hotbed of enlightenment and therefore dominates the entire intellectual, spiritual and political life of the country” [6]. Subsequently, other Mongolian scholars began to develop the idea of the political role of the lamaist church in the life of Mongolian society after the revolution of 1911.

In general, it is worth noting the great importance of the pre-revolutionary stage of historiography on the topic of interest to us - based on personal observations, the authors presented rich factual material that served as the basis for further study of the formation of sovereign Mongolia.

2. The second, longest period, occupies the 1920s - 80s. Conditionally, it can be divided into the Marxist period (20-30s of the XX century) and the post-war period. In our opinion, it is not possible to separate them into separate stages, since the criteria for assessing historical events have not changed, but the duration of the stage has led to the need to identify sub-stages.

The emergence and development of Marxist historiography took place in the 20-30s of the 20th century. The general trend in the development of historical research during this period, aimed at confirming such concepts as the world revolution, universal equality, internationalism as the fundamental principles of the domestic and foreign political history of countries, could not be reflected in Mongolian studies [7]. The authors of this period, in considering the foreign policy of Mongolia as an integral part of its struggle for independence, “suffered” from exalting the role of the USSR in this process. The latter made a priority adjustment to the research topics of this period.

Most of the works are devoted to the description and analysis of the Mongolian People’s Revolution of 1921. On June 1, 1921, Mongolia was proclaimed a Republic. A great contribution to its implementation was made by the Soviet government, which, within the framework of the idea of a world revolution, carried out extensive propaganda of Marxist-Leninist social theory in the eastern states, in particular in Mongolia.

Among the most famous authors of this period we will name Vaksberg M.A., Kungurov G.F. In these works, there is a common trend towards defining the role of the 1921 revolution as a key event in the formation of Mongolian independence [8]. The entire history preceding this event was, according to the authors, only a preparatory stage, which made it possible to identify in the person of Soviet Russia the main ally and assistant to the Mongolian people. The latter, being the conductor of the world revolutionary movement, played an exceptional role in the fate of the Mongolian state and anticipated its further path of development. So M.A. Vaksberg reveals the “socialist nature” of post-revolutionary Mongolia by analyzing the

constitution of 1924[9]. Analyzing the text of the document presented in the book in full, article by article, the author draws an analogy with the “Leninist” constitution and comes to the conclusion that as a result of the victory of the 1921 revolution, the Mongols, with help and active support of the proletariat of the USSR, built their own independent revolutionary statehood.

Perhaps the most complete reflection of this period of historiography was found in the periodical scientific press of that time. In particular, many articles about the revolution of 1921 were published in the journals *Novy Vostok*, *Life of Buryatia*, *Pacific Ocean*, *Bolshevik*, and others. as a result, the need to liquidate the lamaist church, which, in their opinion, was the personification of feudal Mongolia. The national revolutionary movement of Mongolia had its own two main tasks: on the one hand, the expulsion of foreign rapists (Chinese militarists and Russian White Guards) from the country, on the other, the elimination of the feudal-theocratic system and the establishment of people’s democratic statehood. The feudal estate of Mongolia is at a crossroads and is going through a period of disintegration as a political unit. Hence the revolution of 1921 is assessed as a stage in the transition to a new socio-political formation.

The second point is that in their articles the authors emphasize the role of the Mongolian People’s Revolutionary Party, pointing out its exceptional importance in the acquisition of national sovereignty by the state. In this sense, the figurative assessment of I.I. Genkin is interesting. The author writes that “the Mongolian People’s Party managed to stir up the stagnant swamp of Mongolian life, drive more than one wedge into the foundations of feudalism and theocracy.”

Among the problems raised by scholars regarding the process of the movement for Mongolian independence, during this period, the Japanese question was first illuminated[10]. In the 1920s and 1930s, Japan began to exert a significant influence on the Mongolian state. The goal is to create a buffer space that makes it possible to interfere in the affairs of Russia. As a result, Japan intervened in the international diplomatic issue of the independence of Mongolia.

After these events comes the post-war period. During this period, fundamental works on the history of the Mongolian People’s Republic were published, as well as a large number of works devoted to the problems of Mongolian foreign policy, where relations with the Soviet Union continue to occupy a special place [9].

The latter, as before, is determined by the history of Mongolia in this period - being oriented towards the socialist model of development, the Mongolian state is experiencing significant influence from the country of the Soviets. This could not but affect the nature of Mongolian studies in this period - they have a powerful ideological background, based

on an exaggeration of the Marxist-Leninist theory of class struggle, internationalism and fraternal cooperation of socialist countries.

Discussions

Priority for consideration are issues related to the formation of socialism in Mongolia, considered by scientists as a guarantor of state sovereignty. Unlike the previous stage, where there was a direct analysis of the revolution of 1921 as the next stage of the struggle for independence, modern authors define it as the starting point in the history of the new state - the Mongolian People's Republic.

According to researchers, this revolution was a direct consequence of the Great October Revolution, which is why the problems of Soviet-Mongolian relations receive a special sound.

Looking back to modern times, many ties connects relations of China and India. One of them is Silk Road project that was recently developed on Central Asia. Since the 1990s, the prevailing political situation has contributed to increasingly loud statements about plans to recreate the ancient Silk Road, although negative factors continue to hinder their implementation - mainly the unstable and tense situation in some Central Asian countries, especially in Afghanistan.

Since 2008, the construction of the transcontinental highway "Western Europe - Western China" began as one of the first examples of the real implementation of the idea of the "New Silk Road". The sequence of high-speed highways and high-class highways built into a single system runs through the territory of China, Kazakhstan and Russia. In China and Kazakhstan, construction is nearing completion [6].

China's interests in the large-scale strategy of the "New Silk Road" promoted by it are diverse:

- New transport corridors should reduce the time of cargo transportation from China to Europe from the current 45-60 days. by sea up to 10-13 days. by land. This will significantly optimize supplies and reduce the cost of many Chinese goods, strengthen China's position in the European and Asian markets, as well as occupy new markets in Africa and the Middle East.

- The conquest of new markets is extremely important for the growth of the Chinese economy, which has been slowing down in recent years. Although there are still hundreds of millions of peasants in China who are not involved in the modern economic and technological way of life, China's human resources are not infinite. Continued growth and development requires finding more and more extensive use of Chinese goods, technologies and investments abroad [2].

Conclusion

So, at the beginning of the XX century, the Manchu dynasty in China faced a severe crisis, from which it hoped to get out through reforms, including on the territory of Mongolia. The Qing Empire began to pursue a "new policy" aimed at the active colonization of the Mongolian lands. The

whole course of events during the period when

Mongolia was under the rule of the Manchu conquerors shows that it was a difficult period in the history of the Mongolian people. The Mongols were aware of the danger that threatened them from China, which began colonization of their ancestral lands, which was to end with the transformation of Mongolia into an ordinary Chinese province with the loss of identity by the Mongols and their further assimilation.

The arbitrariness of the Qing officials, the predatory activity of the Chinese trading capital, the mass resettlement of the Chinese who seized the best lands in Mongolia, the loss of national values could not but cause resistance of the indigenous population. Mongolia has long been considered a Buddhist country, and the revival of Mongolian statehood in the form of a Buddhist monarchy has become an objective reality. Therefore, it is not by chance that Bogdo-gegen, the head of the Buddhist church, became a kind of banner and symbol of the revival of the Mongolian state.

Thus, all processes in society developed against the background of the escalating internal political crisis of the empire, which was the cause of the Xinhai Revolution in China in 1911-1913, which, in turn, became the starting point for the creation of Mongolian statehood.

REFERENCES

[1] Zhang Yan, '中国援蒙项目—蒙古国乌兰巴托“北京街”开通,' *People's Daily*, 2014, August 23.

[2] Sneath, David. The Impact of the Cultural Revolution in China on the Mongolians of Inner Mongolia // *Modern Asian Studies*. – 1994. - Vol. 28, No 2.

[3] Isaev A. Choice of Mongolia – Steppe way // <http://www.eastrussia.ru/material/vybor-mongolii-stepnoy-put>. Accessed 12.03.2022.

[4] Uyanaev S. V. Russia - Mongolia - China: activation of trilateral rapprochement (results of the second forum of the Association of Expert Centers of the Russian Federation, Mongolia and China) // *Problems of the Far East*. -2016.- No. 6. - S. 30-35.

[5] PRC-Mongolia Joint Declaration on the Establishment and Development of a Comprehensive Strategic Partnership // *Xinhua*. – 2014. - August 21.

[6] Liang Haiming, 中国也要重返亚洲吗 // *Sina Economic*. – 2015. - January 5.

[7] Yan Xuetong, 整体的“周边”比美国更重要 // *Huanqiu Shibao*. – 2015. - January 13.

[8] Tavrovsky Yu. V. The New Silk Road. – Moscow: Eksmo, 2017. – P. 368.

[9] Batsaykhan O. Mongolia on the way to a nation-state (1911-1946). - Irkutsk: Impression, 2014.- 384 s.

[10] Wang Ruifa, 交官眼中的“一带一路”：加强政策沟通与 // *Crin*. – 2015. - June 19.

ҚЫТАЙ МЕН МОҢҒОЛИЯ ТАРИХЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ДИПЛОМАТИЯЛЫҚ ҚАТЫНАСТАРҒА ӘСЕРІ

*Ауган М.¹, Гохуа М.²

¹PHD, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Алматы, Қазақстан? e-mail: augan@rambler.com,

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің магистранты,
Алматы, Қазақстан, e-mail: 780954599@qq.com

Аңдатпа. Бүгінгі таңда Моңғолия-тәуелсіз сыртқы саясаты бар, бүкіл әлемге танылған егемен мемлекет, халықаралық саясаттың белсенді мүшесі, БҰҰ мүшесі. 2011 жылы Моңғолия ұлттық тәуелсіздік пен мемлекеттілікті қалпына келтіруді жариялаған 1911 жылғы ұлт-азаттық төңкерістің 100 жылдығын салтанатты түрде атап өтті. Осыған байланысты қазіргі уақытта Моңғолияның тәуелсіздік проблемасына деген қызығушылық әлсіремейді. Біздің ойымызша, 1911-1921 жылдары моңғол мемлекетінің тәуелсіздігі мен қалыптасуы үшін күрес қандай қиын жағдайда өткенін байқау өте маңызды. Моңғолия Сыртқы Моңғолия және Ішкі Моңғолия болып бөлінетінін бәріміз білеміз. Сыртқы Моңғолия бір кездері тарихта Қытай аумағына тиесілі болған. Кейінірек, екінші дүниежүзілік соғыс кезінде Қытайдың Жапонияға қарсы соғысына және Куоминтанг пен Коммунистік партия арасындағы Азаматтық соғысқа шетелдік араласуына байланысты сыртқы Моңғолияға мән берілмеді. Кейінірек, Кеңес Одағының араласуымен, 1921 жылы ол тәуелсіздікке қол жеткізді және тәуелсіз егемен мемлекет болды. Сонымен қатар, Моңғолия Қытайдан біржола бөлінді.

Оның Қытаймен қарым-қатынасы күрделі және өзіндік тарихи негізі бар. Бұл қазіргі уақытта Орталық және Оңтүстік-Шығыс Азия аймағында болып жатқан елеулі геосаяси өзгерістер мен трансформациялық процестерді ескере отырып, Қытай мен Моңғолияның көпвекторлы сыртқы саясатын кешенді зерттеу. Жаңа саяси шындықтар контекстінде жетекші өңірлік және өңірден тыс қатысушылар жаңа ұлттық мүдделерді іске асыру мақсатында өздерінің бұрынғы сыртқы саяси басымдықтарын қайта қарайды, бұл өңірдің өзінің ахуалына әсер ете алмайды.

Тірек сөздер: тарих, Қытай, Моңғолия, саясат, дипломатиялық даму, Тәуелсіздік, көпвекторлы полиция, Жібек жолы.

ИСТОРИЯ КИТАЯ И МОНГОЛИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

*Ауган М.¹, Гохуа М.²

*¹ PhD, Казахского национального университета им. Аль-Фараби,
Алматы, Казахстан, e-mail: augan@rambler.com,

²Магистрант Казахского национального университета
им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан, e-mail: 780954599@qq.com

Аннотация. Сегодня Монголия - признанное во всем мире суверенное государство с независимой внешней политикой, активный участник международной политики, член ООН. В 2011 году Монголия торжественно отметила 100-летие национально-освободительной революции 1911 года, провозгласившей восстановление национальной независимости и государственности. В связи с этим в настоящее время интерес к проблеме независимости Монголии не ослабевает. Особенно важно, на наш взгляд, проследить, в каких сложных условиях проходила борьба за независимость и образование монгольского государства в 1911-1921 годах. Как мы все знаем, Монголия делится на Внешнюю Монголию и Внутреннюю Монголию. Внешняя Монголия когда-то в истории принадлежала территории Китая. Позже, во время Второй мировой войны, из-за иностранного вмешательства Китая в Антияпонскую войну и Гражданской войны между Гоминьданом и Коммунистической партией, о Внешней Монголии не позаботились. Позже, при вмешательстве Советского Союза, в 1921 году, она добилась независимости и стала независимым суверенным государством. Кроме того, Монголия была навсегда отделена от Китая.

Его отношения с Китаем сложны и имеют свою собственную историческую подоплеку. Это комплексное исследование многовекторной внешней политики Китая и Монголии, проведенное с учетом серьезных геополитических изменений и трансформационных процессов, происходящих в настоящее время в регионе Центральной и Юго-Восточной Азии. В контексте новых политических реалий ведущие региональные и внерегиональные участники пересматривают свои прежние внешнеполитические приоритеты с целью реализации новых национальных интересов, что не может не сказаться на ситуации в самом регионе.

Ключевые слова: история, Китай, Монголия, политика, дипломатическое развитие, независимость, многовекторная политика, Шелковый путь.

Статья поступила 17.05.2022

**IV БӨЛІМ.
ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР
РАЗДЕЛ IV.
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
IV PART.
INTERDISCIPLINARY RESEARCH**

**ӘӨЖ 327
10.48371/ISMO.2022.48.2.011
FTMP 11.25.25**

**НАЦИСТИК ГЕРМАНИЯНЫҢ ӘСКЕРИ ТҮТҚЫНДАРҒА
ҚАТЫСТЫ САЯСАТЫНДАҒЫ КЕҢЕСТІК ҚОҒАМДАҒЫ
ҰЛТТЫҚ ҚАРАМА-ҚАЙШЫЛЫҚ МӘСЕЛЕСІ**

***Исова Л.Т.¹**

***¹Т.ғ.к., әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің халықаралық қатынастар
және әлемдік экономика кафедрасының доценті,
Қазақстан, Алматы қ., е-mail: tanirbergenlaura@gmail.com**

Аңдатпа. Мақалада нацистік Германияның әскери тұтқындарға қатысты саясатында кеңес қоғамдағы ұлттық қарама-қайшылық мәселесі қаралады. Аталмыш тақырып 1939-1945 жылдары фашистік Германия, Финляндия және басқа да еуропалық елдерде, Түркістан легионында болған қазақстандық әскери тұтқындар мәселесіне қатысты зерттеу циклы негізінде жүргізілуде.

Қазақстандағы мұрағаттардан алынған және аса құпиялығы әлі де сақталған құжаттарда айғақталатын және екінші дүние жүзілік соғыстағы кеңестік тұтқындарға қатысты нацистік неміс саясатының сол кезеңдегі кеңестік қоғамда қалыптасқан ұлттар мәселесіне негізделі жүргізілгенін айқындайды. Германиядан репатриациялаған және әскери тұтқын болған бұрынғы КСРО азаматтарына қатысты құжаттарда «Түркістан ұлттық легионымен» қатар, «Абвергруппа», «Зондерлагерь», «Солтүстік Кавказ легионы», «Большевизмге қарсы күрескерлер Одағы» секілді неміс тұтқындар лагерлерінің ұлттық құрылымдарынан келгендерге қатысты істер жеткілікті. Аталмыш құжаттар мазмұны кеңестік қоғамдағы ұлттық қарама-қайшылық үрдісін және әскери тұтқындардың саяси статусына сай қолданылған нацистік Германия саясатын негіздейді.

Тірек сөздер: әскери тұтқындар, соғыс, конвенция, нацистік идеология, легион, ұлттық комитет, ұлттық қарама-қайшылық.

Негізгі ережелер

Халықаралық қатынастар тарихында өткен ХХ ғасырдың ең маңызды оқиғасы және әлемдік жүйенің қазіргі тәртібінің сипаты негізделген екінші дүние жүзілік соғыс мәселелерін, соғыстың бүгінгі геосаясатта әлі де ықпалды тұстарын зерттеп, сараптаудың өзектілігі қашанда күрделі. Әсіресе, осы соғыста Кеңестер Одағы құрамында болып, қан майданда тағдырлары тәлкек болған қазақстандық жауынгерлердің әскери тұтқынға айналуы және әлі күнге дейін оларды тарих тезі мен кеңестік саясат беттерінен біржолата нақтылап бағалау аса маңызды. Тіпті, соғыстың шығуына себепкер болған фашистік Германия геосаясатының құпия беттерімен байланысты беймәлім және жасырын болып келген ақпараттарды жария ету мәселесі тағы бар.

Кіріспе

Соғыстар тарихы және оның халықаралық сипатының дипломатиялық мазмұны мәселенің гуманитарлық жағын алға тарта, аса назарға ілігуі керек әскери тұтқындарға қатысты бағдарында кешенді қараудың ғылыми бағамдалуының сұранысын жаңартып отырады. Әскери тұтқындардың тарихи Отандарына оралу үдерісі, оларды сот алдындағы жауапкершілікке тарту және жазалау, одан кейінгі уақыт, заман өзгерісіне сай жаңарған мемлекеттер саясатындағы бетбұрыстарға сәйкес ақтап алу секілді жағдайлардың орын алуы соғысқа қатысқан мемлекеттердің саяси өмірінде әлі күнге дейін жалғасып тауып жатқан саяси-идеологиялық сипатта.

Осы орайда, ҚР Президенті Қ-Ж. К.Тоқаевтың «Тәуелсіздік бәрінен қымбат» атты мақаласынан кейінгі кеңестік соқыр саясат жылдары тарихи ақтаңдақтары толық ашылмаған, зерттелуі толық қарқын алмаған қуғын-сүргін құрбандарын ақтау жұмыстары қайтадан қолға алынған тұста, мемлекет басшысының 2020 жылдың 24 қарашадағы «Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөнінде мемлекеттік комиссия туралы» №456 жарлығы жария болып, Отандық тарихтың дүние жүзі тарихымен байланысты беттеріне қатысты саясатты қайтадан түгендеу шаралары да қолға алынған еді. Мемлекеттік маңызды қалалар, облыстар, республика деңгейінде құрылып жұмыс істеуге кіріскен комиссиялар құрамына елдегі білікті тарихшы, халықаралық қатынас танушы, саясаттанушы ғалымдар тартылды. Олар екі жыл көлемінде ҚР Президенті мұрағаты, Орталық Мемлекеттік және қалалық, облыстық, аудандық мұрағаттарында, ҚР Ұлттық Қауіпсіздік комитеті, Прокуратурасы және Полиция Департаменті Арнайы мұрағаттарындағы аса құпия құжаттарды уақыт талабы деңгейінде сай зерттеуде. Мұрағаттардағы «сатқын»

статусы алынбаған әскери тұтқындарға қатысты жеке істерді, әлі де ашық жария етуге рұқсат етілмеген. Қаралған жеке істер заңгерлердің сараптауына ұсынылды.

Саяси құғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік шаралар барысында, Алматы қаласы бойынша құрылған 1939-1945 жылдары фашистік Германия, Финляндия және басқа да еуропалық елдерде, Түркістан легионында тұтқында болған қазақстандық әскери тұтқындар мәселесін зерттейтін мемлекеттік комиссия тобы зерттеу жұмысын жүргізуде.

Аталмыш топтың мұрағаттардағы әскери тұтқындарға қатысы деректерді анықтауы барысындағы зерттеу жұмыстары және дерек қорларының әлі де болса құпиялығы төңірегіндегі жұмыстардың жүргізілу барысы мен оларға қатысты құжаттарды жария етудің білікті заңгерлер сараптамасына ұсынылуы, дүние жүзі тарихы беттеріндегі мәселенің саяси негізін анықтаудағы кейбір тұстарын жүйелеуге де сүйенеді. Алматы Әсіресе, кеңестік қоғамдағы ұлттық қарама-қайшылық үрдісіне негізделген әскери тұтқындардың статусына қатысты нацистік Германия саясаты сипатын және неміс қауіпсіздік полициясының ерекше құрамы мен вермахт саясатын анықтауда әскери тұтқындар үшін берілген артықшылық статустарын сипаттау барысында қарастырады.

Материалдар мен әдістерді сипаттау

Әлемдік саясаттың негізгі мәселелерін жүйелеуде сүйенетін тұрақты актор мемлекеттің ұлттық саясат, ұлттық мүдде, ұлттық идеология мен мемлекет аумағында өмір сүретін ұлттар тағдырының геосаяси мүдделер жағдайын, күштер теке-тіресінің ара салмағының басты шешу сипатына айналуын анықтайтын реалистік және неореалистік басты парадигмалардың ауқымында әскери тұтқындар мәселесін қарау жүзеге асады. Реалистік теорияның ауқымындағы қаралатын күштер балансы, қауіп-қатер балансы, кемелденген анархия, өркениеттер қақтығысының соғыс жылдарында адами факторға ықпалы тұтқын статусындағы болмысты анықтауда қаралады. Халықаралық қатынастардағы әскери қақтығыстар, «әскери қақтығыс» ұғымы және соғыс, халықаралық қақтығыстарды басқару мәселелері де тақырыптың жан-жақты сипатындағы мәселелерді тоғыстыра, реалистік теория өлшемдерімен ашылады. Идеологиялық кеңістіктегі соғыс салдарынан туындаған кеңестік әскери тұтқындарға қатысты «соғыс этикасы», мораль ұстанымдары қазіргі конструктивизм теориясы аясында бағдарланды.

Соғыс мәселесінің тарихи деңгейлігін анықтау, тарих-сараптау әдістері мен салыстырмалы әдістерді терең қолданумен жүзеге асты. Тарих-сараптау әдісі кеңестік қоғамдағы ұлттық қарама-қайшылық үрдісіне негізделген әскери тұтқындардың статусына қатысты

нацистік Германия саясатының күрделігі мен өзектілігін анықтауда қолданылды. Салыстырмалы әдіс мәселенің өткені мен бүгінін бағалаудағы ұстанымын ажыратуда тиімді болды.

Нәтижелері

Екінші дүние жүзілік соғыс жылдарының қазіргі тарихи сабағы, әсіресе еуропалық елдер аумағындағы адами фактордың құқықтың сипатымен өлшенетін әскери тұтқын мәселесінің саяси, құқықтық және мемлекетаралық мәселесін бүгінгі дара тәуелсіз елдер дамуы ұстанымында жаңартып, мәселенің шынайылығын, күнгейі мен көлеңкесін дара қарау міндеттерін тереңдетті.

Қазақстандағы мұрағаттардан алынған және аса құпиялығы әлі де сақталған құжаттарда айғақталатын және екінші дүние жүзілік соғыстағы кеңестік тұтқындарға қатысты нацистік неміс саясатының сол кезеңдегі кеңестік қоғамда қалыптасқан ұлттар мәселесіне негізделе жүргізілгенін айқындайды. Германиядан репатриациялаған және бұрын әскери тұтқын болған бұрынғы КСРО азаматтарына қатысты құжаттарда «Түркістан ұлттық легионымен» қатар, «Абвергруппа», «Зондерлагерь», «Солтүстік Кавказ легионы», «Большевизмге қарсы күрескерлер Одағы» секілді неміс тұтқындар лагерлерінің ұлттық құрылымдарынан келгендерге қатысты істер жеткілікті. Аталмыш құжаттар мазмұны кеңестік қоғамдағы ұлттық қарама-қайшылық үрдісін және әскери тұтқындардың саяси статусына сай қолданылған нацистік Германия саясатын негіздейді.

Соғысаралық жылдардағы кеңестер билігінің қарамағына кірген халықтарға қатысты өрескел асыра сілтеу саясаты орыс мәдениетін кеңес мәдениетімен бірегей ету бағытында құрылып, тілінен, дінінен, мәдениеті мен ғұрып-дәстүрінен айыру арқылы дүниетанымдық болмыстарын күйрете жүзеге асқаны белгілі [1]. Кеңестік үкіметтің көп ұлтты халықтарына қатысты ішкі идеологиясын тиімді пайдаланған Германия өзінің сыртқы саясатында «өмірлік кеңістіктерге иелік» ету теориясын геосаяси мақсатта жүзеге асыру бағытын, кеңестер билігін тұрақтандырудағы ұлттық идеологиялық қарама-қайшылығында құруды көздеген болатын [2]. Нацистік Германияның соғыс қарсаңындағы осындай геосаяси стратегиясы соғыс уақытында тұтқынға түскен кеңестік азаматтарға қатысты әрекеттерде басты мақсатқа айналады.

Жалпы ғасырлардан келе жатқан соғыстар тарихының маңызды бетбұрысы 1899 және 1907 жылдардағы Гаага бейбіт конференцияларындағы соғыстар және әскери қақтығыстарды реттеу мәселелері жөніндегі халықаралық конвенциялардың қабылдануымен

түбегейлі өзгергені белгілі. Соның ішінде, әскери тұтқындарға да қатысты міндеттер құрлық әскері заңдары мен ғұрыптары жөніндегі негізгі ережелермен реттеліп (1907 жылғы, 18 қазандағы, Төртінші Гаага конвенциясының қосымшасынан, II тарау, 4-20 баптар) құқықтық статустары анықталғаны да бар [3]. Сол уақытта аталмыш конвенцияға қол қойғандардың қатарында Ресей және Германия империялары да болады [4].

Патшалық Ресей, Уақытша өкімет тұсындағы халықаралық келісімдерге большевиктік биліктің қатынасы 1918 жылғы 30 мамырдағы «Халық Комиссарлары Кеңесі Мәлімдемесінде» анықталады. Аталмыш мәлімдемеге сәйкес 1918 жылдың 4 маусымында Халық Комиссарлар Кеңесі декрет қабылдап, Ресейлік Кеңестік үкіметтің барлық халықаралық конвенциялар мен келісімдер негізінің барлық құқықтар және артықшылықтарды сақтайтыны да мойындалады. Аталмыш құжатта нақты Гаага конвенциясы деген дара сілтемелер болмаса да, мәселе барлық халықаралық келісім, конвенцияларды меңзейтін.

Осы нақты еместіктің салдарынан туындаған әскери тұтқындарға қатысты жауласушы жақтың жағымсыз ұстанымдары да қалыптаса бастайды. Бірінші дүние жүзілік соғыстан кейінгі 47 мемлекеттің қатысуымен болған 1929 жылдың 1-27 шілдесі аралығындағы Женева халықаралық конференциясы барысында [5] қабылданған бірінші, әрекет етуші әскердегі жараланғандар мен науқастардың қатысуын жақсарту жөніндегі конвенциямен, екінші, әскери тұтқындарға қатысты конвенциялардың да қолданыстық аясының міндеттілік сипаты да кеңестік кереғар саясаттың халықаралық салдарын сипаттап, тұтқындарға қатысты мәселеге негіз болады [6]. Женева конференциясы жұмысына Кеңестер Одағы қатыспайды, соған сай әскери тұтқындарға қатысты Конвенцияға 1949 жылғы жаңа конвенцияға қабылдағанға дейін қол қоймайды. Осылайша, халықаралық құжаттарға сүйене, тарихи тағдырын кеңестер билігіндегі адами факторға қатысты ұстанымға сәйкес жүзеге асырған нацистік Германияның кеңестік әскери тұтқындарға қатысты азаптау амалдарының сұраусыз, ретсіз ақуалы, олардың тектік негізі қатысты жасалған сынақтарға сай жүзеге асқан әрекеттерге бастаған болатын.

1939-1945 жылдары фашистік Германия, Финляндия және басқа да еуропалық елдерде, Түркістан легионында болған қазақстандық әскери тұтқындар мәселесіне қатысты зерттеулер отандық ғылымда да терең зерттелуде. Екінші дүние жүзілік соғыс жылдарындағы

Қазақстанның саяси-әлеуметтік ақуалы және соғысқа қатысты әскер жөнелту [7] және әскери тұтқынға түскен қазақ жауынгерлері және Түркістан легионына қатысты [8] мәселелері сараланған. Екінші дүние жүзілік соғыс тарихының дипломатиялық аспектілерін неміс мұрағаттары дерегі негізінде [9] және кеңес әскери тұтқындарын ұстауға қатысты ұлтшыл билік бағыттарының саясатын саралау [10] және Шығыс легионының құрылу тарихының алғы шарттары мен мәліметтері [11] және Мұстафа Шоқай және Еуропадағы түркі эмиграциясы [12] тақырып мәселесін жан-жақты айқындауда негіз болады.

Талқылау

Кеңестер үкіметінің ұлттарға қатысты өрескел саясатымен сабақтасқан тарих беттері оның құрамында болған қазақтардың да қоғамдық болмысының тұралауына алып келді. Тіпті, екінші дүние жүзілік соғыс жылдары кеңестік жауынгер санатына майданға аттанып, тағдыры фашистік Германия, Финляндия және басқа да еуропалық елдерінде әскери тұтқын болумен ұласқан қазақстандықтардың тағдырында да осы идеологияның із қалдыруы орын алды. Соғыстан кейінгі майдангер санатына қосыла алмай, түрмелерден оралғаннан кейін де «сатқын» ретінде кеңестік қоғамның идеологиялық көзқарасында теріс көзқараспен бағаланған соғыс тұтқындары адами фактор, тұлғалық мораль болмыстарынан айырылған еді.

1941 жылдың жазында басталған соғыс қимылдарының салдары 88 млн тұрғыны бар ауқымды аумақтан айырылып қалумен қатар, олардың ішінде 2 млн әскерге енді шақырылғандар мен 73 млн тұрғынның оккупациялануына әкеліп соқтырған еді [13, б.223]. 1941 жылдың жаз-күз айларындағы әскери кампаниялардың басты нәтижелері, Эстония, Белосток-Минск, Смоленск-Рославль, Гомельден, Ильмень көлі, Великий Лук, Демянск аудандарын қамтыған кеңестердің жұмысшы-шаруа қызыл жасақтарының (РККА) тұтас майдандары мен әскерлерін қоршауда қалдырды. Неміс әскери құрылымдары қоршауда қалған аймақтарда 900 000 адамның тұтқынға алынғанын, кейіндері Киев түбіндегі, Брянск және Вязьмадағы қоршаулардан соң жылдың соңында 2 300 000 адамды тұтындағандарын мәлімдеп жатады [14]. Тұтқындардың арасында ерекше санат «хиви» деген атау алғандар (Hilfswilligen-ерікті көмекшілер) неміс әскери бөлімшелерінде көмекші қызметшілер ретінде пайдаланылады, 1943 жылдары олардың саны 400 000 жуық болады [15, б.32–33]. Олар немістермен кеңестік «ынтымақтасушылар» арасында ең көп санатты құрай, барлық майдандарға қол жетімділікте болады.

Соғысаралық жылдардағы Кеңестер Одағы халықтарының тағдырына қатысты солақай шешімдерін нацистік жүйенің

терең барлауы, КСРО аумағын Германия басқыншылары жаулап алғаннан кейінгі уақытта өзінің нәтижесін көрсетеді. Национал-социалистік неміс жұмысшы партиясының сыртқы саяси басқармасы (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei -NSDAP) және германдық арнаулы қызметі Кеңестер Одағының мемлекеттік жүйесін зерттей келе, азербайжандық, грузиндік, солтүстіккавказдық және түркістандық ұлттық ұйымдар қызметіне қатысты мәліметтер жинайды. Осы бағытта Германияда ғылыми-зерттеу мекемелері мысалы, Кенигсбергте «Шығысты зерттеу институты» құрылып, жұмыс істейді. Германия КСРО оккупацияланған аумақтарындағы мұсылман тұрғындары арасында да үгіт-насихат ұйымдастырады. Әсіресе, Қырымдағы қырым татарлары арасындағы үгіт мазмұнында нацистер ислам дініне қамқорлық орната, мешіттер ашуға рұқсат беретіндерін насихаттайды. Мұсылмандардың мінәжат үйлері және Киев қаласында ірі мешіт, Минскідегі «белорус татарлары муфият өкілдігі» мекемелері осындай қолдау жағдайында ашылады. Діни орталық өкілдері, 1942 жылы немістер қолдауымен құрылған «Түркістан комитетіне» қарасты «Муллашуле» мұсылман діни мектебінде кеңестік билікке қарсы белсенді насихат жүргізеді. Аталмыш діни орталықтарынан сауат ашқан дәстүрлі мұсылман халықтары өкілдері Кеңестер жүйесіне қарсы идеологиялық құрал, нацистердің ынтымақтастық (коллорабиялық) органдары ретінде жұмыс жүргізеді. Олар 1942 жылдан бастап, кеңестік әскери тұтқындардың «легионлер» лагерлерінде Германиямен одақтағы дәстүрлі мұсылман халықтарынан шыққандарға «кәпірлерге қарсы қасиетті соғысқа» (яғни, Кеңестер Одағына қарсы) шақырған [16, б. 262].

Түркі халықтарына бағытталған неміс насихаты әскери тұтқындар арасында кеңінен тарап, Үшінші Рейхте бірнеше түркілік ұйымдар құрылады. Түркі тектес халықтардан шыққан ұйымдарға, оның ішінде «Түркістан легионына» да немістердің қолдауындағы діни орталықтарынан молдалар жіберіліп, легиондағыларға күнделікті намаз оқуды белгілейді. Осылайша, нацистер ислам дінін «легионерлерге» арналған және олардың арасындағы кеңестерге қарсы прогермандық насихат құралы ретінде қолданады. Қазақстандық әскери тұтқындар арасында кең тараған түркі тектес халықтардан шыққандарды «Түркістан ұлттық комитетіне» тарту арқылы, легионның еріктілері санатын жабдықтау саясаты мақсаты «Түркістанды азат ету жолындағы күрес» ретінде түсіндіріледі. Осы комитет жанынан құрылған «Түркістан ұлттық жазушылар бірлестігі» өз алдына «большевиктердің орыс империализмінен» түркі халықтарын азат етуді мақсат етеді. Түркі тектес халықтардан шыққан әскери тұтқындар арасындағы азербайжан ұлты өкілдерін тартқан «Азербайжан ұлттық комитеті» және татар-башқұрттардан тұрған

«Идель-Урал комитеттерінде» де, басылымдар ұйымдастырудың, діни үгітті және діни мінәжатты, әскери шендер беруді жігерлендіру арқылы насихат бағыты күшейеді [17, б.61–62].

Кеңестік жүйедегі ұлттар мүддесіне негізделген қарама-қайшылықты кеңестік әскери тұтқындар арасында кеңінен қолдану, екінші дүниежүзілік соғыстағы түркі халықтары мен ынтымақтастықтың шынайы келешегі кеңес-герман майдандасуының Кавказ және Қазақстаннан батысқа кері қайтуы жағдайында елеске айналады [18, б. 59]. Кавказ, Калмық, Қырым халықтарынан шыққандарға қатысты әскери ынтымақтастық насихаты соғыстың шешуші кезеңінде кеңестік әскери тұтқындарға қатысты ғана жүргізіледі.

Герман үкіметі негізін әскери тұтқындардың түркі және кавказ тектес халықтардан шыққан комитет құрамымен әскери ынтымақтастықты ары қарай әскери тұтқындар үшін берілген артықшылық статусын қолдану ретінде дамытады. 1943 жылы вермахт саясаты құрамына түркістандық, азербайжандық және еділ-татарларының төрт батальоны кірген неміс қауіпсіздік полициясының ерекше құрамының (СС) «Жаңа Түркістан» дивизиясын жабдықтайды. Бұл дивизия Белоруссияға түсіріліп, соңынан Варшава көтерілісін басуға қолданылады. 1944 жылдың қазанында дивизия Словакияға жөнелтілген кезде өзара бүліктің орын алуымен словак партизандарына қосыла шашырап кетеді. [17, б. 67–68]. Батыс майданда «түркістандық», «кавказдық» бөліктер КСРО одақтастарымен талқандалып, сенімсіздік себептерімен герман билігі тарапынан таратылады. Француз жерлерінде герман әскері талқандалуынан кейін ынтымақтасушылардың көп бөлігі әскери бекіністер құрылысына жөнелтіледі. 30 000 жуығы одақтастардың тұтқынына түседі.

Әскери ынтымақтастықта болғандарды арнайы лагерлерге жөнелту арқылы, кеңес жүйенің «сатқындар» санатында қабылдаған кеңестік әскери тұтқындардың кейінгі тағдыры, оларды арзан жұмыс күші ретінде пайдалану және Қызыл Әскердің құрылымдарынан ешқандай фильтрациялық тексерістен өтуге мүмкіндік бермеу секілді шаралармен айыптайды. Оларға қатысты КСРО Ішкі істер халық комиссариаты (НКВД) дерективаларда Түркілік комитет құрамы іспетті бірлестіктердің қатарында, әскери ынтымақтастықта болған «Орыс азат ету әскері», «Халық жасағы», «Халық милициясы» секілді құрылымдарда болғандар да көрсетіліп, бірнеше категорияларға бөлінеді. 1943 жылдан бастап, соғыстан кейінгі жылдарда да «Отанға сатқындық жасағандарды» жазалайтын РСФСР Қылмыстық кодексінің 58 бабының тармақтарына сәйкес, әскери тұтқындарға қатысты сот үдерістері Кеңестік республикалардағы әскери тергеу мекемелерінде жүріп жатады.

Қорытынды

Екінші дүние жүзілік соғыстың табиғатын анықтайтын әскери тұтқындар мәселесі феномені, жер тұрғындарының соғыс салдарынан жиырма миллионға жуығының тұтқынға түсіп, соғыс тауқыметінен зардап шеккен шексіз зардабының орын алуы қашанда тарих таразысында. Мәселе халықаралық гуманитарлық құқық, жеке адам құқығы, әскери тұтқындар тағдырының дипломатиялық құжатнамалардағы сипатталу деңгейіне қарай бағалауды да қайта қарауды талап етеді. Адами фактордың маңыздылығы, соғыс тәлкегінен әскери тұтқын статусына түскен азаматтардың іс-әрекетіне, адами ресурстық потенциалына қатысты мемлекеттік шаралар мен халықаралық құжаттарды қабылдау үдерістерінің қажеттілігін анықтау тақырып нысанасын кеңейтеді.

Қазіргі жаһандық геосаяси мүдделер теке-тіресі, Польша-Белоруссия шекарасындағы көші-қон дағдарысының орын алуы, Украинадағы саяси тұрақсыздық және Ресейдің сыртқы саясатына қатысты жаһандық ұстанымдар, Польшаға украин азаматтары көші-қоны ақуалы жағдайы шиеленісуі тақырып бағыты тарихи негізінің бүгінгі геосаяси үдерістермен де сабақтасуына ықпал етуде. Осылайша, уақыт өлшемімен араласқан мәселенің қарары ауқымды.

ӘДЕБИЕТ

[1] Докладная записка Института языка и письменности народов СССР. 25 февраля 1941 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. - М., 2009.

[2] Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. - М., 2001.

[3] Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. - The Hague. - 1907. - 18 October // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=195&ps=P>. Accessed 12.05.2022.

[4] Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. - М., 1942. - С.7-10.

[5] Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml. Accessed 12.05.2022.

[6] Конасов В.Б. Судьба немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы. - Вологда, 1996. - С.20-22.

[7] Алдажуманов К.С. Казахстан в период ВОВ Советского Союза // 70 лет Победы в Великой Отечественной войне: подвиг народа и уроки истории. – Москва: МГУЗ, 2015. – С.116-123.

[8] Алдажұманов Қ.С. Тұтқындағы қазақ жауынгерлері және Түркістан легионы (1941-1945 жж.) // Отан тарихы. - 2016. – № 4 (76). – Б. 41-59.

[9] Кокебаева Г.К. Материалы германских архивов как источники изучения дипломатических аспектов истории второй мировой войны // Екінші дүниежүзілік соғыстың тарихы: жаңа деректер және интерпретациялар / ред. Е.Б. Сыдықов. – Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ баспасы, 2017. – С.60-65.

[10] Кокебаева Г.К. Основные направления политики нацистских властей по содержанию советских военнопленных // Всемирная история и международные отношения в Евразии в свете современной интеграции и модернизации. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – С.52-57.

[11] Кокебаева Г.К. Из истории создания восточных легионов: предпосылки и статистика // Вестник КазНПУ, серия «Исторические и социально-политические науки». – 2019. – № 1. – С.89-97.

[12] Көкебаева Г.К. Мұстафа Шоқай және Еуропадағы түркі эмиграциясы // Ұлы дала тарихы: тарихтан қазіргі заманға дейін // Халықаралық Еуразиялық форумның материалдары. 1-том / Жалпы ред. басқарған Е.Б.Сыдықов. – Нұр-Сұлтан: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2019. – Б.142-148.

[13] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. - М., 2010. - С. 223.

[14] Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. - Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978.

[15] Меженко А.В. Военнопленные возвращались в строй // Военно-исторический журнал. - 1997. - С. 32–33

[16] Гилязов И. Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «Третьего рейха». - Казань, 2005. - С. 262.

[17] Романько О.В. Мусульманские легионы третьего рейха. Мусульманские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1941 – 1945) Симферополь, 2002. - С. 61–62.

[18] Romuald M. Musiunas and Rein Taagepera, the Baltic states: years of Dependence 1940-1990 (Expanded and Updated edition). - Berkeley-Los Angeles: University of California press, 1993. - P. 59.

REFERENCES

[1] Dokladnaia zapiska Institutu iazyka i pismenosti narodov SSSR. 25 fevralä 1941 g. [Report of the Institute of Languages and Letters of the Peoples of the USSR. February 25] //SK VKP(b) i nasionälnyi vopros. Kn. 2: 1933–1945. М., 2009.

[2] Haushofer K. O geopolitike: Raboty raznyh let [About geopolitics: Works of different year]. M., 2001.

[3] Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague, 18 October 1907 // <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=195&ps=P/> Accessed 12.05.2022.

[4] Zakony i obychai voyny. Vajnejšie mejdunarodnye konvensii [Laws and customs of war. The most important international conventions]. M., 1942. S.7-10.

[5] Jenevskaja konvensija ot 12 avgusta 1949 goda ob obrašenii s voenoplennymi [Geneva Convention of August 12, 1949 on the treatment of Prisoners of War] // [URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml). Accessed 12.05.2022.

[6] Konasov V.B. Sud'ba nemeskih voenoplennyh v SSSR: diplomatičeskie, pravovye i političeskie aspekty problemy: očerki i dokumenty [The fate of German prisoners of war in the USSR: diplomatic, legal and political aspects of the problem: essays and documents]. Vologda, 1996, S. 20-22.

[7] Aldajumanov K.S. Kazahstan v period VOV Sovetskogo Soiuza // 70 let Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: podvig naroda i uroki istorii [Kazakhstan in the period GMW Soviet Union // 70 years of Victory in the Great Patriotic War: the feat of the people and the lessons of history]. Moskva: MGUZ, 2015, S. 116-123.

[8] Aldajumanov Q.S. Tutqyndagy qazaq jauyngerleri jane Turkistan legiony (1941-1945 jj.) [Captive Kazakh soldiers and the Turkestan Legion (1941-1945)] // Otan tarihy, 2016, No. 4 (76). – B. 41-59.

[9] Kokebaeva G.K. Materialy germanskikh arhivov kak istočniki izučenia diplomatičeskikh aspektov istorii vtoroi mirovoi voiny // Ekinshi dunieuzılık sogystyñ tarihy: jana derekter jane interpretasialar [Material of German archives as sources of study of diplomatic aspects of the history of the Second World War // History of the Second World War: new facts and interpretations] red. E.B. Sydyqov. – Astana: L.N. Gumilev atyndagy EEU baspasy, 2017. – S. 60-65.

[10] Kokebaeva G.K. Osnovnye napravlenia politiki nasistskih vlastei po soderžaniu sovetskikh voenoplennyh // Vsemirnaia istoria i mejdunarodnye otnoshenia v Evrazii v svete sovremennoi integrasii i modernizatsii [The main directions of Nazi power policy on the maintenance of Soviet military // World History and international relations in Eurasia in the light of modern integration and modernization]. Almaty: Qazaq universiteti, 2018, S. 52-57.

[11] Kokebaeva G.K. Iz istorii sozdania vostochnykh legionov: predposylki i statistika [From the history of the creation of the Eastern Legions: background and statistics] // Vestnik KazNPU, seria «İstoricheskie i sotsialno-političeskie nauki». – 2019, No.1, S. 89-97.

[12] Kokebaeva G.K. Mustafa Choqai jane Europadagy turki emigrasiyası // Uly dala tarihy: tarihtan qazırgı zamanga deın: Halyqaralyq Eurazıalyq forumnyñ materialdary. 1-tom / Jalpy red. basqarğan E.B.Sydyqov [Mustafa Shokai and Turcic emigration in Europe // History of the Great Steppe: from history to modernity]. Nur-Sultan: L.N. Gumilev atyndagy EUU, 2019. B.142-148.

[13] Rosia i SSSR v voınah XX veka [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century]. Kniga poter'. M., 2010, S. 223.

[14] Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945. — Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978.

[15] Mejenko A.V. Voenoplennye vozvraşalis v stroi // Voenistoricheski jurna [Prisoners of war were returning to service. Military History magazine]. 1997, P. 32–33.

[16] Gilazov I. Legion «Idel-Ural». Predstaviteli narodov Povalja i Priurala pod znamenami «Tretego reiha» (Legion “Idel-Ural” [Representatives of the peoples of the region and the region under the names of the “Third Reich”]), Kazan, 2005, S. 262.

[17] Romanko O.V. Musülmanskie legiony tretego reiha. Musulmanskie dobrovjlicheskie formirovania v germanskıh voorujennyh silah [Muslim legions of the Third Reich. Muslim volunteer formations in the German Armed Forces (1941 - 1945)]. Simferopol, 2002, S. 61–62.

[18] Romuald M. Musiunas and Rein Taagepera, the Baltic states: years of Dependence 1940-1990 (Expanded and Updated edition), Berkeley and Los Angeles, university of California press, 1993, P. 59.

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПОЛИТИКЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

*Исова Л.Т.¹

*¹к.и.н., доцент кафедры международных отношений и мировой экономики КазНУ имени аль-Фараби, г.Алматы, Казахстан,
e-mail: tanirbergenlaura@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о национальных противоречиях в советском обществе в отношении политики гитлеровской Германии к военнопленным. Данное исследование проводится в рамках цикла темы по проблеме военнопленных казахстанцев в составе Туркестанского легиона в 1939-1945 гг. в гитлеровской Германии, Финляндии и других европейских странах.

Изучение политики нацистской Германии в отношении советских военнопленных во время Второй мировой войны, основывается на анализе на архивных и до сих пор расекреченных

документов в Казахстане, и на материалах касательно вопросов этнической принадлежности в советском обществе того времени. Документы, касающиеся бывших граждан СССР, репатриированных из Германии и содержащихся в качестве военнопленных, включают дела, касающиеся членов Туркестанского национального легиона, а также национальных структур немецких концлагерей, таких как «Абвергруппа», «Зондерлагерь», «Северо-Кавказский легион» и «Союз борцов с большевизмом». Содержание этих документов обосновывает процесс национального конфликта в советском обществе и политику нацистской Германии, которая применялась в соответствии с политическим статусом военнопленных.

Ключевые слова: военнопленные, война, конвенции, нацистская идеология, легион, национальный комитет, национальный конфликт.

THE PROBLEM OF NATIONAL CONTRADICTION IN THE SOVIET SOCIETY IN THE POLICY OF WAR-PRISONERS OF NAZI GERMANY

*Issova L.T.¹

*¹candidate of Historic Sciences, Associate Professor of the Department of World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, e-mail: tanirbergenlaura@gmail.com

Abstract. The article focuses on contradictions of Soviet society in relation to the policy of Nazi Germany towards prisoners of war. This research is carried out as part of frame studies of Kazakhstan prisoners of war as part of the Turkestan Legion from 1939 to 1945, particularly in Nazi Germany, Finland, and other European countries.

The study of the policy of Nazi Germany towards Soviet prisoners of war during the Second World War is found on the analysis of archives and declassified documents in Kazakhstan, and on the documents regarding issues of ethnicity in the Soviet society of that time. Documents accepted by former citizens of the USSR, repatriated from Germany and sovereigns as prisoners of war, include case files accepted by members of the Turkestan National Legion, as well as a special structure of concentration camps, such as the Abwehrgroup, Sonderlager, North Caucasian Legion and Soyuz fighters against Bolshevism. The content of these documents substantiates the process of social conflict in Soviet society and the investigators of Nazi Germany, which was held accountable in accordance with the collective status of prisoners of war.

Key words: prisoners of war, war, Nazi ideology, legion, national committee, national conflict.

Статья поступила 17.05.2022

Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
«ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР және АЙМАҚТАНУ» сериясы
ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана
серия «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»
BULLETIN
of Ablai Khan KazUIRandWL
series «INTERNATIONAL RELATIONS and REGIONAL STUDIES»
2 (48) 2021
ISSN 2411-8753 (Print)
ISSN 2710-3633 (Online)
moregion.bulletin@ablaikhan.kz

Отпечатано в издательстве «Полилингва»
«Издательство не несет ответственности за содержание авторских материалов
и не предоставляет гарантий в связи с публикацией фактов,
данных результатов и другой информации»

Директор издательства:
Есенгалиева Б.А.

Технический редактор, компьютерная верстка:
Кынырбеков Б.С.

Подписано в печать 23.06.2022 г.
Формат 70x90 1/8. Объем 15.75 п.л. Заказ № 3079. Тираж 300 экз.
Отпечатано в издательстве «Полилингва»
КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Издательство «Полилингва» КазУМОиМЯ имени Абылай хана
050022, г. Алматы, ул. Муратбаева, 200
Тел.: +7 (727) 292-03-84, 292-03-85, вн. 21-19
E-mail: kazumo@ablaikhan.kz, ablaikhan@list.ru